

Высшее профессиональное образование

М.Р. Львов

РИТОРИКА. КУЛЬТУРА РЕЧИ

2-е издание

Учебное пособие

Педагогические
специальности

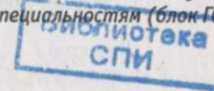
Ш/797
1891

М. Р. ЛЬВОВ

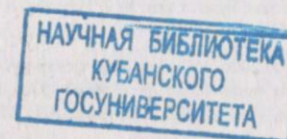
РИТОРИКА. КУЛЬТУРА РЕЧИ

Рекомендовано

Учебно-методическим объединением по специальностям педагогического образования в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по педагогическим специальностям (блок ГСЗ)

2-е издание, исправленное

Москва

2004

УДК 82.085(075.8)
ББК 83.7я73
Л89

Рецензенты:

доктор филологических наук *М.Л. Каленчук*,
доктор педагогических наук *Н.А. Ипполитова*

Львов М. Р.

Л89 Риторика. Культура речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений, обуч. по пед. спец. — 2-е изд., испр. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 272 с.
ISBN 5-7695-1936-3

В пособии рассматривается интересная, но мало изучаемая область филологической науки — риторика, сферы ее влияния и применения, история возникновения. Особое внимание уделяется видам красноречия, значению духовно-нравственного слова. Очень важны практические советы в отношении ораторского искусства, необходимого в преподавательской, дискуссионной и других областях деятельности.

Для студентов вузов, обучающихся по педагогическим специальностям; может быть рекомендовано преподавателям колледжей и вузов, учителям.

УДК 82.085(075.8)
ББК 83.7я73

Учебное издание

Львов Михаил Ростиславович

Риторика. Культура речи

Учебное пособие

Редактор *Г.Е. Конопля*.

Технический редактор *Е.Ф. Коржуева*. Компьютерная верстка: *Р.Ю. Волкова*.

Корректоры *Э.Г. Юрга, А.В. Шипаева*

В оформлении обложки использован фрагмент фрески Рафаэля «Диспут», 1509 г.

Изд. № А-210-П. Подписано в печать 12.08.2004. Формат 60 × 90/16.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 17,0.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 13841.

Лицензия ИД № 02025 от 13.06.2000. Издательский центр «Академия».
Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.004796.07.04 от 20.07.2004.
117342, Москва, ул. Бутлерова, 17-Б, к. 328. Тел./факс: (095)334-8337, 330-1092.

Отпечатано на Саратовском полиграфическом комбинате.
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

© Львов М.Р., 2002

© Издательский центр «Академия», 2002

ISBN 5-7695-1936-3

ВВЕДЕНИЕ

Толковые словари определяют риторику как науку и искусство красноречия, убеждения словом. В наши дни она расширила сферу влияния, охватив разнообразные области общения — от публичного, официального, научного и делового до бытового, обиходного, как устного, так и письменного. В XX в. в теории и практике речи усилились тенденции культуры речи, стилистическая дифференциация, требования языковой нормы, чему способствовало возникновение и интенсивное развитие новых научных направлений: теории речи, общения, массовой коммуникации, социолингвистики, функциональной стилистики, грамматики и др.

Красноречие понимают неоднозначно: это и дар слова — речи актуальной, эмоциональной, логичной, ясной, доходчивой, свободно льющейся, безусловно правильной, в которой используются все богатства и тонкости языка и опыт, накопленный веками в поэтике, стилистике, ораторстве, и «языковой вкус эпохи» (по В.Г. Костомарову), разумеется.

Любое высказывание определяется ситуацией, потребностями жизни; они порождают мотивы и цели; затем говорящий формирует содержание речи, выбирает форму: монолог или диалог, грамматическую структуру, лексику, интонации, прогнозирует понимание слушателем и его реакцию.

Выбор средств определяет пространство культуры речи на всех этапах внутренней, мысленной, подготовки: мотивации, структурирования содержания, выбора слов и их последовательности, грамматического маркирования, кодового перехода на акустическую, звучащую, речь. Культура речевого общения содержит и этический компонент.

Риторические учения возникали в периоды расцвета цивилизаций: Египет, Индия, Китай, Древняя Греция, Рим. Но в основе всех риторических учений мы видим и философские понятия (например, понимание риторического идеала, поиск истины), и эстетические (пафос, артистизм, образительные средства), и филологические (мастерство языка, логика, стили, фигуры, метафора и пр.), и прагматические (образование, ораторство, деловой мир, политика).

Европейская риторическая традиция восходит к античной культуре V—I вв. до н. э. В Древнюю Русь она пришла через Византию и нашла благодатную почву в славянском мире: расцвет красноре-

чия наступил в XI—XIII вв. Большинство крупных политических деятелей, писателей и даже полководцев Греции и Рима прошли риторические 14-летние школы. В книге «Об образовании оратора» (в русском издании — 12 книг «риторических наставлений») М. Ф. Квинтилиана (I в. н. э.) предствлены и модель учащегося, и развитие его способностей, и разделы риторических программ, и нравственные требования к носителю риторического мастерства. Престиж риторики и ее носителя — оратора — был настолько высок, что Марк Туллий Цицерон (I в. до н. э.) ставил его на второе место после полководца. Сам Цицерон был государственным деятелем — консулом и философом, и непревзойденным оратором, и автором трактатов «Об ораторе», «Оратор», «Брут». Античная риторика была неотделима и от общего развития культуры, социальной жизни: у древних мыслителей было развито чувство гармонии науки и жизни, теории и практики. Снобизм некоторых современных ученых ставит под сомнение право риторики называться наукой. Но риторика имеет все признаки гуманитарной науки: ее предмет — речь, общение; классическая риторика опиралась на обобщенный опыт, современная, кроме того, — на закономерности речевой деятельности. Риторика имеет богатейшую историю и литературу, прочные научные связи с философией, логикой, психологией, поэтикой, языкознанием. В разные эпохи она была востребована обществом, что наблюдается и сегодня.

В развитых странах, включая Россию, формируется современная риторика — *rhetorica nova*. «Информационное общество несет новый стиль жизни и требует новой риторики» (Рождественский и Ю. В. Теория риторики. — М., 1997. — С. 10). Она должна быть в высшей степени оперативной, обеспечивать умение ориентироваться в потоке жизни и в лабиринтах текстов, информации, уметь тонко понимать возможные смыслы высказываний, моментально реагировать. Если старая риторика определяла позицию автора и лишь учитывала личность слушающего (адресата), то современная риторика биполярна, диалогична, ситуативна, больше обращена к импровизации на основе максимальной готовности, моментальной ориентировки. Это требует огромного объема знаний, гибкого интеллекта, высочайшей языковой готовности.

Поэтому риторика опирается на высокий уровень владения языком (и языками) и культурой речи в широком понимании этого термина. Языковая культура, обогащенная риторическим опытом, современными теориями паралингвистики, дискурса, семиотики, прагматики языка, психологии речи, логики, подкрепленная артистизмом, призвана обеспечить формирование интеллектуально и нравственно совершенной личности.

Неумолимая история поставила современные поколения перед фактом: почти полтора столетия риторика была исключена из круга

культурных ценностей, формирующих языковую личность. В какой-то мере эту научную дисциплину подменяли, с одной стороны, поэтика, стилистические упражнения, что лишало ее социального напряжения, с другой стороны, риторика была низведена до уровня брошюр «В помощь агитатору и пропагандисту» (20—70-е годы XX в.).

Между тем, в практическом плане несомненных успехов достигло академическое красноречие, приобрели известность блестящие судебные ораторы второй половины XIX в. Социальные потрясения выдвигали одаренных, но не всегда образованных импровизаторов. Риторика преподавалась лишь в богословских учебных заведениях, а также на факультетах классической филологии некоторых университетов.

Кому же нужна риторика сегодня? Всем — без исключений. В начале 1990-х годов в «Известиях» была напечатана статья «Почему Клинтон говорит так складно?» Но ведь бывшего президента США учили! В США мастерство публичной речи, полемики, умение свободно и доброжелательно общаться ценится очень высоко. Да и в России меткое слово всегда вызывало уважение и даже зависть. «Словом можно убить — и оживить, ранить — и излечить, посеять смятение и безнадежность — и одухотворить», — писал В. А. Сухомлинский.

Риторика в одно и то же время и учебный предмет, и профессиональный. Человек должен знать не только структуру своего языка, но и механизмы говорения и аудирования. Физическая культура справедливо признается важнейшим предметом в школе и в вузе, на нее тратятся миллиарды, а культура речи считается второстепенным довеском к необъятному курсу грамматики. Как профессиональный предмет риторика необходима во всех социальных сферах: государственным служащим, политикам, педагогам, юристам, журналистам, актерам, писателям, проповедникам... Коммерсант должен быть мастером делового общения; офицер — находить взаимопонимание с подчиненными; профессор университета — доносить сложнейшие научные истины до понимания не искушенных в науке студентов.

По речи, по ее культуре судят о человеке. «Заговори, чтобы я тебя увидел», — сказал Сократ своему новому ученику... Если субъект сформировал в себе такие личностные качества, как активность, коммуникабельность, умение не теряться в сложных ситуациях общения, да еще обнаруживает отличное владение языковыми средствами, — он достигнет успеха, уважения, а возможно — и известности.

Риторика как наука ищет пути решения следующих проблем и задач:

а) поиск оптимальных алгоритмов общения, взаимопонимания в условиях современного общества;

б) исследование форм, механизмов речи: говорения, аудирования, чтения, письма, а также различных кодовых систем в жизни людей;

в) формирование языковой личности — контактной, обладающей не только умениями, но и потребностями общения;

г) дальнейшее совершенствование нормативов и правил культуры речи, ее логики, организации материала, адекватного его языкового оформления.

д) исследование феноменов интуиции, языкового чутья, механизмов импровизации, внутренней речи и мышления в речевом самовыражении;

е) моделирование процессов речи и общения, ораторского мастерства.

В последние два десятилетия литература по риторике и культуре речи активно накапливалась. Для наглядности располагаем ее по шкале: наука, исследовательский уровень — авторы: А. Ф. Лосев, С. С. Аверинцев, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Ю. В. Рождественский, Ю. М. Лотман, С. И. Ожегов, В. Г. Костомаров, Л. И. Скворцов и др.; учебные пособия для вузов и школ — Л. К. Граудина, В. И. Аннушкин, Е. Н. Зарецкая, Д. Н. Александров, С. Ф. Иванова, А. К. Михальская, Н. Н. Кохтев, Д. Э. Розенталь, Л. А. Введенская, Т. Г. Хазагеров. Прямое отношение к риторике и речи имеют труды психологов, психолингвистов: Л. С. Выготского, Н. И. Жинкина, Ю. А. Сорокина, Т. Н. Ушаковой, А. А. Леонтьева. Традиционное языкознание ограничивало круг своих научных интересов структурой языка, определяя речь как прагматику языка, т. е. как его использование, игнорируя социальные или личностные мотивы речи, — тот «поток жизни», в кипении которого осуществляется и жизнь языка, и его развитие.

Предлагаемый курс риторики и культуры речи ориентирован на нефилологов, ибо для последних он не может быть достаточным. Это курс для нефилологических гуманитарных факультетов; хочется надеяться, что он может заинтересовать и математиков, физиков, биологов, поскольку они тоже не хотят быть безъязыкими, косноязычными.

Автор стремился связать курс риторики и с традиционными науками — логикой, поэтикой, литературоведением, и с новыми — культурологией, психологией и др. С целью сохранения вузовского уровня изложения курс риторики разделен на разделы «Теория» и «Практика», границы которых, разумеется, условны. В теоретической части даны истоки, философские основы, история, связи риторики с лингвистикой и теорией речи, психологические механизмы диалога, структура речевого акта. Практика — это содержание, построение речи (текста), его логика, формы говорения, выбор слова, фигуры и тропы, разные риторические приемы и советы, трудности и ошибки, их предупреждение, ре-

дактирование текста, самоанализ и самооценка. Предложенная структура курса благоприятствует овладению не только общими понятиями, но и конкретными умениями.

Автор выражает благодарность студентам и аспирантам Московского педагогического государственного университета и Московского городского педагогического университета, где он читает риторику, теорию и культуру речи; студентам Самарского, Вятского, Пензенского, Борисоглебского и других педвузов за интерес, проявленный к названным курсам, за внимание и очень важное для автора общение. Глубокая благодарность рецензентам — доктору филологических наук, профессору Марии Леонидовне Каленчук и доктору педагогических наук, профессору Наталии Александровне Ипполитовой.

Раздел I. ТЕОРИЯ

Глава I. ОЧЕРК ИСТОРИИ РИТОРИКИ

1. Истоки

Риторика, которая уже два с половиной тысячелетия служит развитию европейской культуры, вызывая то преклонение, то неприятие, возникла приблизительно в V в. до н. э. как ответ на практическую потребность общества. Политические вопросы в нем решались в Народном собрании. Публично, при огромном стечении народа, совершался суд, многолюдны бывали празднества, поминки, дружеские встречи.

Риторическое учение Древней Греции дошло до нас в виде сформировавшейся и используемой системы, представленной в двух вариантах: в виде высоких образцов речей прославленных ораторов — Демосфена, Лисия, Сократа, Перикла; все они были общественными деятелями, людьми высокой образованности. Одновременно создавались теоретические труды, книги для обучения риторическому мастерству: Горгия, Аристотеля, Платона.

Ораторское мастерство развивалось на фоне и в благотворном окружении древнегреческой литературы VI—III вв. до н. э., назовем «Труды и дни» Гесиода, басни Эзопа, лирическую поэзию, трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида, комедии Аристофана, историографию Геродота, Фукидида, Ксенофонта. На это же время приходится расцвет театра, создание несравненных шедевров архитектуры, скульптуры (Фидий, Пракситель, Мирон). Это было время расцвета философии: Сократ (469—399), Платон (430/427—347), Аристотель (384—322).

А. Ф. Лосев, мыслитель XX в., крупнейший исследователь античной культуры, отметил «небывалый культ слова» в Греции этого периода, его обожествление.

С самого начала риторика развивалась и как искусство, и как наука. Создание книг по риторике было необходимо в образовательных целях: лидерами здесь были риторические школы (Сиракузы, Атика, Афины), в них принимали мальчиков 7 лет и обучали до 21 года. Преподавались философия, логика, литература, язык, математика, причем риторика была ведущим предметом, и не удивительно, что первые риторические трактаты были написаны ораторами, возглавлявшими такие школы.

Первым среди них обычно называют Горгия — философа-софиста. Его труды полностью не дошли до нашего времени, он известен по диалогу Платона «Горгий», где изложены основные научные позиции этого ратора, Горгий много странствовал, преподавая риторику и сочиняя речи для олимпийских и дельфийских празднеств. Ему принадлежат изречения: «Слово есть великий властелин, который, обладая малым и совершенно незаметным телом, совершает чудеснейшие дела. Ибо оно может и страх изгнать, и печаль уничтожить, и радость вселить, и сострадание пробудить... Сила убеждения, которая присуща слову, и душу формирует, как хочет».

Эллинская традиция расценивала риторику как науку убеждать словом, мастерством речи. По мнению эллинов-риторов, у риторики триединая основа: нравственность, мудрость (истина) и артистизм; ценились также образованность, культура и талант оратора. Правда, позднее Цицерон скажет: «Поэтами рождаются, ораторами становятся», — но и сам он был, несомненно, щедро одарен Юпитером.

Старую, или каноническую, риторику делили на пять частей:

- а) инвенция — в русском переводе «изобретение мыслей», или подготовка содержания речи;
- б) диспозиция, или композиция, в русских риториках — расположение (обычно связывалось с речевым жанром);
- в) элокуция и орнамента — выражение и украшение; последняя — самая объемная часть — впоследствии приобрела ведущую роль (выбор средств языка, стили, культура речи, поэтика);
- г) мемория — запоминание подготовленного текста, тренировка памяти, ее высокой готовности;
- д) акция, или исполнение, — безупречное владение речью, мастерство устной выразительности, умение держаться, жесты и пр.

Традиции древности прослеживали такие связи:

- с логикой — рассуждение, доказательство, аргументация, законы тождества, достаточного обоснования;
- с философией — мораль, нравственные проблемы: добро и зло, счастье и страдание, мировоззренческие проблемы;
- с политикой — проблемы власти и свободы, собственности, общественных отношений, войны и мира;
- с юриспруденцией — права человека, судебная практика;
- с филологией — язык, его средства, стили, выразительность речи, просодия, литература, поэтика, жанры, театр.

Остро ставился вопрос убеждений, истины — эллины были тверды в своей позиции: как известно, Сократ, Демосфен предпочли смерть отказу от своих убеждений.

Немного подробнее стоит остановиться на уровне филологических решений в риторике тех лет: разграничивались стили высо-

кий и низкий, художественный и деловой; тонко разграничивались просодические категории — ритма речи, высоты тона, силы звучания, темпа речи, ударений, пауз, подробно изучались фигуры и тропы, число последних достигало 200.

Несмотря на то что импровизация ценилась достаточно высоко, предпочтение все же отдавалось тщательной, детальной подготовке, записи текста предстоящего выступления, шлифовке каждой фразы. Кстати, если бы этого не было, до нас просто не дошли бы речи великих ораторов древней Греции и Рима — Демосфена, Цицерона и др.

2. «Риторика» Аристотеля

Ученик великого Платона, многогранный ученый, автор «Метафизики», «Логики», «Политики», «Поэтики», «Аналитики» написал и наиболее значительный для своего и нашего времени труд в трех книгах — «Риторику», охватив, таким образом, мир разума и духовного богатства человека.

Цель науки красноречия Аристотель видит в служении добру и людскому счастью, последнему он отводит особенно много места, расценивает его как «благополучие, окрыленное добродетелью». Критерии счастья — уважение среди людей, успех любимого дела, дружная семья, наконец, главное — «иметь хорошего, близкого друга».

Аристотель пишет о качествах, необходимых оратору; это — высокая образованность, общественная активность, уважаемая народом должность, государственные заслуги, мастерство речи, безупречная честность. На многих страницах он рассуждает о нравственном праве оратора заранее готовиться к выступлению перед людьми, которые не вооружены ораторским умением, риторическими знаниями, т. е. в этом отношении не равны выступающему перед ними. Правда, он всегда отдает предпочтение оратору.

Само государство он рассматривает как систему речевого взаимодействия, в этом смысле семья и государство идентичны. Способность речи, по Аристотелю, отличает человека «от прочих животных», речь создает и семью и государство, следовательно, риторика — учение об обществе и управлении им. «...Ибо человек без нравственных устоев оказывается существом самым нечестивым и диким, низменным в своих половых и вкусовых инстинктах» (цит по кн.: Рождественский Ю. В. Теория риторики. — М., 1997. — С. 21). Во многом риторика, по Аристотелю, — большая социальная наука, чем филологическая: в риторике он соединял все отрасли наук о человеке.

Собственно красноречие у Аристотеля подразделялось на совещательные речи (их цель — одобрять или отклонять что-

либо), судебные (их цель — обвинять или оправдывать), и эпидейктические (их задача — хвалить или порицать). Внутри этого членения выделялись и другие области применения риторики.

Так, афинская рабовладельческая демократия способствовала развитию политического красноречия: примером могут служить знаменитые «филиппики» Демосфена, направленные против агрессивной политики македонского царя Филиппа II. Высоко было развито и академическое красноречие, особенно в философских школах. Непревзойденным мастером учебного диалога был Сократ, его метод получил название сократического: если его ученик терял логическую цепь в рассуждении, Сократ не поправлял его, а давал возможность самому убедиться в абсурдности своих выводов.

В «Риторике» Аристотеля немалое внимание уделено дружеской беседе, обогащающей участников, приносящей радость. Внимание к интимному общению намечает отход от традиций официальной атмосферы риторического действия. Не обойдена вниманием и деловая речь, связанная с составлением документов, текстов законов, договоров, с торговыми отношениями и пр.

Аристотель создал учение об этосе, логосе и пафосе — основных категориях научной риторики.

Этос — это уместность речи, ее соответствие нравственным ожиданиями слушателей, которые могут принять эту речь или отвергнуть. В этом тезисе подразумевается уважение к слушателям, обращение к адресату, сказали бы мы сегодня.

Пафос — это замысел создателя речи, развиваемый перед слушателями. В этом тезисе сосредоточена позиция говорящего, его убеждения.

Логос — словесные, языковые средства, а также логика, их оратор использует для достижения цели, для убеждения.

Всякий вид речи (судебная, совещательная, эпидейктическая) есть неизбежное единство этоса, пафоса и логоса. Все три вида речи выступают в единстве, во взаимодействии. Так, в речи судебной этос — это народный суд, действительно имевший место в Афинах, это диалог, в котором должна восторжествовать справедливость. Пафос — стремление выяснить правду, добиться ясной картины отношений сторон. Логос имеет свою цель: все передать точно и ясно, выразить обстоятельства спора с предельной безупречностью мысли и словесного оформления.

То же применительно к народному собранию, к совещательной речи: этос несут в себе все участники — те, кто выражают свое мнение, кто, в конечном счете, принимает решение или отвергает его, их совесть; пафос — цель отстаивать свою позицию, свое понимание истины; логос — словесное совершенство, мастерство выражения, выразительность, которая особенно ценится

в ситуациях торжества. Именно на этой ступени зачастую срывается сила убеждения.

Риторика обращена не к очевидному, а к вероятному или возможному. Вероятное важнее уже известного. Риторика соединяет прошлое с будущим. Плоха риторика, которая оказывает давление на слушающего. Она обогащает, а не ограничивает.

Риторика наряду с философией должна быть основным предметом образования; сам трактат «Риторика» — это и курс этой науки, и философское обобщение достигнутого, и произведение искусства, образец научного творчества. Заметим, что Аристотель и сам был блестящим мастером слова: он в «Логике» и «Метафизике» достиг таких, едва различимых, нюансов мысли и речевых конструкций, какие сделали бы честь любому современному мыслителю. Неслучаен его афоризм: «Риторика — искусство, соответствующее диалектике».

3. Риторика в Риме: Цицерон, Квинтилиан

Рим, завоеватель Греции, ревностно перенимал эллинскую культуру; и поэтический дар, и науки, и риторическое мастерство ценились чрезвычайно высоко. Риторические школы в Риме достигли расцвета, непревзойденными ораторами и поныне признаются Марк Туллий Цицерон, Юлий Цезарь, Марк Юний Брут. Огромен вклад Рима в мировую литературу: сочинения Горация оказали влияние на развитие литературных и риторических традиций Европы.

Однако в римский период усилились прагматические тенденции. Во-первых, повысился социальный статус оратора, признание его роли в социальной жизни достигло необычайной высоты. Именно в это время созданы целые трактаты об ораторе. Высший пример этого — М. Т. Цицерон (106—43 гг. до н. э.) совместил в себе мастерство и оратора, и поэта, и государственного деятеля, и ученость ратора. Его труды — «Об ораторе», «Оратор», «Брут». Он и философ, и автор трактатов «О судьбе», «О дивинации», «О природе богов». Цицерон утверждает: свойства оратора — активность, смелость, общительность, разносторонность интересов, оратор — мыслитель, а в тревожных ситуациях — воин.

Во-вторых — это повышение роли правил, подготовки в области красноречия. Знание риторических приемов и длительные упражнения необходимы: умение завоевать внимание слушателей, их доверие обеспечат успех. Эта линия в римской риторике особенно тщательно разработана Марком Фабием Квинтилианом (около 36—96 гг. н. э.). Ниже будет изложено содержание трудов Квинтилиана.

В-третьих, эстетический фактор в мастерстве красноречия. Цицерон пишет: «Перед кем же люди трепещут? На кого взирают,

потрясенные, когда он говорит? Кем восторгаются? Кого считают чуть ли не богом среди людей? Того, кто говорит стройно, блистая яркими словами и яркими образами, вводя даже в самую прозу некий стихотворный размер, одним словом, красиво» (Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. — М., 1972. — С. 472). Хорошая, совершенная, украшенная речь в этот период ценится все выше. Особенно Цицерон ценит контрастные фигуры, лаконичность речи, многообразие интонации, ритмику речи, иносказания, намеки. Его речи возбуждали мысль слушателей, как бы наталкивали их на понимание глубинного смысла. Он наметил основные линии воспитания оратора: известно, что у него была своя ораторская школа, он и руководил ею, и преподавал (его ученикам можно было позавидовать).

В-четвертых, Цицерон по-новому подходил к философским основам риторики, распространяя ее функции в познании; более того, — ставил ее во главе всех вещей, законов природы, обязанностей людей, ибо знание всего этого входит в жизнь людей через речь. Красноречие понимается как умение обо всем сказать ясно, точно, убедительно и красиво. В сущности, он приближается к современному пониманию когнитивной роли языка и речи. Талант философа был признан за Цицероном не только в среде современников: средневековые монахи (христиане) тщательно переписывали его труды, не видя в них вреда, и сам Августин Блаженный в V в. писал, что Туллий был тем, «кем философия на латинском языке была начата и закончена» (Цицерон М. Т. Философские трактаты. — М., 1965. — С. 5). Философские идеи легли в основу Ренессанса, возродившего понятие *humanitas* — «человечность, гуманность, гуманизм». Как оратор, ритор и мыслитель он отразил свое бурное время, римское самосознание. Может быть, он не достиг глубины и широты Платона, но достойно представил свою эпоху и римскую культуру.

Наиболее полный и глубокий курс риторики дал М. Ф. Квинтилиан в труде «Об образовании оратора» из 12 книг:

- «О воспитании будущего оратора»;
- «Когда отдавать отрока ротору»;
- «История риторики и ее составные части»;
- «Приступ, повествование...»;
- «Доказательства, опровержения»;
- «О возбуждении страстей: смех, сострадание, размышление»;
- «Расположение»;
- «Словесное выражение»;
- «Фигуры»;
- «Об изобилии слов»;
- «О благоприличии в слове»;
- «Оратор как человек; нравственный облик».

Труд Квинтилиана не только всеобъемлющ, но и удивительно богат деталями: он дал наиболее полный перечень тропов с их характеристиками, раскрыл связи риторики с литературой, логикой, усилил внимание к памяти, видам построения текста. Автор разработал программы обучения, методы тренировки обучаемых, дал перечни ситуаций жизни, побуждающих человека к речи, к высказываниям. Он дал рекомендации к построению фразы, диалогов разных типов, аргументации, приведению примеров. Не обойдены вниманием проблемы воспитания — физического, нравственного, общекультурного, гармонического. Много внимания уделено изучению языка и языковым упражнениям. Сущность риторики, по определению Квинтилиана, — союз мысли и слова. Определены также цели воспитания и образования — это подготовка к общественной деятельности: на государственной службе, в культуре, в суде, в обучении. Квинтилиан создал модель высшего уровня образования юноши.

Методическая сторона его системы состоит в последовательности, ступенчатости курса, в определении того, что следует знать и уметь, в установлении видов деятельности учащего и учащегося, в отработке реакции самостоятельной деятельности последнего.

Таким образом, к началу новой эры в теоретической риторике были осознаны, а во многом и определены и разработаны ее проблемы:

- 1) предмет риторики — красноречие и — шире — речь;
- 2) функция риторики — убеждение средствами мастерства речи, языковой культуры;
- 3) типы речи и сферы применения красноречия;
- 4) личностные качества говорящего: его позиция, учет адресата, а отчасти и позиция самого адресата;
- 5) ступени ораторского действия: предмет и мысленная основа высказывания, его построение, языковое выражение, память и, наконец, исполнение;
- 6) доведение перечисленного до уровня мастерства и даже искусства, особенно в части средств языкового оформления;
- 7) основы оценки и самооценки речи и ее результативности.

Глава 2. ИСТОРИЯ РИТОРИКИ: НОВАЯ ЭРА

4. Раннее христианство. Гомилетика

Первая реакция идеологов христианства на риторику была резко отрицательная, как на языческую науку и культуру. Но уже к III—IV вв. наступило осознание того факта, что само христианское учение, Евангелие, Послания Апостола Павла, Откровение Иоанна

Богослова, проповеди Иисуса Христа — суть лучшие, высокоталантливые образцы красноречия, создававшиеся, по-видимому, первоначально в устной форме, передававшиеся из уст в уста и впоследствии записанные.

Канонизированы четыре варианта Евангелия, принадлежащие Его ученикам, — Матфею, Иоанну, Луке и Марку (многие варианты Евангелия были признаны апокрифическими, ибо не во всем совпадали с общепринятыми текстами).

Сам Иисус Христос был превосходным оратором: все его учения и даже, казалось бы, обычные высказывания лаконичны, аллегоричны, исключительно точно передают мысль, подчинены единому замыслу. Его Нагорная проповедь (10-я глава Евангелия от Матфея) построена на афоризмах: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано»; «У вас же и волосы на голове все сочтены»; на параллелизмах, аллегориях, обращениях и призывах. В Его речах — мастерские антитезы, например: «Еще слышали вы, что сказано древними “не преступи клятвы”... А я говорю вам: “Не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его”».

Учение, заложенное в Евангелии, стало основой гомилетики — теории и искусства проповеди: в 10-й главе Евангелия от Матфея рассказывается, как Христос, собрав своих учеников — апостолов, дает им задание, развивает перед ними программу их проповеднической деятельности. Он посылает их к заблудшим овцам дома Израилева; проповедники должны быть скромны и не пытаться быть выше своего учителя; они сами выбирают своих слушателей — это должны быть достойные люди. «Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби, — напутствует их Христос. — Не вы будете говорить, но дух Отца вашего будет говорить в вас». Проповедник несет людям новый идеал — «приближение Царства небесного».

Гомилетика формирует новый тип оратора, проповедника — бескорыстного, самоотверженного, полного сострадания к ближнему, абсолютно убежденного в своей правоте, чувствующего себя защищенным силой самого Бога. Он должен быть готов к гонениям, страданиям, мукам за свою проповедь, но верить в высшую награду.

Содержание проповеди уже дано апостолу во многих прошедших беседах с Учителем. Проповедник должен знать, что граница веры в это новое учение, может быть, пройдет через семью, разделит сына и отца. И к этому он должен быть готов... Известно, что такой тип ораторов, проповедников учения Христа, действительно был, и не только в I—II вв. н.э., в годы преследования христиан римлянами, когда выдвинулись тысячи проповедников, растерзанных, замученных; были они и в наше время. Много из

этого учения взяли на свое вооружение и другие борцы за истину, за справедливость, как они ее понимали...

Нельзя забывать, что до III—IV вв. христианство развивалось как религия угнетенных. Но с соединением христианства с государственной властью ситуация меняется, Церковь уточняет догматику проповедей, и острота борьбы направляется против ересей, против других конфессий. Суть же гомилетики остается. В богословских учебных заведениях и теперь действуют кафедры гомилетики, она преподается будущим пастырям, миссионерам, преподавателям православных гимназий.

И в прошлом, и в наши дни в среде духовенства высказывались возражения против использования риторических приемов, фигур и тропов, ибо учение Христа сильно своей истиной, в украшениях не нуждается. Но ведь сама практика духовной проповеди и богослужения не чуждается этих средств. И само Евангелие, и тексты молитв не лишены этих риторических приемов, более того, они могут служить примером риторического мастерства, например псалмы Давида, «Екклесиаст», «Песня песней Соломона».

Многие тексты и формы общения, речи, введенные в церковную традицию и хранимые ею, способствуют обогащению духовного мира людей, пробуждению их нравственного чувства, совети, традиционной человечности. Это молитва, идущая от души, обращенная верующим к высшей справедливости, это исповедь как высшее очищение душевного мира, как покаяние, как преодоление в себе зла.

Следует отметить, что в богословских учебных заведениях в наше время нередко преподается не только гомилетика, но и светская риторика, особенно на тех факультетах, где обучаются будущие миссионеры, преподаватели: ведь им придется работать в среде неподготовленных людей.

5. Европейские страны (на примере Франции)

Античное риторическое учение, как и вся культура, было унаследовано странами, входившими в состав Римской империи: Испанией, Францией, Италией, Византией, отчасти — Англией и Германией. Но первое тысячелетие не принесло значительных нововведений в теорию и практику красноречия, если не считать гомилетику, описанную выше.

Заслуживает внимания зарождение в Аравии в начале VII в. новой религии — ислама (от арабского «покорность»), распространившейся в связи с завоеваниями главным образом в северной Африке. Это активизировало проповедническую деятельность и дискуссии. В Европу проникают из Индии, Аравии также и науки — математика, астрономия, медицина.

Замечательны успехи поэзии, драматургии на санскрите, отзвуки восточной культуры достигают Европы, где в средние века, особенно в начале второго тысячелетия, формируется строгая, логическая научная речь в первых университетах: это лекции профессоров, диспуты. Развивается система доказательств, многообразной аргументации. Эта изощренная дискуссионная речь (подчас на одиозные темы — с нашей современной точки зрения) получила название схоластики (от греческого и латинского «школьная»); в наши дни так обозначают бесплодное умствование, оторванное от жизни. Но эта презрительная формула далеко не всегда справедлива: так формировалось академическое красноречие, достигшее к XVIII—XIX вв. высочайшего уровня: Сорбонна в Париже — XIII в., Оксфорд в Великобритании — XII в. К XX в. академическое красноречие насчитывает десятки тщательно отработанных форм: лекции и целые лекционные курсы, семинары, обсуждения заблаговременно поставленных проблем, защита курсовых и дипломных проектов, магистерских и докторских диссертаций, доклады на научных конференциях и пр. Тщательно отрабатывается система общения студентов и начинающих ученых с профессорами, академиками в беседах, на консультациях, зачетах и экзаменах, в устной и письменной формах, выступления студентов на различных собраниях в университете и вне его, на практике — например, у будущих журналистов, учителей, юристов, референтов, переводчиков, дипломатов и пр.

Эпоха абсолютизма во Франции способствовала расцвету такой отрасли речевого мастерства и речевых стандартов, как придворный этикет, получивший распространение преимущественно в аристократическом обществе. В XVIII в. он был позаимствован российским императорским двором, распространился не только в придворных кругах и довольно строго соблюдался вплоть до падения монархии.

Придворный этикет и церемониал оказали сильное влияние на дипломатическую речь, а также на соблюдение стандартных форм общения в среде военных и даже чиновников.

Этикетные формы речи отражали сословное строение общества, субординацию чинов и в XVIII—XIX вв., давали пищу для сатиры и юмора в демократических слоях общества (что встречается и поныне в России).

Особенностью той области общения, которая связана с этикетом, служило, а отчасти служит и поныне, применение особой символики (знаковой системы), обязательной для высших классов, причем знаками могли считаться не только предметы, но и поступки, принятые в обществе ценностные ориентации. Так, принадлежность к дворянскому сословию во Франции (и в России) выражалась правом носить шпагу; дворянин мог принять вызов на дуэль только от дворянина. Процедуры вступления, приветствий, вы

зовов на дуэль имели свои речевые формулы. Отказ от поединка считался несмыслимым позором и пр.

Системы речевого этикета существовали всегда на разных уровнях социальной лестницы: обращение, приветствие, прощание, извинение, благодарность, приглашение (например, на бракосочетание дочери), извещение о кончине кого-либо, начало и окончание дружеского или родственного письма и другие стандарты вежливого обращения. Это всеобщая закономерность общения. Причем речевой этикет в живом общении очень чуток к историческому процессу, к социальным сдвигам.

Франция может считаться наиболее ярким продолжателем мастерства политического красноречия, причем в трех его вариантах:

а) красноречие, рожденное на баррикадах так называемой Великой французской революции;

б) парламентское красноречие, сложившееся в Национальном собрании XIX в.;

в) дипломатическое общение.

В двух последних областях с Францией безуспешно соперничает Великобритания.

Обличительные и воинственные речи деятелей Великой французской революции, несомненно, талантливых (Робеспьер, Марат, Дантон и др.), отличались огромной энергией, целеустремленностью, эмоциональным накалом, самоотверженностью, что сближало их с проповедниками раннего христианства. На более поздних этапах преобладала полемика...

Что касается парламентских традиций конца XIX — начала XX вв., то они характеризовались выдвижением ярких полемистов (типа Жана Жореса), но в итоге в общем породили ироническое отношение к парламентаризму как к «говорильне» (от фр. *parlé* — «говорить»). Современному русскому парламенту — Государственной Думе еще предстоит преодолеть издержки такого скептического отношения.

Исследователь истории французской риторики выделяет следующие этапы — периоды доминирующего красноречия:

а) до XV в. доминирует духовное красноречие на латыни;

б) в XV в. вышла первая риторика на французском языке П. Фабри; происходит борьба за развитие французского языка; издается манифест в защиту французского языка;

в) происходит официальный отказ от следования античным канонам (1671);

г) отмечены выступления против жесткого регламентирования в языке;

д) XVIII в. характеризуется закатом церковного красноречия, расцветом политического, академического и судебного красноречия.

Для этого времени характерен расцвет поэтики, теории литературы, стилистики, теории фигур, элокуции, происходит развитие собственных риторических доктрин (А. Фоклен, П. Лами, П. Фонтанье, известные в России).

До XV в. риторика в основном схоластическая, с XVI в. — гуманистическая, в XVII в. — реформистская. Кризис французской риторики произошел на рубеже XVIII в. и явился предвестником кризиса риторики в России.

Признаки схоластического периода: стиль становится законом, это и манера одеваться, и речевой этикет; в основе обучения высокий, средний и низкий стили; влияние этого этапа риторических правил отчетливо отразилось в русской практике общения XVIII в.

Гуманистическая риторика связана с эпохой Возрождения, ее центром становится Дворцовая академия, составляется Французская риторика для короля Генриха III, вводится королевское красноречие (на французском). Риторика стимулирует разработку грамматики и литературной нормы языка, всего того, что мы в XX в. называем культурой речи. Вводится «инсценирование речи», растет внимание к дикции, произношению, интонации. Образцы берутся из литературы, развивается мастерство перевода.

Реформистская риторика становится наиболее влиятельной сферой гуманитарного знания, под ее влиянием издаются книги, которые широко используются: например, «Источники французского красноречия» Шабанеля, «Красноречие для обучения дамы высшего света». Идут дискуссии по риторике, создаются салоны и частные академии, развиваются частные виды красноречия: риторика беседы, эпистолярная риторика, риторика метаморфозы. Идет борьба с плебейским стилем, отвергаются диалекты и жаргоны, иноязычные заимствования, даже научная речь. Риторика Аристотеля и Цицерона приспособляются к вкусам королевского двора.

Риторика энциклопедическая и натуралистская — время эмансипации ума, союза между мыслью и языком, быстрого развития интеллектуального потенциала нации. Укрепляется фактор логики, растет авторитет Аристотеля, господствует античная формула «искусство мыслить — искусство говорить — искусство писать».

Далее, на рубеже XVIII—XIX вв., наступает период кризиса, утраты авторитета риторики, ее критики с позиций как научных, так и нравственных. Причины этого надо искать как в социальной сфере, так и в самой риторической практике. Но эти причины будут рассмотрены на примере России, а не Франции, поскольку в России кризис происходит и в более острых формах и продолжительнее.

Франция неслучайно выбрана для исторического очерка в области красноречия, она была и в значительной мере остается ведущей в вопросах филологической культуры, и для понимания этого процесса необходимо обратиться к ее связям в этой области.

6. Литература и риторика

Риторика относится к числу филологических предметов наряду с лингвистическими и литературоведческими. «Текст во всей совокупности своих внутренних аспектов и внешних связей — исходная реальность филологии» (Аверинцев С. С. Филология. — Лингвистический энциклопедический словарь*. — М., 1991. — С. 544). Филология вбирает в свой кругозор всю глубину человеческого бытия, прежде всего бытия духовного, через призму слова, языка. В то же время это искусство не только передавать, но и принимать сказанное и написанное: понять самого себя и другого человека, другую культуру — цель филологии.

Все сказанное выше может быть отнесено и к риторике: тот же ЛЭС определяет риторiku как филологическую дисциплину, изучающую способы построения художественно выразительной речи (Топоров В. Н. // ЛЭС. — М., 1991. — С. 416). Однако такое определение отражает только лингвистический аспект; функции риторики шире: это и цель речи, определяемая ситуациями жизни, и выбор темы, и позиция говорящего, и фактор адресата, и логика доказательства, и адекватность понимания слушателем.

Нетрудно заметить, что эти перечисленные функции присущи и литературе. Иными словами, риторика смыкается с литературой.

Граница между литературой и риторикой трудноуловима. Многие ораторы и риторики были в то же время писателями или литературоведами: Аристотель, Цицерон, Буало, Ломоносов, Лосев. В учебники по античной литературе включаются не только писатели, поэты, но и ораторы (авторы учебников С. И. Радциг, Н. Ф. Дератани, И. М. Тронский, А. А. Тахо-Годи).

Писатели В. Гюго, В. Я. Брюсов, И. Л. Андроников, А. С. Пушкин, В. Гёте были известны и как блестящие импровизаторы. Но и все образованные люди в разные эпохи должны были владеть устным словом и пером: этому учили в риторических школах античного мира, все ученики Царскосельского лицея писали стихи. С. С. Аверинцев пишет: «Умение написать эпиграмму для образованного грека... вопрос школьного умения, вопрос грамотности» (Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М., 1996. — С. 179). Европейская традиция устанавливает более 100 моделей эпистолярного жанра, до сих пор издаются

различные «письмовники», в частности во Франции. В XVII—XVIII вв. учение о жанрах доходит до мелочной регламентации. Так, составление жизнеописания требовало выделить рубрику «происхождение» и разделить ее на части «народ», «отечество», «предки», «родители»; далее — «добродетели» и «пороки», далее — «власть», «богатство» и пр.

В период классицизма в Европе полагалось соблюдать не только единство места и времени, строго следовать законам жанра, но и использовать теорию «общих мест» (топов). Логические топы: род и вид; целое и части; свойства, признаки, качества; сравнение и противопоставление; причина и следствие; обстоятельства (где? когда? как?) и пр. Топы использовались не только в рассуждениях и доказательствах, но и в повествовании, описании.

Кстати, в современном употреблении понятие «общие места» имеет неодобрительный оттенок. Но это совсем не означает, что общих мест нет в современной литературе: «Соккрытие грубого каркаса школьных схем — просто-напросто высший класс риторического умения» (Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М., 1996. — С. 134). Литературная практика неосознанно пользуется риторической системой, и даже романтики, объявившие войну риторике (XVIII в.), по частоте орнаментальных фигур не уступают античным авторам.

Не следует забывать и того, что сама литература, фольклор и повседневное общение непрерывно пополняют запас крылатых слов, идиом, афоризмов, аллегорий, иносказаний, антитез (а ведь это все — риторический арсенал!), используемых и в письменном, и в устном тексте. Судя по «Словарю крылатых выражений А. С. Пушкина» (СПб., 1999), он дал русскому языку не менее 1200 таких единиц.

Ревнители литературного новаторства всегда обвиняли риторику в формализме, схематизме, даже в ретроградстве; но прошло время, и оказывалось, что новое литературное течение создавало свои схемы, правила и запреты. Так было и с романтизмом, и даже с реализмом.

Наибольшие сложности возникали в системе жанров — литературных, риторических и даже в бытовой речи.

На всем протяжении истории литературы в Европе, Индии, Китае, Японии в ходу речение «писать, а иногда — и говорить по жанрам». Власть жанра то приближалась к диктатуре, то наступали периоды оттепелей. Литературоведческие исследования проводились под знаком теории жанров. Жанр всегда служил стабилизирующим, регламентирующим средством поэтики, а сама поэтика принадлежала одновременно и теории литературы, и риторике. В европейской истории известны попытки всю риторику свести к поэтике, культуре и выразительности речи.

* Далее ЛЭС.

Риторика также оказывала влияние на теорию жанров, вводила жанры частных риторик: в судебной риторике — речи обвинительная и защитительная, в военной — боевой приказ, в политической — призыв к восстанию, в эпидейктической — речи официальные в честь юбиляра и дружеские, застольные, в деловых ситуациях — строго логические и пр. Подобные образцы нередки в художественной прозе: вспомним сцену суда в «Воскресении» Л. Н. Толстого, письма И. Е. Репина, «Фрегат «Паллада»» И. А. Гончарова и т. п.

Есть и новорожденные жанры как продукты деления традиционных, заимствования из диалектов («Вологодские бухтины» у В. Белова, «Скирли» у И. С. Соколова-Микитова); жанры меняют свою функцию и назначение (например, анекдот); возникают «жанровые гибриды» — на 16-й странице «Литературной газеты» (эпохалки, микро- и макрoэпохалки). Нет сомнения в том, что теоретические поэтика и риторика стабилизируют систему жанров во всем многообразии общения.

Многовековой спор о первенстве формы и содержания в познании, в литературе, в различных видах творчества то возникает и разгорается в пограничных областях разных наук, то угасает. В то же время спорящие стороны согласны в том, что форма и содержание могут существовать только в единстве, одна без другого так же немыслимы и абсурдны, как понятия «правая» и «левая», одна без другого теряет всякий смысл.

Глава 3. РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ

7. Его сущность и корни

Наивно было бы полагать, будто вся риторическая система с одинаковым успехом может обслуживать любых общающихся людей, будто она, подобно языковой системе, существует вне идеологии, нравственности, политики.

В риторике, в ее теории и практике, могут быть выделены три неравные части: первая из них действительно универсальна, может использоваться в самых разнообразных ситуациях. Универсальны каноны риторики: учение о теме, ее выборе, о построении речи, типах речи, выражении мысли в языковых формах, о культуре речи — языковых нормах, дикции, интонациях и т. п.

Вторая часть обращена к национальным, языковым основам риторического действия: это неоценимое богатство, которое использует говорящий, этнические традиции, культура и литература, привлекаемая в общении, исторические факты. Нетрудно заметить, что эта область уже не вполне универсальна, ибо может в отдельных

случаях допустить какие-либо льготы национальным предпочтениям, например, процитировать строки произведения, в котором без должного уважения говорится о том или ином субъекте.

Третья часть выражает позицию отдельных лиц или каких-либо общностей людей. В этой общности нормируется устойчивая система точек зрения и правил; это этическая система общения, речи. В этой сфере формируется феномен, называемый риторическим идеалом.

Нельзя забывать, что вся социальная жизнь людей постоянно оформляется в речи — устной, письменной, а также мысленной; без речевого оформления жизнь просто невозможна, и необходимы нормы общения, человеческих отношений внутри общности или между ними.

Внешняя речь всегда обращена к людям, чаще всего — конкретным личностям; обычно, говорящий знает своих собеседников. Он должен решить и постоянно решать вновь: говорит ли он правду или неправду, поверят ему или нет, будет ли он вежлив, доброжелателен или нет, должен прогнозировать, какова будет реакция собеседников на его высказывание.

Возьмем для примера современную рекламу. На кого она рассчитана? Чаще всего на людей, которые прекрасно понимают, какой процент лжи скрывается в ней, какие используются уловки, чтобы опорочить конкурентов. Но эта ложь подана так красиво и оформлена музыкально.

Идеал рекламы как раз в том, чтобы привлечь внимание слушателя, зрителя. Он не верит? Ну и что же? Многократное повторение — и он просто запомнит то, что нужно автору рекламы. И цель его достигнута.

Видимо, для рекламных роликов важно остроумие, зрелищность, хорошая актерская игра — и тогда успех обеспечен, слушатель (зритель) покорен.

Успех же деятельности христианских проповедников в незыблемости их идеалов, которые не могут не вызывать уважения.

В научных спорах чаще всего побеждает железная логика.

А как часто одерживает победу не только тонкая, но даже самая грубая лесть!

Ясно был выражен «идеал» у софистов — первых создателей древнегреческой риторики (об этом — отдельный пункт).

Вероятно, можно говорить как об идеале о манере русских юродивых и тех из народа, кто их слушал, ценил и понимал: это истовость, безбоязненная правда, пророчество, обличение сильных мира сего, это афористическая и аллегорическая речь, артистическое умение войти в аффективное состояние вплоть до самоистязаний. И их слово обладало огромной силой воздействия.

Наконец, «идеал» преступного мира в России, создавшего свою манеру общения, свой язык — «блатную музыку», привлекавший

внимание даже такого корифея лингвистической науки, каким был И. А. Бодуэн де Куртенэ.

Четкой выраженностью и неповторимостью отличается и древнерусский ораторский и проповеднический идеал в «Словах» Кирилла Туровского, в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, в «Житии» протопопа Аввакума.

Своеобразно было общение в семьях русского крестьянства XIX в., в среде военнослужащих. А. К. Михальская в книге «Русский Сократ» (М., 1996) приводит интереснейший материал о языке власти в условиях тоталитарных режимов. Все эти наблюдения позволяют говорить о риторическом идеале как о реалии, феномене, заслуживающем изучения.

По каким же признакам характеризуется риторический идеал и каковы его критерии?

Во-первых, современная риторика использует такую схему анализа любых высказываний:

- 1) кто говорит?
- 2) кому говорит?
- 3) при каких обстоятельствах?
- 4) что говорит?
- 5) зачем?
- 6) как выражает свою мысль?
- 7) каков результат?

По-видимому, для анализа неплохо было бы иметь ответы на эти 7 вопросов.

Во-вторых, всегда важен облик говорящего лица: что в нем главное — эмоции или логика, правильность речи или оригинальность до беспредела, высокая компетентность или шумные эффекты? Есть ли у говорящего убеждения, если да, то каковы они?

В-третьих, важна позиция говорящего или целого социально-го или этнического коллектива по дилемме «истина — ложь».

Правда и ложь — сложнейшие категории, о них много спорят, много написано; в характеристике риторического идеала это, возможно, самый важный критерий.

Наконец, в понимании и оценке риторического идеала учитывается этика речи — у одной общности как врожденная, глубинная, у другой — внешняя, показная, только для достижения цели говорящего.

Немало значат и такие «мелочи», как скорость речи, жестикуляция — обычно у южан, например у итальянцев; молчаливость, немногословие — у многих народов севера; артистизм или сдержанность в артистических приемах; строгое соблюдение нормы литературного произношения, нормативное построение фразы или подчеркнутое несоблюдение этих требований. Все сказанное может быть отнесено не только к общности людей, но и к отдельным

лицам, однако в последнем случае термин *риторический идеал* обычно не применяется.

Некоторые виды данного феномена рассмотрим подробнее.

8. Софистическая риторика

Риторика непосредственно связана с языком, это наука о речи и общении людей; но родилась она в среде философов, из диалектики — науки убеждения и доказательства, в известной в античном мире школе софистов. И автором первого систематизированного курса риторики считается Горгий — ученик Коракса из Сицилии (V в. до н. э.).

Софисты не представляли собой единой идеологической или политической группы, это были странствующие философы, обучавшие за плату искусству спора, доказательства, красноречию, хорошему слогу, мудрости (в переводе с древнегреческого *софист* — «мудрец»). Софисты обращались к проблемам этики, политики, призывали изучать человека, его сильные и слабые стороны, разум, приемы логики. Последние они доводили до совершенства.

Однако софисты еще с античных времен заслужили репутацию «лжемудрецов», людей без устойчивых моральных принципов, подчас просто ловкачей в споре, хитрых спорщиков. Поскольку софисты были несомненными прагматиками в жизненных ситуациях, их учением и особенно их практикой в дальнейшем историческом развитии риторики воспользовались те социальные группы, которым не чужда была прагматика, житейские интересы, меркантильность, эгоистические побуждения. Альтруизм, справедливость себе в ущерб не привлекали софистов.

Черты риторического идеала софистов следующие.

1. Софисты допускали использование эристик, т. е. любых средств для достижения своей цели, для победы в споре. Эристические средства, приемы разрешались во всех видах ораторства, художественной литературе, пропаганде, а в наши дни ими не брезгует массовая информация и особенно — реклама. Следовательно, каждый читатель, слушатель, собеседник нуждается в защите: ему необходимо уметь различать эристические приемы.

Однако эристика подвергалась запрету даже со стороны греческих софистов в некоторых риторических ситуациях: была запрещена ложная молва, т. е. сплетня, запрещались слухи (но как с ними бороться?), запрещались интрига, ложная проповедь — ересь.

Софисты отмежевывались от клеветы, лжесвидетельства, от подчеркивания физических недостатков противника, его прошлых неудач, особенно в семейной жизни, и иных подлостей.

Известно, что распространение ложных слухов, клевета — излюбленное оружие холодной войны и беспринципной политики:

виноваты в этом не софисты. Но, к сожалению, из их общей позиции может быть выведено признание всего этого коварства. Ведь сплетни, слухи, клевета (в современном понимании — «компромат») направлены против личности, пачкают доброе имя, лишают человека душевного равновесия, толкают на необдуманные шаги, что, разумеется, радует клеветника.

Эристические средства в цивилизованных странах запрещены законом, но их опасность в том, что бывает очень трудно доказать, например, источник молвы, слухов. Многие приемы опорочивания противника, его унижения, разные уловки и хитрости (софизмы) юридически переданы в сферу совести каждого индивида, на суд общественности.

2. Софистическая норма допускает и такие приемы, как чрезмерное восхваление одних лиц и охаивание других, необъективный подбор фактов, гипноз прославленных имен, расчет на некомпетентность слушателей, на их неспособность следить за речью высококвалифицированного противника, на некоторые низменные порывы неподготовленных людей.

Выше уже отмечалось, что в «Риторике» Аристотеля есть пространное рассуждение о праве квалифицированного оратора выступать «на равных» перед неподготовленной публикой: у Аристотеля возникали сомнения по поводу такого права. У софистов же сомнений не было.

3. Наиболее известные софистические приемы — это уловки (софизмы): не следует думать, что это ложь. Софизмы содержали какую-либо малозаметную логическую ошибку, приводящую к ложному выводу, иногда — к абсурду. Рассмотрим два классических примера.

«Ты имеешь то, что не потерял?» Медленно соображающий собеседник: «Да, разумеется». — «Значит ты рогат». Софизм построен на семантической несоотнесенности слов *иметь* и *терять*: ведь потерять можно только то, что у тебя есть.

Ахиллес никогда не догонит черепаху: черепаха подходит к точке А, но пока беговой Ахиллес достигнет точки А, черепаха будет уже в точке Б, и так далее. Ахиллес будет приближаться к черепахе, но не опередит ее. Уловка здесь в том, что решающий задачу мыслит дискретно, тогда как движение и Ахиллеса, и черепахи — непрерывно, хотя и имеет разные скорости.

Эффект софизмов состоит в том, чтобы в споре, в рассуждении поставить собеседника в неловкое положение, запутать его мысль, разрубить логическую линию доказательства.

В наше время софистическая риторика взяла на свое вооружение некоторые весьма распространенные научные учения, сближающие психику человека и животных. Так, учение З. Фрейда о психоанализе в качестве единственного стимула поступков человека определяет либидо — половое влечение. Согласно филосо-

скому учению Ф. Ницше, воздействовать на человека можно либо страхом, либо ожиданием награды, т. е. корыстью. Таков инструментарий «воли к власти», и на этом пути допустимы все средства — и соблазн, и запугивание, и подкуп. Софисты Древней Греции и не помышляли о таком падении.

Если отбросить некоторые этически недопустимые методы, то следует признать определенные заслуги софистического направления в риторике. Оно внесло вклад в развитие теории и практики диалога, полемики, аргументации, доказательства, ориентировало риторика на житейские ситуации, внесло элемент прагматики. Софисты разрабатывали конкретные риторические приемы, много сделали для связей риторики с логикой. Они понимали необходимость остроумия, находчивости и юмора в общении, красноречия, социальной сфере.

Возможно, прав был французский писатель-моралист Франсуа де Ларошфуко (XVII в.), который написал в «Максимах»: «Язык нам дан для того, чтобы скрывать свои мысли».

9. Античный риторический идеал

Именно этот вариант риторических позиций получил и самое широкое распространение на разных исторических этапах, и наиболее глубокое теоретическое обоснование. При небольших различиях во взглядах отдельных авторов это направление объединяет крупнейших теоретиков и ораторов, мыслителей IV—I вв. до н. э. — Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона. Это теоретическое направление впитало в себя и традиции гомеровской Греции.

В сущности древнегреческая устная традиция и героический эпос уже закладывали основу созревающего риторического идеала: в поэмах Гомера представлены ораторы — Менелай, Одиссей, приведены тексты их речей, показана сила их воздействия на людей в решающие моменты борьбы, а также важнейшее — выбор трагических и героических моментов в жизни героев, яркость описания событий, сложнейшее построение сюжетов и выбор языковых средств. Напомним читателю, что «Илиада» и «Одиссея» долгое время жили в народной памяти и передавались в устной форме.

Истоки этого риторического направления, получившего название античного, связаны с именем Гомера (VI в. до н. э.), который был слеп, но даль времен видел лучше зрячего.

В IV—III вв. до н. э. сформировались теоретические позиции этого направления, риторического идеала, они оказали и поныне оказывают сильное влияние на судьбы этики, литературы, культуры в целом. Эти позиции поддерживали и прагматичный Рим, и строжайшее средневековье, и гуманное Возрождение, и даже наша противоречивая трагическая эпоха.

Рассмотрим эти позиции.

1. Цели риторики и ораторского мастерства Сократ, Платон, Аристотель видели в служении добру и счастью людей. Сила убеждения как основное достоинство красноречия, мастерства оратора не в том, чтобы достигать собственных целей, подчинять людей себе (любой ценой), а в том, чтобы понять, в чем счастье людей и как его достигнуть. Так, в «Риторике» Аристотеля имеются философские выкладки автора о существе счастья. Он приходит к выводу, что счастье многогранно, оно — в благополучии, окрыленном добродетелью, счастье — это уважение людей, достаток в доме, большая дружная семья, а главное — «иметь хорошего друга».

2. Риторика — это не только практика общения и красноречия, эта наука имеет свой предмет — речь, она тесно связана с философией, языком, логикой, этикой, литературоведением. Риторика имеет свои цели, закономерности, структуру. В рамках этого риторического направления сформировалось учение о канонах — инвенции, диспозиции, элокуции и пр., разработаны связи с поэтикой (тропы, фигуры), стилистикой, просодией, логикой, теорией воспитания и образования.

3. В этой же системе с особой тщательностью разрабатывалась идеальная модель оратора как личности высокообразованной, высоконравственной, активной, обладающей быстрыми реакциями, коммуникативной.

4. Если в софистической системе отношение к слушателю не было уважительным (обвести его вокруг пальца — одно удовольствие), то этика античного идеала требовала обращения к слушателю с уважением. Речь — двусторонний процесс, результат зависит от обеих сторон.

В классической риторике Аристотелем развивалась строгая теория речевого менталитета, речевой этики целого народа, крупных социальных групп и действующих в них ценностных ориентаций. Оратор ориентируется на сильную личность. Эти нормы общения руководят не только говорящим, но и обеими сторонами языкового контакта, создают атмосферу взаимного уважения. Обе стороны заинтересованы в плодотворном контакте, у слушателя формируется определенное ожидание, предвосхищение, как, впрочем, и опасение непонимания, несогласия, дисгармонии общения.

Эти нюансы очень тонки, иногда трудноуловимы, но именно они наиболее ценны в общении. Здесь следует отметить, что на этом уровне общения очень высока роль тончайших оттенков выбора слов и оборотов речи, интонаций, тембра голоса. Это высший духовный уровень общения в любых ситуациях — от ораторской речи до интимного общения близких.

Высокий интерес к этой доминанте контакта, установлению незримой связи, рождению первых нитей взаимопонимания был замечен в разные эпохи, отражен в литературе, игре гениальных актеров.

5. Следующая черта античного идеала — отношение к истине. Крупнейшие ораторы, принадлежавшие к этому типу этической позиции, на практике подтвердили твердость убеждений, свою позицию — не отступать от своего, выстраданного, понимания истины. Известно, что великий Сократ мог спасти свою жизнь, но предпочел смерть бегству, выпив чашу с цикутой. Подобное совершил и Демосфен, известный своими филиппиками — речами против македонского царя Филиппа II, когда тот все же добился власти над Афинами. Поиск истины и верность ей есть признак духовной силы человека, его нравственной стойкости. В русской риторике защиту научной истины М. В. Ломоносов ставил превыше всего.

Но даже в классической риторике признавалась необходимость гибких решений дилеммы «правда — ложь», например: сохранение военной тайны, сокрытие какой-то страшной тайны из сострадания, «ложь во спасение».

Печальный опыт истории свидетельствует о том, что для целых народов складывается добровольная или принудительная необходимость лжи, официально выдаваемой за правду (тоталитарные режимы).

Психологическая природа такой всеобщей, массовой лжи еще пока не получила строгой научной оценки, а нравственная ее оценка резко отрицательна. Но определенно можно сказать, что ни к риторике вообще, ни тем более к античному риторическому идеалу это явление, такое частое в истории власти, не имеет никакого отношения. Классическая риторика в лице своих создателей и идеологов всегда противостояла лжи.

Рассмотренные выше характеристики могут быть отнесены к категориям этоса и пафоса. Теперь обратимся к пониманию логоса.

В этой области традиция не противостояла софистическим нормам — ни в признании и использовании логических законов и правил, ни в огромном внимании к диалогу, к дискуссионной речи, ни в мастерстве выбора разнообразных средств языка. Тем не менее отметим наиболее важное.

При большом внимании к логике текста все же преимущество уделялось структуре языковых форм, меткости выбора слов, использованию выразительных средств языка, культуре речи.

Культура диалога, мастерство спора (без каких-либо уловок) достигли наиболее высокого уровня в литературном наследии Платона: имеются в виду его диалоги (он использовал диалог как жанр) «Федр», «Апология Сократа», «Лисий», «Софист», «Государство» и др.

Творчество риторов и ораторов рассматриваемого направления сближалось с литературой как искусством, с поэтикой как литературоведческой дисциплиной; наилучший пример этого сближения — Цицерон.

Широко привлекались лингвистические дисциплины, уже получившие в IV—III вв. до н. э. значительное развитие: стилистика, грамматика, просодия, зачатки теории речи.

Культура речи, выражения мысли доводились до высочайшего совершенства. Европейские ценители языкового мастерства (Буало, Шиллер, Пушкин и многие другие) восторгались звучанием древнегреческого и латыни. До сих пор образцом языковой культуры считается латынь времен Цицерона и Сенеки (Луций Анней Сенека, 4 г. до н. э. — 65 г. н. э., автор «Нравственных писем к Луцилию»). Известны оценки, в которых утверждалась невозможность дальнейшего совершенствования латыни после I в.

10. Древнерусские традиции

Современная наука располагает небольшим, но достаточным количеством источников для изучения древнерусского риторического идеала, в основном памятники XI—XII вв. и начала XIII в. В понимании его своеобразия исследователи опираются и на фольклорные материалы, и на произведения художественной литературы, в первую очередь — на «Слово о полку Игореве», наконец, на летописи.

Эти образцы позволяют говорить об устойчивости традиций, отблески которых ощущаются и в настоящее время, несмотря на трехвековую утрату независимости Руси и невозможную задержку культурного развития.

Русь X—XII вв. имела прямые связи с Византией — наследницей греческой античной культуры — до ее завоевания Османской империей в середине XV в. Она поддерживала прочные связи и с европейскими странами, принявшими культуру Римской империи. Связи упрочивались семейными союзами: так, одна из дочерей Ярослава Мудрого (он знал восемь языков, был прозван Осмомыслом, что означает «восемь мыслей») была замужем за королем Норвегии, другая, Анна, была королевой Франции (оказала первой образованной королевой).

Изучением древнерусского красноречия, его традиций в XIX в. занимались А. С. Шишков, А. В. Мещерский, С. Н. Глинка, Н. Ф. Кошанский, К. П. Зеленецкий, Ф. И. Буслаев и др. В XX в. — главным образом Л. К. Граудина, Г. Л. Миськевич, В. И. Аннушкин, А. К. Михальская.

Следует признать, однако, что история риторики изучена мало; это отмечал крупнейший мыслитель в России XX в., знаток риторики Алексей Федорович Лосев.

Конкретные произведения древнерусского красноречия будут рассматриваться в главе 4 — «Риторика в России». Пока ограничимся характеристикой его особенностей.

1. Оратор, как правило, лицо известное, облеченное доверием народа: церковный деятель, князь, воевода. Нередко он как бы уходит в тень, остается безымянным. Эмоции оратора управляются верой, убеждениями. Компетенция, знание ценятся выше всего, как и язык — яркий, цветистый, «украшенный», не лишенный оригинальности.

2. Оратор всегда выражает твердую позицию — это преимущественно государственные интересы, забота о церкви, народе. В речах почти всегда содержится поучение или призыв, нравственные установки, преобладает положительный пример; критика вводится в виде сожаления или даже плача.

3. Оратор отстаивает истину, свое понимание справедливости; споры, полемика встречаются нечасто.

4. Огромное внимание уделяется этике общения: прослеживается высокое уважение к человеку, выступающему с речью. По мнению народа, оратор должен высоко нести свое слово, не обращаться с речью к любому, а лишь к авторитетной аудитории. Само обращение с речью выражает уважение говорящего к слушателям. Судя по дошедшим до нас текстам, оратор уважает мнение адресата. В свою очередь, народ выражает уважение не только к личности оратора, но и к самому слову, мудрому и красивому.

Оратор добивается взаимного понимания, мыслит в духе соборности как полного единства всех слушателей и народа в целом.

5. Оратор тщательно готовится к выступлению: сам факт сохранения речей, их многократного копирования свидетельствует об их ценности. Можно, разумеется, предположить, что выступления низкой культуры, не отличающиеся высоким качеством, до нас не дошли. Но если так, то можно предположить, что в среде образованных людей — хранителей рукописей — уровень требований был высок.

6. Композиция речей, посланий, поучений отличается четкостью, ясностью. Вот митрополит Иларион выступает с речью при дворе Ярослава Мудрого («Слово о законе и Благодати»), он прославляет великого князя Владимира и землю русскую, о которой знают и слышат во всех концах земли. «Встань, о честная глава, из гроба своего! <...> Посмотри на внуков твоих и правнуков! <...> Посмотри на город, иконами святых освящаемый! <...> Возрадуйся и возвеселись и восхвали Бога!» Пафос речи митрополита — в призыве к единству Руси, укреплению княжеской власти, утверждению самостоятельности и государства, и Церкви.

Речь щедро украшена обращениями, восклицаниями, антитезами, параллелизмами и другими фигурами. Она богата иносказаниями, аллегорична. Мысль ясна, ничего лишнего, высоко чувство меры. По мысли оратора, единение произойдет не только через силу государства, но и через язык, через христианское мировоззрение. Так прославлялась прекрасная земля русская.

7. В речах древних ораторов подкупает доброта, кротость и смирение, благодарность, восторг перед красотой мира, вера в божественную природу мудрого и прекрасного слова, в силу и действенность красноречия, отмечается высокое уважение к книжной мудрости, учению, образованию.

Высоко оценивается и жанровое разнообразие этих выступлений: ораторские речи, обращения князя к воинам, жития святых, поучения, письма, исторические повествования.

Ораторские произведения Древней Руси очень тесно связаны с фольклором и литературой. Они как бы вырастают из одного источника. «Слово о полку Игореве» создавалось для устного исполнения. Как и другие произведения героического эпоса, оно изобилует обращениями, как бы разговором со слушателями. Таковы же и многие другие произведения — духовный стих «Борис и Глеб», «Повесть о Евпатии Коловрате», «Задонщина». Даже в XIII—XV вв. литературные произведения еще сохраняли устноречевую традицию: «Слово о погибели Русской земли», «Житие Сергия Радонежского».

11. Речевая культура цивилизаций Востока

Самая древняя из известных нам — культура **Египта** IV—III тысячелетий до н. э. Благодаря своему географическому положению — на стыке трех континентов — Египет имел возможность общения, развивалась словесная культура. Письменность возникла и развивалась из простейших рисунков, постепенно переходя в иероглифическую; многочисленные тексты были связаны с культом природы, животных. Эти верования сохранились вплоть до эпохи христианства. Известны тексты о священном камне, пирамидах, культовые тексты о Ниле, животворящей воде. Особенное развитие получил культ Солнца. Есть тексты, обожествляющие монарха.

В середине IV тысячелетия до н. э. возникает художественная литература. В устном коллективном творчестве распространены песни, пословицы, повторяющиеся в разных жанрах сюжеты. Для нас особенный интерес представляет пословица, посвященная силе слова и ответственности за слово: «Уста человека спасают его, но слова его могут заставить покрыть свое лицо от стыда». Известны также трудовые песни пахарей, грузчиков.

В Египте получила развитие литература путешествий; хвалебные тексты того времени были первым шагом к эпидейктическим речам, по Аристотелю. Они наиболее близки к ораторству, так же как и поучительные, дидактические. Интерес представляют образцы деловых бумаг, правила спора.

Техника письма и составления текстов достигла высокого уровня в школах, где готовили государственных служащих, и в храмах, где обучали жрецов. Изучались стилистика, ритмика, звукопись,

тропы, сравнения. До нас дошли письма, облеченные в художественную форму, например письмо, в котором содержится критика автора другого письма: «плохое смешано с изысканным», и «похвалы самому себе»: «Оно (письмо) полно слов, сходящих с моих собственных губ, которые я сам сочинил без чужой помощи» (примеры взяты из кн.: Авдиев В. И. История древнего Востока. — М., 1952).

Свои риторические модели формировались и в других культурах древности. Так, в **Китае** не было полисной демократии, нуждавшейся в риторике спора, обсуждения, дискуссии, свободного обмена мнениями. В Китае II—I тысячелетий до н. э. шла борьба царств, монархий. Монарх был окружен образованными и дальновидными советниками, они спорили между собой, монарх — сильная личность — принимал или отвергал советы. Китайская культура хронологична и топонимична, по мнению китаеведа Ю. В. Рождественского, все события строго маркированы. Авторы речей, письменных текстов оперируют прогностикой на основе исторических фактов; тщательно изучаются история принятия государственных решений, а также народные песни, поскольку они выражают стремления людей. Отрабатываются нормы этики, государственных ритуалов, отбирается словарь, дающий картину мира.

От оратора, как правило государственного деятеля, требуется краткость, точность, мудрость, сильное чувство и — главное — строжайшая ответственность за каждое слово. Ибо от надежности прогностики зависела судьба монархии и самого говорящего.

В кругах придворной аристократии высоко ценится поэтическое искусство. В окружении монарха идет поиск нового, эффективного стиля, культивируется внутренняя речь — мысль, ясность сознания. Высоко ценятся науки, привлекаются многогранные знания в области математики, медицины, философии, поэтики. Специфика научного поиска: знание современно, но оно обращено к древности, ищет прецедентов в истории.

Идеал речевых выступлений в Китае и поныне опирается на логические выкладки, языковые (речевые) фигуры; ценится и мастерство софистики. Стиль в китайском понимании — это то новое, что основано на культуре как свернутой и систематизированной истории (Ю. В. Рождественский). Новые веяния и влияния других культур, разумеется, внесли немало нового и в систему речевого общения, но символическое значение Великой Китайской Стены не угасло.

Древняя, а отчасти и современная **Индия** в основу своих ораторских традиций положила сословную структуру общества: духовное сословие — брамины, военное — кшатрии, все остальные — шудры. Общение носило внутрисословный характер: сословия не должны были смешиваться. Система осложнялась и раз-

личием языков: хинди, урду, бенгали и др., но это не помешало Индии развить богатейшую палитру философских и риторических традиций. Естественно, что культурные и речевые традиции складываются в среде браминов, обладавших знанием, общим развитием, и сама их деятельность сводилась преимущественно к речи учебной, научной и ритуальной (литургической). В индийской традиции сложился образ бесконечного, вневременного мира. В мире происходит вечное вращение, обновление, воспроизведение жизни. Речевая культура разных философских оснований направлена на этическую, воспитательную цель. Множественность философских учений привела к развитию диалектики как инструмента бесконечных споров. Высокого развития достигла наука, в частности языковедение. К I тысячелетию до н. э. относится становление санскрита (слово *санскрит* означает «язык, доведенный до совершенства»), оказавшего сильнейшее влияние на европейское языкознание. Следы санскрита обнаруживаются в европейских языках, включая русский.

Современный читатель может познакомиться с индийскими мировоззренческими традициями и новыми веяниями по книгам Джавахарлала Неру «Открытие Индии» и «Автобиография», изданным на русском языке.

Отметим в заключение, что в восточных цивилизациях не сложилась теоретическая концепция речевого действия, подобно древнегреческой, европейской. В практической же сфере во всех культурах развивались ораторство, ритуальная, информационная (педагогическая), императивная, художественная, дискуссионная речь.

Глава 4. РИТОРИКА В РОССИИ

12. Древняя Русь

Те скудные сведения о речи наших далеких предков, которые сохранились, связаны с развитием письма. Оно вошло в жизнь славян во второй половине IX в. (обычно указывается 863 г.); азбука создана греческими учеными — славянскими просветителями Кириллом и Мефодием, переводчиками церковных христианских книг с греческого. Она получила название кириллицы. Есть, однако, сведения, что славяне имели и докириллическое письмо — писали «клинами и резами» (Черноризец Храбр). Известно также, что в VIII—X вв. в Киеве и других городах действовали христианские храмы и обучались священнослужители до официального крещения Руси в 988 г. Грамотей имелись и в княжеской дружине, выполняя функции дипломатов, переводчиков, государственных чиновников, учителей; в среде торговцев велась деловая документация. В русской летописи Нестора сохранился договор с Ви-

зантийской империей, заключенный киевским князем Олегом в 906 г. в результате взятия Царьграда (Константинополя). Текст договора можно прочесть в I томе «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Кириллица не удержалась у западных славян, но у восточных и южных славян послужила основой последующих алфавитов, что способствовало связям с Византией — наследницей античной культуры, литературы, риторики.

Кирилл и Мефодий, как известно, работали в Моравии — наиболее развитом государстве славянского мира, но в XI в. центром славянской православной культуры становится Киев. Благодаря твердости князя Владимира, крестившего Русь, приток греческого духовенства был невелик, готовили священников-славян, церковная служба велась на славянском языке в отличие от Римской церкви, где служба велась на латыни вплоть до XX в. Впрочем, в этом была и польза: латынь стала языком науки, оказала сильное и благотворное влияние на развитие языков, образования. В Россию латынь стала проникать лишь в XVI—XVIII вв.

Церковные и риторические традиции православной ритуальной речи на Руси были приняты в общем с одобрением. Этому способствовали торжественность службы, высокая культура церковного пения, эмоциональность общения, одухотворенность проповеди, пиетет по отношению к мудрому и поэтическому слову.

Расцвет ораторских жанров приходится на XI—XII вв. Образцом проповеди может служить творчество Кирилла, епископа Туровского, инок и аскета, например его «Слово в новую неделю по Пасце», в котором чувствуется сильное влияние византийского стиля (символика, метафоричность, уподобления). Вот отрывок: «Ныне солнце, красуясь, к высоте восходит и, радуясь, землю согревает: для нас взошло от гроба праведное Солнце — Христос и всех верующих в него спасает <...> Ныне пахари слова крестное орало (т. е. плуг, соху) погружают в мысленные борозды, сеют духовное семя, надежды на будущее благо возвращают».

Духовное направление ораторства представлено также житиями святых — в «Житии Феодосия Печерского», «Сказании о Борисе и Глебе». В житиях формируются литературные традиции Руси.

Это же направление приобретает политическую тенденцию в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона (первого митрополита из русских), прочитанном при дворе Ярослава Мудрого, в его присутствии. Автор выступает в качества апологета русской государственности и самостоятельности русской церкви. Влияние «Слова...» сказывается в произведениях ораторства и публицистики более позднего времени, например в Ипатьевской летописи, в «Житии Степана Пермского».

Образцом «послания» может служить «Моление Даниила Заточника», обращенное к князю, с жалобами на свои страдания и

просьбами о милости. Несмотря на близость содержания к нуждам повседневности, автор пользуется цветистой речью: «Избави мя от нищеты сия, яко серну от тенета, яко утя от ногти ястреба, яко овца от уст лвоу».

Особо нужно выделить речи — поучения, обращения к потомкам. Наилучшая из них — «Поучение чадам Великого князя Владимира Мономаха» (конец XI — начало XII в.). Автор известен как энергичный восначальник, гуманный и образованный государственный деятель Киевской Руси. Вот отрывок (в современном переводе): «Всего же более убогих не забывайте, но насколько можете по силам кормите, и подавайте сироте, и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виноватого не убивайте и не повелевайте убить его... Если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души».

В более поздние времена возникли новые формы: повести, «хожения», полемическая переписка, похвальные слова. Огромный интерес представляет переписка воеводы князя Андрея Курбского с царем Московским Иоанном Грозным (60-е годы XVI в.) — страстные, обличительные письма, дающие основание судить о речевом мастерстве автора. А также письма и записки («Житие») протопопа Аввакума, идеолога раскола. Он сам охарактеризовал свой стиль, свою риторiku: «Аще что речено просто, и вы, Господа ради чтущии и слышашии, не позазрите просторечию нашему понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет <...> Того ради и я не бегу о красноречии». Язык Аввакума необыкновенно высоко ценил В. В. Виноградов, крупнейший лингвист XX в. и тонкий знаток развития русской стилистики.

До недавнего времени принято было считать, что до XVII в. теоретическая риторика не была распространена в России, но в 90-е годы XX в. В. И. Аннушкин показал, что уже в XI—XIII вв. риторика упоминалась в качестве учебного средства; использовались не только ее правила, но и синонимы: *витийство*, *благословие*, *краснословие*, *сладкоречие* и даже антонимы: *велеречие* — *безгласие*, *краткословие* — *многоречие*.

13. Риторика как учебный предмет

Первый в России курс риторики (1620 г.) представляет собой перевод латинской риторики Ф. Меланхтона в переработке Л. Лосия (Франкфурт, 1577) с пояснениями русского переводчика и дополнениями. Книга использовалась и хранилась в Московских и северо-русских монастырях — Соловецком, Белозерском, в Ярославле, Новгороде. Судя по количеству сохранившихся списков (36),

риторика изучалась весьма широко. Вот отрывок из введения: «Аз есмь риторика доброглаголивого и яснозрительного разумения, мноу грамматика исполняется и диалектика украшается, аз связующий с сими учении витийскую мудрость составлять научаю и благословесная речения ясноглаголателно вещати вразумляю».

В этой книге пять разделов: инвенция, диспозиция, элокуция, мемория, акция (каноны).

В XVII—XVIII вв. были созданы десятки риторических курсов, наиболее известные — М. Усачева, братьев Лихудов, Ф. Прокоповича, С. Яворского, Симеона Полоцкого, М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, М. М. Сперанского, А. Ф. Мерзлякова. Если до XVIII в. авторами риторик были церковные лица, то начиная с Ломоносова ею занимаются светские авторы — филологи, писатели, государственные деятели.

Подлинный расцвет и всеобщее признание риторики в России началось с выхода в 1747 г. «Краткого руководства к красноречию». Этот труд М. В. Ломоносова сразу получил признание, несколько раз переиздавался при жизни автора. Его риторика обращена к античному миру — Сократу, Платону, Аристотелю, она имеет философские обоснования. В ней рассматриваются педагогические проблемы: о природных дарованиях тех лиц, которые отбираются для риторического обучения, решается вопрос об интуиции и правилах, о корнях ораторского мастерства. Функцию убеждения М. В. Ломоносов дает в смягченном варианте: «красно говорить и писать и тем склонять других к своему мнению». Предметом науки риторики автор считает не только ораторию, но и поэзию, допускает подражание и постоянное упражнение, призывает учиться на опыте прославленных художников, превозносит мастерство Кикерона (Цицерона), речи которого казались божественными, ибо были выше сил человеческих.

Он отстаивал научную истину в речах, разрабатывал каналы инвенции — изобретения (оно должно касаться настоящего и прошлого), учил находить главное в содержании и выделять его. М. В. Ломоносов советовал, во-первых, в совершенстве знать предмет своей речи, во-вторых, уметь сказать о нем, передать другим свое знание, т. е. построить свою речь так, чтобы слушатель понял и принял.

К риторике прилагается учение о трех штилях: высоком, среднем и низком. Такое разграничение имело место и в античном мире, разрабатывалось оно и в западноевропейской стилистике, поэтике, риторике. Заслуга М. В. Ломоносова и в том, что он впервые построил риторическую систему на основе русского языка — его лексике, фразеологии, синтаксиса и предназначил свой труд для светского образования, что получило живой отклик как в среде молодых людей, стремившихся к культуре, так, впрочем, и

среди светских петиметров, жаждавших блеснуть метким, образным словом на ассамблеях. К концу XVIII в. речевое мастерство ценилось весьма высоко не только в ораторстве, но и в светском общении, в университетах, спорах и полемике, в среде военных. Риторика преподавалась во всех гимназиях, лицеях, в форме частных уроков. В первой половине XIX в. действовали учебники А. С. Никольского, А. И. Галича, А. Ф. Мерзлякова, Н. Ф. Кошанского, И. С. Рижского, К. П. Зеленецкого. Высоко ценился труд М. М. Сперанского «Правила высшего красноречия», написанный в 1792 г., изданный в 1844 г., а также общая и частная риторики Н. Ф. Кошанского — профессора Царскосельского лицея, одного из учителей юного Пушкина. Ниже представлено краткое содержание обоих учебников Н. Ф. Кошанского.

Здесь немало такого, что теперь забыто: само изобретение (ведь оно должно нести что-то новое), три стилистических уровня, гармония, вкус, гений, талант.

«Общая риторика» (1829) в 6 частях, выдержала 11 переизданий	
Изобретение	
1. Источники изобретения. Словесные науки. Причина, подобие, качества, целое, части (20 источников). Понятие о содержании речи	2. Первое соединение мыслей. Периоды: сравнительный, условный, противоположный, последовательный (12 типов соединения). Начала изящной прозы
Расположение	
3. Описания, повествования. Начало, середина, конец описания. То же — о повествованиях	4. Рассуждения. Части рассуждения. Простые и сложные рассуждения по силлогизмам. Примеры
Выражение мыслей	
5. Слог и его средства. Слог простой, средний и возвышенный. Слог периодический и отрывистый. Приличие и неприличие. Чистота и небрежность. Плавность и принуждение. Гармония	6. Все роды украшений. Тропы. Фигуры слов. Повторения. Фигуры мыслей, убеждающие разум. Фигуры, действующие на воображение. Фигуры, пленяющие сердце
«Частная риторика» (1832) в 6 частях, выдержала 7 переизданий	
1. Словесность. Ее отрасли: у греков и римлян; у новейших и в России. Истинное красноречие и мнимое. Вкус, гений, талант, способности	2. Письма. Письма к высшим, равным и низшим. Деловые письма. Литературные письма. Авторы писем у древних, у новых и в России.

3. Разговоры. Диалектика (доказательства). Философские и драматические разговоры. Писатели разговоров у древних, новых и в России	4. Повествования. Характеры. Некрологи. Анекдоты. Летописи. Жизнеописания. Повести. История. Авторы у древних, новых и в России
5. Ораторство. У древних и новых. Ораторское изображение, расположение, выражение, декламация. Примеры речей. Ораторы у древних, новых и в России	6. Ученость. Ученые сочинения: систематические, отдельные. Критика. Периодические издания. Ученые у древних, новых и в России

14. Кризис риторики

В главе 2 вкратце было сказано о кризисе риторики во Франции в конце XVIII в. Н. А. Безменова главным оппонентом риторики назвала романтизм в условиях отказа от классицизма, борьбы против «благородного стиля», против перечней рецептов, чем представлялась риторика с точки зрения свободы художника. Критику риторики возглавляет В. Гюго, по мысли которого идея доминирующего порядка и разума заменяется идеей порыва страсти и преклонения перед гениальностью. У термина *риторика* появляется второе, крайне пренебрежительное значение — «внешне украшенное пустословие». По этому поводу С. С. Аверинцев пишет: «Умение владеть словом с античных времен называлось «риторикой»; формализованная мыслительная работа с соблюдением школьных (латинское *scholasticus* означает «школьный») технических правил в средние века называлась схоластикой. Позже, особенно в XIX в., оба слова употреблялись как бранные, они употребляются так и до сих пор» (Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М., 1996. — С. 115). Подтвердим это утверждение С. С. Аверинцева вполне современным примером: А. И. Солженицын в книге «Россия в обвале» (М., 1997) пишет, что речи власть имущих «риторны и приторны...». Сегодня газеты пестрят такими конструкциями: «Если отбросить предвыборную риторику, то кандидат в депутаты Государственной Думы NN сказал то-то и то-то».

И все же в России кризис риторики начался не с языковых проблем, а с нравственно-педагогических. В 1844 г. В. Г. Белинский в рецензии на «Общую риторику» Н. Кошанского писал, что «риторика есть наука красно писать о том, чего не знаешь», стоит только отвечать на вопросы «кто? что? где? когда?». Удивительная школа фразерства! И потому, когда прочтут драму, в которой оболгано сердце человеческое, говорят: «Риторика!» (Белинский В. Г. Сочинения. — Т. 8. — С. 512). Подобная критика,

к тому же идущая из прогрессивных кругов, постепенно привела к тому, что во второй половине XIX в. реже издаются книги по риторике, она исчезает из планов многих учебных заведений. При этом школы не отказываются от ее содержательных материалов, от многих приемов, таких, как работа над темой, композицией сочинений, как рассуждение и доказательство, тропы и стилистические фигуры, но употребляют их под другими названиями: *развитие речи учащихся, стилистические упражнения, теория словесности, культура речи, поэтика*. Так, в учебном пособии И. В. Гаврилова «Стилистические задачи» (СПб., 1883 и другие издания) даны вопросы: что? кто? где? когда? зачем? почему? как? с чьей помощью?, а также схемы рассуждений с такими ступенями:

1. Приступ — Dictum.
2. Изъяснение темы — Paraphrasis-expositio.
3. Причины — Aetologia-causal.
4. Противное — Contrarium.
5. Подобие — Comparatio-simile.
6. Пример — Exemplum.
7. Свидетельство — Testimonium.
8. Заключение — Conclusio.

По-видимому, отказ от риторики подчас носил лишь внешний характер. Тем более что отказ от школьной риторики не привел к упадку ее частных ветвей. Так, демократические реформы судебного дела привели к расцвету судебного красноречия. Заметен подъем академического мастерства. В начале XX в. оживляется теоретическая деятельность: появляются книги Н. Абрамова «Дар слова» (1901), Г. Д. Давыдова «Ораторское искусство», программы курсов по этике живого слова А. Ф. Кони, Е. Е. Соловьевой и др. В 1918 г. был создан Институт живого слова (действовал до 1924 г.), в котором работали Л. В. Щерба, В. Э. Мейерхольд, С. М. Бонди, Л. П. Якубинский и др.

Но взлет риторического направления был непродолжителен: власти поддерживали лишь одно направление — мастерство агитатора и пропагандиста, его политический аспект.

Некоторые функции риторики взяли на себя старые и новые отрасли языкознания. Интенсивное развитие функциональной стилистики, возникновение практической стилистики, обеспечивали выбор адекватных средств языка; культура речи стала отраслью языкознания; были созданы многочисленные словари и справочники трудностей русского языка в областях лексики, грамматики, произношения; в рамках образовательных систем в конце XIX—XX вв. успешно осваивались теория и методика школьного сочинения и развития речи учащихся.

Риторика как самостоятельный предмет с 20-х по 80-е годы XX в. сохранилась лишь в некоторых университетах (МГУ, Тби-

лисском) на факультетах классической филологии, в духовных академиях. Прошло несколько поколений учителей-словесников, не знавших риторики.

Игнорирование систематического, целостного предмета «риторика» привело к заметному упадку речевых умений в самых разнообразных сферах общения. Не изучались этические, философские основы общения, когнитивные аспекты речи, игнорировались история риторики, ее авторитет в глазах крупнейших ученых, мыслителей. Изучение языкознания теряло полноту, ибо в центре внимания оказывалась лишь структура языка, а не его жизнь в речевой деятельности человека.

Следует отметить, что в большинстве развитых стран мира кризисные явления не привели к гонениям на риторику, в тех или иных вариантах она преподавалась в образовательных системах США, Великобритании, Германии, Франции, других странах Европы.

Между тем XX в. стал веком рождения наук о речи, ее механизмы изучали лингвисты Ф. де Соссюр, А. А. Потебня, Л. В. Щерба и психологи Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, А. Р. Лурия. Сложилась система наук о речи, в какой-то степени компенсирующих утрату риторики и, в общем, обогативших ее, когда наступило время ее ренессанса.

Наиболее близка к традиционной риторике культура речи (глава 6), исследующая труднейшие моменты выбора, использования языковых форм, отвечающих литературной норме.

Что касается психолингвистики, теории коммуникации, семиотики, герменевтики, социолингвистики и других новых теорий, то они дали основу возрождению древней науки в виде неориторики.

В середине XX в. начинается **ренессанс** риторики, поднимается новая волна интереса к ней. В России это конец 70-х годов, во Франции — на 30 лет раньше. Сила этой волны определялась тем, что интерес к забытой науке возник и разгорелся в молодежной среде.

Не менее важно и то, что в научной среде даже в самые трудные годы мысль не угасала: назовем имена А. Ф. Лосева — философа, знатока античной эстетики, лингвиста; В. В. Виноградова — крупнейшего лингвиста в XX в., М. М. Бахтина — философа, литературоведа, эстетика, С. С. Аверинцева, В. П. Вомперского — историка риторики, С. Ф. Ивановой, Ю. В. Рождественского и др.

Были переведены на русский язык «Общая риторика» под ред. Ж. Дюбуа (с французского), «Основы искусства речи» П. Л. Сопера (с английского), книги Д. Карнеги. Традиции высокой культуры, несомненно, стали одной из важнейших причин пробуждения интереса к риторике среди аспирантов, преподавателей; воз-

никала тревожность молодых от утраченных ценностей, росло влечение к ретро, к античной культуре, к «гонимым» областям знания. Возможно, что это — первый важнейший фактор возрождения риторики.

Второй фактор — успехи наук о речи, возникших на рубеже языкознания и психологии. К сожалению, некоторые лингвисты XX в. отстранились от проблем речевой деятельности, исследовали структуру языка (что, разумеется, тоже необходимо). Тем не менее во второй половине века появились крупные исследования в области функциональной грамматики, стилистики, теории речевых актов, грамматики слушающего, теории механизмов речи и пр.

В качестве важной причины возрождения риторики нередко называют возрождение демократии в России в конце 80-х годов и в 90-е годы XX в. С этим тоже нельзя не согласиться. Парламентские дебаты, возросшая свобода прессы, первые попытки создания юридического пространства, плюрализм в образовании — все это вызвало у многих недоумение: почему мы, имея среднее и даже высшее образование, не умеем ясно и толково, образно выразить свою мысль? Почему сама мысль туманна? Откуда пришло наше косноязычие, некоммуникабельность? Почему наши юридические документы так усложнены, что в них невозможно разобраться?

Впрочем, нельзя игнорировать и тот факт, что речи политиков, транслируемые по телеканалам, за последнее десятилетие улучшились и по их логике, и по культуре по сравнению с тем, что мы слушали на рубеже 80—90-х годов XX в.

Есть еще одна причина: это падение у молодежи интереса к изучению сухих, в чем-то формальных, курсов языка, сложных, изобилующих исключениями правил орфографии. Усилилась тяга к широкому, многогранному курсу словесности, филологическим программам, к общественно значимым умениям. Риторика, и теоретическая и практическая, восполняет указанный недостаток.

Однако порыв к изучению риторики натолкнулся вначале на отсутствие подготовленных преподавателей, а также отсутствие учебников, программ, иной литературы, поскольку то, что все же имелось, было ранее издано малыми тиражами. Авторами учебной литературы по риторике стали Н. Н. Кохтев, Т. А. Ладыженская, З. С. Смелкова, В. Я. Коровина, А. К. Михальская, С. Ф. Иванова; по культуре речи — Л. И. Скворцов, Л. П. Катлинская, В. Г. Костомаров, К. С. Горбачевич, Б. Н. Головин, Н. И. Формановская и др.

И все же литературы остро не хватает, а в педвузах пока нет специальности «преподаватель риторики и культуры речи».

15. Типология

Классификация видов красноречия, типов речи и соответствующих им ответвлений риторики складывалась постепенно, на протяжении многих веков, поэтому в ней есть разночтения. Чтобы избежать их по возможности, здесь в качестве критерия берется сфера социальной деятельности говорящих (и воспринимающих речь) лиц. К концу XX в. мы располагаем 8—10 видами речи, признаваемыми большинством специалистов, соответственно, — ответвлениями риторики со своими ситуациями и «жанрами».

1. Речи политические	пропаганда, агитация, политические дискуссии, лозунги и призывы, речи лидеров на совещаниях, партийных съездах, жанры СМИ (средств массовой информации) и пр.
2. Дипломатическое общение	дипломатический речевой этикет с его обязательными нормами, переговоры и переписка, составление юридически строгих документов, синхронный перевод, умение находить выход в сложных ситуациях и пр.
3. Деловая речь (бизнес, хозяйственная деятельность)	деловые переговоры, постоянный контакт (телефон и пр.), деловые бумаги — акты, контракты, протоколы, другие юридические и финансовые документы, планы работ и программы, доклады, отчеты и пр.
4. Военное красноречие	боевой призыв, боевой приказ, воинские уставы, военные мемуары, письма командира части родителям солдата (павшего в бою), радиосвязь в экстремальных условиях и пр.
5. Академическое красноречие	университетская лекция и циклы лекций, семинары, доклады и рефераты студентов, конференции, встречи с учеными, специалистами-профессионалами, защита дипломных проектов, конспектирование, тезисы, резюме, академические дискуссии, диспуты, творческие работы, исследования студентов и пр.

6. Педагогическое общение

рассказ и объяснение учителя (разнообразных видов), эгоцентрическая речь ребенка, устные рассказы детей, их письменные сочинения, детское литературное творчество, урок как сложный акт педагогического общения, отдельные части урока — вступительная и заключительная беседы, обобщение и подведение итога урока и пр.

7. Правовая сфера, судебное красноречие

тексты законов, кодексы законов, допрос, свидетельские показания, юридические консультации, дискуссия как судебный процесс, речи обвинения и защиты, дискуссия на суде

8. Духовно-нравственное красноречие (на примере православия)

церковная проповедь, миссионерская деятельность, беседы с верующими и ищущими веры, пастыря с прихожанами, исповедь, молитвы, курсы богословия в духовных академиях и пр.

9. Бытовое общение близких

дружеская беседа в непринужденных условиях, дружеские беседы на научные, политические темы, семейный полилог с участием детей, неофициальные деловые беседы, телефонные разговоры, дружеская переписка и пр.

10. Диалоги с самим собой (внутренняя речь, мысленная)

мысленная подготовка к устному и особенно к письменному высказыванию, чтение "про себя" с критической (или восторженной) оценочной деятельностью, воспоминания и размышления, внутренние споры со вторым "я", мечты, соображения, подходы к творчеству, внутреннее планирование и репетирование — регулятивная функция внутренней речи, репетиция к ораторскому или иному выступлению и пр.

Вряд ли нужно доказывать, что все эти (возможно, и другие) виды высказываний, устных и письменных, нуждаются в осмыс-

лении, упорядочивании, самоконтроле. Это и есть культура общения, т. е. речи. Научное осмысление некоторых видов уже имеет свою многовековую историю, иные новы: например последняя — культура внутренней речи, которая, кстати, в жизни человека составляет наибольший, труднейший и самый долгий по времени блок. Культура мысленной речи — залог успеха внешней, звучащей или написанной, речи.

Сравнительно недавно предметом риторики стала и бытовая речь, кроме дружеской беседы, которой уделил внимание Аристотель.

Возможно, что в дальнейшем будут выделены еще какие-то виды речи, их сферы, например, врачебное красноречие, речь в сфере обслуживания — гостеприимства, туризма...

В части 6 «Литература и риторика» показана роль последней в литературном мастерстве: здесь риторика обеспечивала формы выражения, что и привело к появлению второго, пренебрежительного, значения термина. Риторика обвинили в формализме: она обеспечивает красиво построенную, хорошо звучащую, но ни к чему не обязывающую речь, например уже приводившаяся выше цитата из книги А. И. Солженицына «Россия в обвале»: *речи властей риторны и приторны*.

Далее будут подробнее прокомментированы некоторые из видов красноречия.

16. Политическое красноречие

Политика (от греческого «искусство управлять государством») — весьма широкое понятие, но если говорить о политических речах, то они бывают и *и н ф о р м а ц и о н н ы е*, осведомительные — это пропаганда, политпросвещение, наука, *у б е ж д а ю щ и е* и *п р и з ы в н ы е*, побуждающие к действию, — это агитация, например предвыборная, *д и с к у с с и о н н ы е*, полемические, даже разоблачительные — это обсуждения спорных вопросов, споры внутри- и межпартийные.

В политике широко используются средства массовой информации — массмедиа, радио, телепередачи, но в моменты обострения политической борьбы возрастает роль живого слова, импровизации — это выступления на митингах, демонстрациях, *н а к о н е ц*, в революционных актах.

Принято считать, что политические речи — орудие демократии; действительно, история это подтверждает: речи Демосфена, Лисия, Перикла были бы невозможны без демократии древнегреческих полисов (хотя бы и рабовладельческой). Но история предупреждает и против двух крайностей: против того, чтобы вся демократия исчерпывалась в бесконечных словопрениях, и против того, чтобы политические речи служили орудием тоталитаризма.

Диапазон тематики политических речей широк: борьба за власть, международные и межнациональные вопросы, экономические, нравственно-воспитательные, правовые (юридические), и научно-образовательные, религиозно-конфессиональные проблемы и сложнейшие вопросы жизни, быта, обеспечения людей — от их прихода в наш мир до прощания с ним.

Попробуем к политической ситуации применить вышеупомянутую схему.

Пример первый:

Кто говорит? — Лидер партии.

Кому говорит? — Он обращается к тысячам людей, среди которых преобладают, по его мнению, сторонники.

При каких обстоятельствах? — За два месяца до выборов в Государственную Думу.

Что говорит? — Излагает тезисы платформы своей партии.

Зачем? — Чтобы будущие избиратели знали, осмыслили, обсудили и выразили свою позицию на выборах.

Как выражает свою мысль? — Четко, логично, без иносказаний и украшений.

Каков результат? — Первоначальный — слушатели серьезно отнеслись и в большинстве положительно. Окончательный результат покажут выборы.

Второй пример:

Кто говорит? — Один из восставших парижан.

Кому? — Обращается к массе восставших.

Обстоятельства? — Высочайший накал страстей, Великая Французская революция, 14 июля 1789 г.

Зачем? — Чтобы взять Бастилию, освободить заключенных, разрушить ее.

Что говорит? — Призывы, лозунги о свободе.

Как выражает мысль? — Страстно, афористично, образно, зажигательно.

Результат? — Бастилия взята, монархия низвергнута, 14 июля стало национальным праздником Франции (с 1880 г.).

Эти примеры демонстрируют полный цикл риторического действия.

В начале 90-х годов XX в. в России явственно прозвучала тема «языка власти», уже упомянутая в предыдущей главе данной книги. Эта разновидность политических речей имеет место не только при тоталитарных режимах. Речи государственных деятелей, крупных руководителей в экономике, образовании и культуре, в так называемых «силовых структурах» всегда привлекают внимание широких кругов граждан, ибо в этих речах, передаваемых через СМИ, содержится жизненно важная информация. Эта информация, на первый взгляд, односторонняя, но она дает отзвук, обобщение которого составляет «обратную связь» в модели «власть — народ».

Риторическая характеристика этой разновидности политических выступлений такова: о них судят по степени полноты, «прозрачности» в отборе фактов, связей между ними и перспективами. Они воспринимаются слушателями, читателями неоднозначно, их понимание и оценка всегда дают существенный разбор (это все изучается и, в идеале, учитывается в дальнейших решениях). В наши дни формируется совокупность средств языка, подчас назойливо повторяемых: *консенсус* (конец 80-х годов), *легитимный*, *властный* (в смысле «обладающий властью»), *глобальный* и даже *глобализация*, *информация*, *информированный*, *правовое государство* и пр. Наблюдается интенсивная тенденция усложнения этой разновидности речи.

Сегодня всеобщее внимание привлекают парламентские дебаты как школа демократии. Не следует забывать, что они были известны еще в Новгородском вече, Земских соборах в Москве, в парламентах Франции и Великобритании. Несмотря на накал страстей, это наиболее регламентированная форма политической риторики, где, в основном, соблюдаются не только нормы этики, но и принятые среди образованных людей правила культуры языка (см.: Культура парламентской речи. — М., 1994). Известны имена парламентариев-ораторов А. Линкольна, У. Черчилля, Ф. Родичева, Ж. Жореса.

Однако на первых этапах русского парламентаризма 90-х годов, когда дебаты транслировались по радио, телеканалам, миллионы слушателей были шокированы низкой культурой речи их избранников. Это, несомненно, следствие парламентаризма в России, когда подлинных дискуссий на заседаниях Верховного Совета СССР не было: бесконечные панегирики властям, отчеты о «достижениях» и т. п. К тому же и риторика была изгнана из образовательных систем. Именно тогда родился афоризм: «Почему Клинтон говорит так складно?» Так была озаглавлена статья в «Известиях». Ответ на вопрос очень прост: независимо от личного обаяния, в США учат и хорошей речи, и умению держаться в обществе, и логике, развивают произносительный аппарат человека.

Еще одна разновидность политического красноречия — риторика революций (которых было так много в XIX—XX вв.). Они выдвинули немало подлинно одаренных ораторов: Че Гевара, Дж. Гарibaldi. Причины этого: глубокая убежденность лидеров движения в правоте своего дела, необходимость привлечения людей, их убеждения, высокий эмоциональный подъем, воодушевление, готовность к жертве, провозглашение борьбы за свободу и счастье людей, всего народа. К сожалению, это не исключало жестокостей, а в некоторых случаях — революции приводили и к массовым казням, гражданским войнам.

Как же это могло произойти? Революционная ораторика накалена страстями до предела, она приводит в возбуждение огромные массы людей. Приходит момент, когда исчезает сдерживающий дискуссионный фактор, нарастают элементы императива, стремление к единовластию, непримиримость к свободной мысли, к свободному слову.

Слово — это оружие, подчас самое сильное и страшное. И оно очень часто и легко становится неподконтрольным.

Реальный опыт показывает, что в политических ситуациях все средства хороши, их оправдывают обещаниями будущего блага. Можно назвать некоторые приемы, используемые, например, в такой демократической процедуре, как выборы, предвыборная кампания.

Необоснованные обещания успехов, которых, якобы, сумеет добиться будущий депутат, приукрашивание личности кандидата, его прошлых заслуг, опорочивание конкурентов, вплоть до доносов и компромата, создание помех для конкурирующей стороны, например помех в получении эфирного времени, сокрытие недостатков своего кандидата, ошибок своей партии. Эти и подобные приемы находятся за рамками закона, но нарушители, как правило, остаются безнаказанными.

В политическом красноречии обычно отмечается соблюдение языковой нормы, а нередко — и использование средств изобразительности, афоризмов. Факты нарушения культуры речи подвергаются осмеянию, критике. Используются также средства «наглядной агитации», лозунги, плакаты, транспаранты, портреты, разная символика, а также музыка, кинофильмы. Все это требует немалых денег. Речи политических ораторов нередко издаются и переиздаются в виде брошюр, книг и даже многотомных сборников, сохраняются для потомков.

17. Речь дипломата

В сущности, дипломатия — это тоже политика, но внешняя. Это деятельность государственных служащих, дипломатов, послов, аппаратов посольств, консульств, а также торговых, культурных, туристических представительств. Дипломатические функции выполняют и члены правительств, руководители крупных ведомств, партий, фирм, образовательных учреждений — всех тех, кому приходится иметь сношения с иностранными государствами.

Естественно, что в дипломатии соблюдаются многочисленные требования, которые в меньшей степени относятся к другим областям речи.

Во-первых, речи дипломата отличаются высоким чувством достоинства, ведь он представляет свою страну, имеющую и традиции, и авторитет, а часто и экономическую или военную мощь.

Дипломат умеет также оказывать высокое почтение и своим собеседникам, также представляющим свою страну с ее традициями и амбициями.

Без соблюдения сказанного речи дипломатов вряд ли дадут желаемый результат, взаимные интересы не будут соблюдены, договоренности не достигнуты.

Успешному контакту содействует также соблюдение установленного, обычно — традиционного, этикета и церемониала.

Во-вторых, речь дипломата должна отражать его высокую образованность — не только общую, но и отличное владение несколькими языками, глубокие познания в истории, культуре, географии, экономике, литературе — мировой и особенно той страны, с которой ведутся переговоры.

В-третьих, дипломат должен обладать быстрыми реакциями, понимать намек, ценить чужое остроумие и быть гибким, остроумным самому. Владея культурой речи не только на уровне норм литературного языка, он добьется успеха остроумием, изяществом, выразительностью своих речей.

Даже малый промах, неточность, противоречие в речи дипломата — это закат его карьеры.

Нужна дипломату и тонкая проницательность в роли не только говорящего, но и слушающего: уловить реакции своего собеседника, разгадать намеки и скрытую мысль, как бы второй план говорящих.

Наконец, дипломату нужна твердость (не только логика — она может и не сработать в сложных ситуациях) своей позиции в защите интересов своей страны.

Кстати, все эти требования могут оказаться полезными не только профессиональному дипломату, но и путешественнику, коммерсанту, туристу, артисту и другим представителям культуры, работникам транспорта — воздушного, морского, железнодорожного.

Известно, что многие русские писатели были профессиональными дипломатами (или дипломаты — писателями): А. С. Грибоедов, А. М. Горчаков, А. Д. Кантемир, Ф. И. Тютчев, И. М. Майский.

Качества дипломата как говорящего и пишущего лица, несомненно, нужны каждому.

18. Академическое красноречие

Это одно из древнейших полей языкового поиска — высокое мастерство общения с учениками. Это Сократ, Платон, Аристотель, а в России XIX—XX вв. — С. Соловьев, В. Ключевский, Н. Бердяев, В. Виноградов, К. Тимирязев, А. Лосев, С. Лихачев и многие другие. Как педагоги эти признанные мыслители и ученые

формировали и оттачивали мастерство учебных диалогов, дискуссий, эвристических бесед на лекциях в университетах; на публичных выступлениях. Основные принципы, которыми они руководствовались: научная глубина излагаемого материала, точность, логика (обоснованность, доказательность, поиск истины), знание и учет адресата, умение устанавливать контакт с аудиторией, находить уровень доступности, интереса, мотивации, достигать отведённого развивающего эффекта.

Университетский профессор дает образцы культуры мышления, он ведет за собой студентов. Суть университетского образования не только в новизне излагаемого, но и в реализации методов исследования. Профессор будит мысль студентов, стимулирует их способности и одаренность, зажигает стремления.

Среди опытных профессионалов была проведена анкета с единственным вопросом: что им запомнилось из студенческих лет? На первом месте оказалось живое общение с профессором, светлая зависть его эрудиции, горению, успехам. На втором месте — собственные поиски, споры, написание и защита диплома.

Разновидностью академического мастерства является педагогическое общение — в школе, в семье. Главное в таком общении — создание атмосферы близости, доверия, благоприятного эмоционального климата, артистизм учителя, воспитателя, устраняющий психологические барьеры. Однако учитель все же планирует свои действия по этапам: моделирование предстоящего общения; его организация и исполнение намеченного — с возможными вариантами, «управление» ходом общения; контрольно-оценочный этап — для себя, разумеется. Учителю, воспитателю необходимо безусловно, безупречно владеть собой и языком, механизмами речи, оперативно ориентироваться в меняющихся условиях, не упускать основную цель, видеть перед собой не объект воздействия, а живую, более того, — животрепещущую личность. Не подавить ее, а помочь!

19. Военное красноречие

Этот вид красноречия смыкается, с одной стороны, с политическим, ибо политика и дипломатия предшествуют войне, с другой — с речью юридической, деловой, даже канцелярской. Последняя — в формулировках приказов, уставов, иной документации: все это оказывает значительное влияние на речь военнослужащих.

Военная тематика и стиль героического эпоса имеют богатую историю: это «Илиада» Гомера, «Сказание о Сигурде», «Песнь о Роланде», «Слово о полку Игореве». В Афинах прославился военный оратор Перикл — стратег (главнокомандующий). Свообразная риторика сложилась в Спарте: спартанцы ценили лаконизм и

издевались над пространными речами афинян. Например, мать провожала сына на войну словами: «Вернись со щитом — или на на щите». Изречение Ликурга: «Надежнее, когда город окружен не кирпичами, а воинами (защитниками)». Афористична была речь Александра Македонского — ученика Аристотеля. Прославленным оратором (и писателем) был император Юлий Цезарь, в России — Петр Великий, Александр Суворов. Изречения Суворова были метки, афористичны, легко запоминались солдатами. Шутка, знание солдатского языка творили чудеса, Суворов был любимцем русской армии. Известна надгробная надпись Г. Р. Державина на могиле великого полководца: «Здесь лежит Суворов».

Но речевое мастерство русских офицеров — не только в боевых призывах: чуть ли не половина русской классики создана ими, это: М. Ю. Лермонтов, А. А. Фет, Л. Н. Толстой, Д. В. Давыдов, В. В. Вересаев, А. И. Куприн, Н. С. Гумилев, М. А. Булгаков, А. И. Солженицын. Военная мемуаристика представлена именами Г. К. Жукова, А. И. Деникина, немецких генералов Типпельскирха, Гудериана. Ведь военные были потомственными, имели прекрасное образование, так же хорошо знали языки, как и дипломаты (о политиках этого не скажешь).

Специфика профессии военного — это строгая дисциплина, высокая организованность, четкость во всем, как правило, крепкое здоровье, требовательность к себе и подчиненным, быстрота реакций. Все эти качества военного находят свое отражение и в военных повествованиях, призывах и командах, которые рождаются в экстремальных условиях, в процессе обучения солдат, при составлении военной документации.

Войны без потерь не бывает, и командиру части выпадает горькая доля писать письма солдатским матерям. Плохо, если эти письма формальны, стандартны. Великое горе для родителей — потерять сына, в этой ситуации командир, офицер находит слова, идущие от сердца, продиктованные мужеством и человечностью.

К сожалению, книги по военной риторике выходят крайне редко. Вот одна из них, еще хранящая в себе отзвуки Отечественной войны 1812 г.: Толмачев Я. В. Военное красноречие (СПб., 1825).

20. Духовно-нравственное слово

Во второй главе этой книги уже говорилось о гомилетике и ее роли в истории риторики. Здесь речь пойдет об особенностях русского духовного красноречия, связанного с православными традициями.

Сам русский язык, по верному наблюдению А. С. Шишкова, автора «Рассуждения о красноречии Священного писания» (1810), формировался под содержательным, нравственным и стилисти-

ческим влиянием вечной книги — Библии, и особенно — Евангелия, псалмов, молитв, литургических текстов. Русь, Россия (в отличие от большинства европейских государств, где языком религии была латынь) не знала такого периода, когда бы язык церковных книг и богослужения не был бы родным языком верующих. Церковно-славянский язык, несмотря на наличие признаков старины — славянского алфавита, некоторого количества устаревших слов и особенностей произношения — был понятен русским людям и по своей близости к современному русскому, и по церковной службе, и по учебникам школ вплоть до начала XX в. В большинстве «книг для чтения» — литературных хрестоматий — имели место разделы до 50 страниц, напечатанные по-церковнославянски. В школах использовалась сравнительно-историческая методика, разработанная Ф. И. Буслаевым в 1844 г.

В XX в. все это стало невозможным и вряд ли будет восстановлено; мало осталось людей, знающих церковно-славянский язык, кроме духовенства. Их речь, даже в светских ситуациях, и поныне отличается своеобразием манеры говорить, произношением, отчасти — лексикой и фразеологией. В речи же светских языкопользователей славянизмы сочетались с народно-поэтическими элементами, стилем пословиц, старинных песен, былин, отчасти — литературы XVIII — начала XIX вв.

Отметим особенности духовно-нравственной речи:

- речь неторопливая, без крикливых тонов, размеренная, ритмичная, лишенная эмоциональных взрывов, рассудительная, реже — поучительная;
- отлично отработанная дикция, с неподчеркнутой, умеренной артикуляцией звуков речи, едва заметной склонностью к северно-русскому оканью;
- сравнительно частое цитирование хорошо известных в народе библеизмов, крылатых слов из Евангелия и других христианских книг, причем эти цитаты, как правило, органически вплетаются в авторский текст говорящего;
- синтаксис речи четкий, размеры предложений не слишком велики, обычно округлены, интонационно завершены.

Очень высоки требования культуры речи, соблюдения нормы, она ориентирована на светские критерии, но в отдельных случаях используются специфические формы, например обращение *братья и сестры* — не *сёстры*.

В духовных, богословских учебных заведениях уделяется серьезное внимание постановке голоса, пению, интонациям, тембру, «полетности» голоса, заучиванию на память огромного количества текстов и их выразительному чтению, а также готовности памяти в определенный момент «подать» нужные крылатые слова.

Духовной среды не коснулся кризис риторики, ее запреты в XX в., как и вторжение заокеанских модных рекомендаций типа

«языка телодвижений», теории «стремления к власти», ориентировки на фактор бессознательного и осовремененные приемы эристики.

Церковнославянизмы в речи светских людей создают окраску высокого, торжественного, одухотворенного стиля, что особенно заметно в поэзии, прекрасный пример которой — «Пророк» А. С. Пушкина:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влячился,
И шестикрылый серафим*
На перепутьи мне явился.
Перстами, легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал.
И Бога глас ко мне воззвал:
«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Здесь славянизмы: *влячился, персты, зеницы, отверзлись, горний, прозябанье, десница, отверстая, глагол* — в значении «слово, речь». Грамматические (и фонетические) славянизмы: *внял я неба содроганье, гад морских, жало мудрыя змеи, Бога глас ко мне воззвал, виждь и внемли*. Такие звенящие, чеканные строки, разумеется, оказывают сильнейшее воздействие и на речь людей, и на жизнь самого языка.

* Серафим — ангел высшего чина, огненный.

Ценности языка сохраняются в старинных переводах Евангелия и в текстах, принадлежащих современному проповеднику: «Истина есть Сам Господь. Христос сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоанн. 14, 6). «Истина есть святое Евангелие. Истина должна быть законом человеческого бытия. Так у настоящего христианина: мысли, слова, дела — все едино... Если ты лжешь человеку, то ты обязательно, по привычке, будешь лгать и Богу. Молитва твоя рассыпается, словно построена она на песке» (Архимандрит Рафаил (Карелин). Проповеди. — М., 1997. — С. 104).

Нравственное красноречие светского назначения обогащает людей духовно, пополняет богатства фразеологии и афористики. Вот несколько изречений из книги «Цветник духовный» (СПб., 1903): «Наблюдай за собою строго в произносимых тобою словах, чтобы после не расквашиваться»; «Не позволяй твоему языку опережать твоей мысли»; «Лучше учиться, ежели, не зная, учить». Одна лишь молитва «Отче наш» обогатила нас удивительными по силе речениями: *хлеб наш насущный, да святится имя Твое, не введи нас во искушение, и остави нам долги наши.*

Лучше мудрость, не словами блистающая, но свидетельствующая делами.

Особое место в духовной жизни верующих принадлежит исповеди, т. е. таинству, к которому вряд ли применимо слово *красноречие*. Исповедь — это самораскрытие, раскаяние, покаяние, самоочищение через правдивое признание в злых поступках, мыслях, намерениях. Это школа правдивости, искренности, нравственного очищения и личности, и всего общества.

Значительна роль молитвы в нравственной, духовной жизни человека, даже если он не очень силен в вере. Тексты молитв складывались тысячелетиями, в них прекрасные слова и много мудрости. Они обращены к Богу и наиболее почитаемым святым, но их содержание и исполнение укрепляют силу духа людей. В молитве люди находят утешение в горе, страданиях. Молитва бывает и не по канонизированному тексту, верующий слагает ее сам, т. е. обращается к Богу: «Господи, дай мне силу перенести мое горе, и укрепи меня. Прости и помилуй».

21. Деловая речь

Хотя производственные, торговые и иные деловые отношения имели место и в прошлом, но соответствующие им формы общения — от случайных контактов до сложнейших споров между фирмами, концернами — получили развитие лишь в последние 3—4 столетия, особенно в последние десятилетия.

Кто они, носители быстро формирующейся системы общения? Как правило, это люди энергичные, способные принимать быстрые решения, имеющие опыт управления и общения. Но в начале

90-х годов высказывалось мнение о недостатках их образования и общей культуры. Однако во второй половине 90-х годов положение изменилось, теперь имеются сведения, что директора банков промышленных предприятий всерьез изучают языки (включая русский), историю искусств, философию и риторику. Многие занимаются политикой. Важно также, что эти люди интересуются мастерством общения.

Деловая речь преобладает также в деятельности государственных служащих министерств, муниципалитетов и департаментов.

Эти категории людей тяготеют к информационным аспектам речи, теории и практике речевой коммуникации, на первый план выдвигаются следующие тезисы.

1. Интересы дела, логика, юридическая обоснованность, корректность, полное отсутствие сантиментов.

2. Слушающий, партнер в деловых отношениях, — это объект речи (устной, письменной), от которого зависит успех дела, и он должен ощущать удовлетворение.

3. Говорящий как инициатор общения должен держать нить разговора в своих руках, не уступать ее партнеру.

4. Если слушателей несколько, говорящий должен знать позиции каждого и свою речь направлять не только всем, но и каждому.

5. Говорящий не должен забывать, что в паре «говорящий — слушающий» он находится в невыгодном положении, «самораскрываясь» перед слушающим. Говорящий вынужден идти на риск в своем «самораскрытии», а слушающий имеет возможность взвесить свое дальнейшее поведение.

6. В то же время слушающий, анализируя речь говорящего, должен решить такие задачи:

а) чему можно верить, чему — нельзя;

б) есть ли в речи говорящего второй план смысла, если есть — в чем он состоит;

в) какие из предложенных условий ему выгодны или хотя бы приемлемы для него, как инициатор переговоров, т. е. говорящий, к нему относится.

7. Оба участника переговоров должны успеть четко выделить информацию в речи друг друга, оценить ее с точки зрения новизны, достоверности, перспектив использования, вероятной эффективности этого использования. Причем все перечисленные задачи (а также другие) должны быть решены в условиях острого дефицита времени и в сопровождении вежливых улыбок и этикетных речений.

Все это требует знания психологии человека, менеджмента, маркетинга, рекламы, теории управления, аналитических умений и прогнозирования. Неслучайно в деловом мире находят себе место специалисты — аналитики, референты, диагностики, адвокаты, статистики и даже детективы.

Обычно в деловом общении могут быть выделены этапы — предварительный, ориентировочный, аналитический, конструктивный, прогностический, юридический, этап итогового взвешивания и, наконец, принятия решения, подписания акта (контракта, договора). Все эти условия, естественно, находят отражение и в языке.

Устные деловые переговоры, как правило, стенографируются или записываются на магнитную ленту.

Характеристики делового текста:

- а) четкая целевая установка;
- б) четкое определение предмета обсуждения;
- в) указание участников делового контакта, даты, часа и места;
- г) соблюдение юридических норм; точное знание законов, их соотносительности, непротиворечивости;
- д) однозначность терминов и формулировок;
- е) отказ от аллегорий, метафор, изобразительных средств, которые могут привести к неточному пониманию текстов, соблюдение норм литературного языка, официально-делового стиля.

Как видим, провозглашаемое ныне информационное общество, возможно, наиболее полно отражается в этой области речевого мастерства. И компьютер как важнейший инструмент информационного мира находит в деловой риторике самое широкое применение.

22. Судебные дискуссии

Пожалуй, о мастерстве судебных ораторов написано больше, чем о других видах красноречия: Аристотель, Гораций, Кант, Достоевский, Кони, Лев Толстой в «Живом трупе», «Воскресении». Эта область деятельности людей всегда вторгается в трагические судьбы, само право судить — на грани допустимого, здесь любое равнодушие бесчеловечно, а ложь и несправедливость — несмыслимый позор. Поэтому развитие судебной риторики есть и следствие, и орудие гуманности и демократии: неслучайно в России появилось так много прекрасных судебных ораторов во 2-й половине XIX в.: Ф. Н. Плевако, П. С. Пороховщиков, К. К. Арсеньев, К. Л. Луцкий (см.: Судебное красноречие русских юристов прошлого. — М., 1992). В эти годы успех судебного красноречия определялся построением самой процедуры судопроизводства, родившейся еще в Афинах, — это две стороны процесса: суд протекает как дискуссия сторон обвиняющей и защищающей под председательством независимого судьи.

Решение суда опирается не только на дискуссию, но и на показания свидетелей, признания обвиняемых, но высокая культура, нравственное благородство, знание жизни и психологии, наконец, человеческое обаяние самих юристов во многом определя-

ют справедливость. Сошлемся на авторитет К. А. Арсеньева, автора книги «Русское судебное красноречие»:

Наша задача исполнена, если нам удалось показать характеристические черты русского судебного красноречия. Главную его силу составляет простота — та самая простота, которую запечатлены лучшие произведения русской литературы. Русский судебный оратор... не становится на ходули, не гонится за эффектами, невысоко ценит громкие трескучие фразы. Он больше беседует, чем декламирует и вещает, обращается больше к здравому смыслу, чем к фантазии присяжных... Он никогда не говорит только для публики... (Русская риторика: Хрестоматия / Сост. Л. К. Граудина. — М., 1996. — С. 380).

Ход судебного разбирательства привлекает многих, и не праздное любопытство здесь главная причина. Судебный процесс — своеобразная школа жизни, справедливости, культуры, мышления и языка, школа высочайшей ответственности, ведь от мастерства и внутреннего чувства справедливости юриста зависят судьбы людей. Лучшие ораторы всегда выступали против усложненной речи на суде, особенно против употребления специальных иноязычных терминов — типа *ингредиент*, *феномен*, которые часто непонятны подсудимому.

Судебная практика требует высокой точности терминов и даже обычных разговорных слов, не допускает смешивания паронимов: необходимо отличать *зачинщика* от *подстрекателя*, не смешивать *премию с вознаграждением* или *заработком*, *кровотечение с кровоизлиянием*, *аффект с эффектом*.

Русские судебные ораторы обращались не только к разуму, но и к чувствам присяжных и судей: советовали даже не скупиться на метафоры. Так, Сергеев (П. С. Пороховщиков) приводит пример из Цицерона: «рассудок говорит — закон требует»; «моя речь начинает сесть»; «когда надо молчать — ты кричишь, когда следует говорить — ты молчишь».

Но судебные речи не ограничиваются только дискуссией сторон. Сам судебный процесс — это лишь видимая часть айсберга, т. е. следствия, которое иногда длится годами. И строится оно тоже на текстах, составляющих десятки томов: это протоколы допросов, свидетельские показания, материалы прессы, письма, личные записи, а бывают и запрещенные средства, например перлюстрация писем и подслушивание телефонных разговоров. Процесс общения следователя с подозреваемым чрезвычайно сложен и поучителен, неслучайно это общение не раз становилось предметом художественного исследования в лучших произведениях мировой литературы, например в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

Вообще ситуации, связанные с нарушениями правовых и нравственных норм, через речи, внешние и внутренние, возможно,

ярче всего обнажают обычно скрываемый мир самых темных и самых светлых побуждений человека. И его суд над самим собой происходит в форме беспощадного внутреннего диалога. Но об этом в следующей части.

23. Мысленные монологи и диалоги

Традиционная риторика никогда не включала внутреннюю речь в круг своих понятий, особенно — собственно ораторских. И здесь она не обозначена как вид красноречия.

Но мысленный этап подготовки высказывания всегда был в поле ее внимания. Мысль и слово — неразделимы. К формированию мысли привлекались законы и правила логики, их системы разрабатывались с высокой тщательностью, эта сторона риторического действия ничуть не устарела.

Современная же риторика расширяет свою сферу, распространяет ее практически на все виды речи, включая и внутреннюю, мысленную.

И сразу становится ясно, что здесь одной лишь логики недостаточно.

Внутренняя речь тоже имеет свои виды, они функциональны, их критерием служит степень осознанности и управляемости/неуправляемости.

Отметим следующие виды внутренней речи.

Вид	Признаки
1. Мысленная подготовка предстоящего высказывания	Происходит постепенная вербализация речевого намерения (интенции) вплоть до соблюдения норм культуры речи (даже орфографии)
2. Тихое чтение «про себя» (когнитивная функция — познавательная)	Внимание сосредоточено на понимании и усвоении содержания, запоминании; значителен оценочный подход
3. Мысленное решение задач разной степени сложности, а также мысленное конструирование (графическое, вербальное и пр.)	В центре — логика; может сопровождаться записями, чертежами, т. е. внешней, графической формой речи
4. Воспоминания и размышления со значительной долей элементов образного мышления	Управляемость невысокая; мысль бывает аморфна, языковые формы беспорядочны, даже тематика неустойчива

5. Созидательная, творческая деятельность; имеет огромное количество вариантов, комбинаций. Планирование своей деятельности (регулятивная функция)	При всем разнообразии вариантов осознанность и управляемость высоки. Целеустремленность, высокая активность, а иногда — высокий уровень эмоций, увлеченность, даже вдохновение. Выбор языковых форм
6. Внутренний диалог, обычно спор с реальным лицом или литературным героем	Высокая степень осознанности, увлеченность, иногда — эмоции высокого накала. Достаточно высокая языковая оформленность, вплоть до выбора языковых средств
7. Внутренний диалог с самим собой, самоанализ, комплекс неполноценности, муки совести, обращение к Богу, иногда в итоге душевное облегчение, но бывает и суровый приговор	Высокий уровень внутреннего, духовного напряжения, эмоциональный накал, четкая мысль, нострой речи, языковые формы обычно не осознаются

Внешняя речь в жизни человека редко занимает больше 3—4 часов в сутки. Лишь некоторые профессии требуют большего. Но в мире внутренней речи человек живет все остальное время, кроме глубокого сна.

Из вышеназванных семи видов внутренней речи лишь первый всегда был предметом риторики или других образовательных систем. Можно отметить также отчасти тихое чтение, решение задач, планирование. Неориторика делает попытки управления некоторыми видами в отдельных ситуациях (кроме 7-го, разумеется).

Люди бывают говорливые и молчаливые, интроверты и экстраверты. Если судить только по внешним высказываниям, то замкнутый, немногословный человек интеллектуально неполноценен, но жизнь не подтверждает такого вывода. Скорее наоборот: болтливость сродни глупости, беспринципности.

Возможно, что развивающая сила речи, языка, текстов может обходиться без озвучивания и графической записи, хотя бы для самого субъекта. Если это предположение справедливо хотя бы отчасти, то риторические правила и фигуры не будут лишними в самовоспитании. Именно в этой сфере, наиболее драгоценной для индивида, совершается самое ценное в человеке: акты самопознания, самосознания, самооценки, саморегуляции.

Это область духовного мира человека, подчас сокровенной нравственной деятельности, как правило, недоступной для других людей, но жизненно важной для самого субъекта.

Мир этот необычайно богат и мало познан: сознание, интеллект, разум, память, чутье языка — языковая способность, речь, воображение, интуиция, тревожность, необъятный мир эмоций — это мир ценностных ориентаций личности и нравственности, мир веры, убеждений, любви...

Есть области, которые неподвластны самому субъекту, — мир бессознательного: интуиция, тревожность, антиципация, или предвосхищение, в какой-то степени — воображение и творчество.

Во внутренней жизни человека, во всяком случае — в некоторых видах, наблюдается раздвоение своего «я»: оно очевидно во внутреннем споре с самим собой, менее заметно при чтении и переживании прочитанного, в ситуациях выбора, колебаний.

Кроме того, есть относительная свобода этих внутренних монологов и особенно диалогов — и во времени («меня никто и ничто не торопит»), и в отношении возможных неудач и ошибок («меня никто не осудит, кроме меня самого»). Эта свобода создает для субъекта условия недостижимой во внешней речи глубины творчества: именно во внутреннем диалоге совершаются решения самых трудных и ответственных задач, делаются изобретения и открытия, порождаются новые идеи.

24. Бытовое общение

Платон и Аристотель уделили существенное внимание дружеской беседе как предмету риторики. Аристотель считал наличие хорошего друга главным компонентом счастья: беседа облагораживает людей, обогащает их, приносит радость. Но житейское общение далеко не исчерпывается беседами друзей. Это деловые переговоры, застольные речи, праздничное веселье, нравственно-назидательные советы и требования в семье, шутки, остроумные рассказы и парадоксы, литературные, научные, политические споры и интимные объяснения, светские этикетные турниры в антракте...

Все это — элементы культуры, и каждый человек должен владеть ими и для самоутверждения, и для удовольствия, а нередко — и с прагматическими целями.

В XX в. сфера влияния риторической теории и практики расширилась, ее цель теперь определяется как поиск оптимального алгоритма эффективного общения в современном обществе (см.: Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики — М., 1991). В это определение, несомненно, включаются разнообразные формы бытовых речей.

Несмотря на разнообразие, удастся выделить некоторые общие особенности в этой области, не свойственные или малоупотребительные в других.

1. Эти речи чаще всего спонтанны, неподготовленны, отражают сиюминутные настроения, чувства, порывы. В них отчетливо выражается индивидуальность каждого субъекта. В этих ситуациях говорящий часто сожалеет о сказанном, о своей поспешности.

2. Здесь господствует диалог и часто бывает полилог как общение нескольких собеседников или даже многих. Внутренняя связность устного текста очень высока, отдельные реплики могут оказаться непонятными вне текста. Здесь в высокой степени применим термин *ситуативная речь*.

3. Эмоциональный уровень в бытовом общении также может быть высок, в диапазоне от восторженного до злобного, что может привести к сквернословию и оскорблениям.

4. Здесь огромную роль играют невербальные средства общения, паралингвистические коды, весь тот «поток жизни», который учитывается в анализе дискурса. По этой же причине уместны умолчания, намеки, аллюзии, ссылки на события, которые известны только собеседникам.

5. Соблюдение литературной нормы наблюдается не всегда, стили — от литературно-разговорного с элементами патетики до разговорно-бытового с элементами просторечия, диалектизмами, арготизмами.

В общем бытовой речи часто бывает свойствен ролевой характер общения и даже артистизм, раскованность.

6. Наконец о жанрах. В других видах речи (кроме внутреннего диалога) довольно четко выделяются жанры, типы документов и пр., что позволяет применять понятие «законы жанра». В бытовой речи эта возможность ослаблена, роль стандартов здесь понижена. Лишь в отдельных ситуациях возможно говорить в жанре анекдота, выступить с панегириком и т. п. В трактовке речевых жанров часто бывает нужна сдержанность.

Разговорная, бытовая речь представляет собой пространство активного применения правил культуры речи.

Бытовое общение, на первый взгляд, дело частное, однако нельзя отрицать его социальной природы: она выражается в личных контактах не только в семье, но и за ее пределами. Бытовое общение мельчайшими нитями связывает, цементирует общество, оно формирует у каждого человека черты коммуникабельности, развивает гибкость языкопользования, чувство юмора, выразительность речи, умение непринужденно держаться в обществе, смягчать напряженность в отношениях, уступать во имя мира и дружбы.

Область бытовой речи и ее языковых средств пока мало изучена: в сущности, все языкознание построено на материале литературных текстов, преимущественно письменных, где своеобразие индивидуальности, поиск новых средств выражения в большой мере сняты.

Лишь в последние десятилетия стали появляться исследования в области разговорной лексики, разговорного синтаксиса, фонетики, невербальных средств разговорной речи. Значительное место бытовому общению принадлежит в трудах психолингвистов, социолингвистов. Отдельные исследования расценивают языковые средства бытового общения как самостоятельный феномен, противопоставленный литературному языку, но чаще они рассматриваются как разновидность общенародного русского языка. Исследователи в этой области: О. Б. Сиротинина, Е. А. Земская, Ю. М. Скребнев.

Глава 6. РИТОРИКА И КУЛЬТУРА РЕЧИ

25. Общее понятие о речи и ее культуре

Термин *речь* вопреки понятиям терминоведения имеет не одно, а три значения.

Первое — речь как деятельность, процесс, например *механизмы речи, речевая деятельность, потеря речи в результате травмы*.

Второе значение — речь как продукт или текст (написанный, устный), например *грамматический строй речи, записи речи ребенка пяти лет*.

Третье значение — ораторский жанр: *речь адвоката на судебном процессе, самая краткая речь Цицерона*.

Термин *культура речи* может быть применен к любому из этих трех случаев, но по-разному.

В первом случае под культурой речи будет подразумеваться свободное и безошибочное владение произносительными механизмами, готовность памяти, обеспечивающая моментальный и точный выбор нужного слова, отсутствие дефектов произношения, развитие речевого дыхания и голоса, богатая и послушная логическим законам мыслительная основа речи и т. п. Требования этой группы лишь косвенно связаны с системой и средствами языка и потому, как правило, не рассматриваются лингвистами — авторами книг по культуре русской речи.

Во втором случае значение термина *культура речи* обращено к выбору и использованию средств языка — фонетических, лексических, грамматических связей в предложении и в компоненте текста. Здесь можно говорить о «культуре языка, точнее — языкового выбора» (ср. нем. Sprachpflege, польск. Kultura języka) (см.: Винокур Г. О. Культура языка. — М., 1930). Обратимся к определению, которое дает один из ведущих специалистов в этой области: культура речи — это «раздел языкознания, исследующий проблемы нормализации с целью совершенствования языка как орудия культуры» (Скворцов Л. И. Культура речи // ЛЭС. — М.,

1990. — С. 247). Здесь, правда, обойден молчанием **выбор** языковых средств, без которого не может обойтись теория речи и риторики, но об этом позже.

В третьем случае культуру ораторской речи можно понимать как соблюдение законов жанра, разрешение поставленных в речи проблем (вплоть до умения оратора держаться перед публикой) и т. п. качества.

Термин *культура речи* в среде непрофессионалов, т. е. рядовых членов общества (языкового коллектива), понимается в широком смысле слова: субъект не делает речевых ошибок (на письме — орфографических), говорит свободно и понятно, иногда — выразительно и красиво, владеет голосом и интонациями, соблюдает вежливость, этикет. Создается своеобразный речевой портрет человека образованного, носителя русского языка (или иного). Кстати, владение иностранными языками обогащает портрет языковой личности. Сами филологи — лингвисты, хорошо владеющие литературным языком, воздерживаются от менторства и неуместных замечаний собеседнику, они проявляют толерантность, ибо знают, как много в языке колебаний, вариантов, как изменяются самые строгие нормы, насколько велики амплитуды колебаний в произношении, в семантике. «Живой как жизнь» (Н. В. Гоголь), язык постоянно обновляется, в речевой стихии возникают новые слова и новые значения старых слов, новые структуры, даже новые аффиксы, заимствуются иноязычные формы. Так, в последние десять лет в русский язык вошли англицизмы (*компьютер, дилер, транш, киллер, клип*); очень трудно поддается упорядочиванию стихия образования аббревиатур (их создают и вводят в тексты чиновники, коммерсанты); это же можно сказать и о сложных словах типа *кредитор-нерезидент*; о словах со сравнительно новыми префиксами *ре-* или *пост-* (*реструктуризация, постперестроечный*); о составных названиях типа «Акционерный коммерческий банк», «Общество ограниченной ответственности «Квант» и тысяче подобных; о названиях жителей городов и регионов («житель Приморского края» — «приморец или приморчанин», «житель Якутска», «житель города Улан-Удэ»). Неупорядоченность подобных конструкций создает немало трудностей юристам, составляющим коммерческие документы, и, пожалуй, работникам радио и телевидения, которые должны соблюдать не только графическую форму, но и произношение, ударение. Для работников печати и радио издаются справочники, словари; их немало, но они очень быстро устаревают.

В России традиционно даже среди малообразованного населения красноречие, остроумие ценились очень высоко: пословицы, поговорки, прибаутки, индивидуальное словотворчество. В собрании В. И. Даля «Пословицы русского народа» (30 000 единиц) более 400 пословиц на тему «Язык и речь»: *Во многословии не без*

пустословия; Язык блудлив, что коза; Умей сказать, умей и смолчать; Сказал, что отрубил; Красно поле пшеном, а беседа умом; Лучшие ногою запнуться, чем языком. Основные нравственные критерии речи в народном понимании: не спеши говорить, в речи главное — мысль; не скупись на добрые слова; не говори, что попало, — лучше смолчать. Народ осуждает неправду, клевету, сплетни. О внешней красоте речи — не без иронии, но с уважением — о мудром слове, о грамотности (своеобразное понимание культуры речи). Сегодняшние поправки в основном прагматичны: ценится точность, ясность (понятность) речи, остроумие, знание иностранных языков, общительность (коммуникабельность), быстрота реакции. В образованном обществе ценятся образность, приведение литературных цитат, фразеология. Сильны влияния «деловой» речи — явление, которое К. И. Чуковский назвал *канцеляритом*. Вот его примеры: в Ялте был магазинчик «Палки», туда заглядывал Корней Иванович. Но в очередной приезд он увидел над дверью новую вывеску: «Палочные изделия». Еще пример: в Москве, в сквере пожилой человек подходит к плачущей трехлетней девочке: *Девочка, ты по какому вопросу плачешь?*

По речи судят о культурном уровне личности и всего общества. Ведь в речевых, языковых формах во все века выражались грани культуры человека. Даже наука в основном формулируется (во многом — и формируется) в речи, вся сфера образования тоже вербальна. Вербализм принято критиковать, но нельзя отбросить тот факт, что речевое оформление знания есть лучшая форма развивающего обучения. Жесткие, веками отшлифованные языковые конструкции накладываются на аморфную, формирующуюся мысль и упорядочивают ее.

Чрезвычайно разрослись структуры массовой коммуникации — средства массовой информации, их роль в жизни общества, в развитии культуры невозможно переоценить, и вся она совершается тоже в речи. Иными словами, говорить следует не только о культуре речи, но и о речевых формах культуры. Если общечеловеческую культуру подразделить на физическую (культуру тела), материальную (культуру производства) и духовную, то последняя почти вся покрывается речью в ее различных формах, знаковых системах. Составляющие внутреннего мира человека полностью или частично реализуются в речи: это интеллект как речевое, логическое мышление, мир эмоций, интуиция и воображение, мир ценностных ориентаций и нравственности, самоанализа и самооценки, наконец, вера — все это богатство и разнообразие связано с внешней и внутренней речью, ее культурой.

Но вернемся к более суженному толкованию понятия «культура речи», к ее языковым аспектам.

Успеху теории и практики культуры речи в XX в. способствовала ее принадлежность к семейству лингвистических наук. Она об-

рела теоретические основы, способствовала стабилизации норм литературного языка, созданию и использованию десятков типов словарей и справочников — от толковых словарей, в которых зафиксированы различные оттенки значений слов, их сочетаний, до словарей трудностей (а их десятки тысяч — трудностей, а не словарей).

26. Из истории культуры речи (Россия)

Исторический фактор очень силен в культуре речи. Формировались ее функции, накапливался опыт, возникали споры и дискуссии, языковой аспект культуры речи определялся **стабилизацией литературного языка**.

В ряде стран мусульманского мира долгие столетия литературным языком служил арабский, в странах Европы, например во Франции, — латынь.

Россия не знала такого периода, русский язык формировался на основе славянского, он признан языком литературы и образования в XVIII в., а так называемый современный русский литературный язык ведет свою историю от эпохи А. С. Пушкина. Действительно, несмотря на постоянное обновление, литературный язык той эпохи понятен нашим современникам и, в основном, служит образцом. Впрочем, сегодня можно услышать и другие мнения — в пользу новаторских преобразований.

Становление литературного языка породило понятия и правила **нормы**: в области произношения, словообразования, словоупотребления, формообразования (морфология), сочетания слов и их связи в предложении (систаксис). Ступени в этом долгом и сложном процессе: «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, «Словарь Академии Российской» в шести томах (1789—1794), исследования А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. В. Виноградова и др.

В XX в. наиболее важную роль в исследовании норм языка сыграли Г. О. Винокур, Л. В. Щерба, В. Г. Костомаров, Г. В. Степанов, К. С. Горбачевич и др.

Культура речи как отрасль языкознания имеет три уровня.

1. Практический уровень для всех и каждого носителя русского языка — владение нормами устного и письменного вариантов языка.

2. Умение использовать выразительные средства языка в различных ситуациях в соответствии с целями говорящего, умение выбрать стилистический ключ для ситуации, жанра речи, характера контакта.

Эстетический аспект культуры речи не менее важен, чем нормативный. Но если последний в случае нарушения норм получает отрицательную общественную и даже юридическую оценку, то

выразительность речи может вызвать либо похвалу и даже восторг, либо ироническую усмешку в случае неудачи, какой-либо нелепости, либо вздох сожаления, сочувствия.

3. Предположения научных решений на основе изучения литературных текстов о допустимости той или иной формы, того или иного значения слова и т. п.

Этот уровень позволяет привлечь статистику речепользования, выверить его соответствие законам языка, прогнозировать возможные последствия допущения той или иной единицы в число нормативных.

Это в какой-то мере защита языка. Во Франции, например, принят закон, согласно которому подвергается штрафу лицо, употребившее иностранное слово, если во французском языке есть эквивалент. У нас такого закона пока нет, но нередко высказывается тревога в связи с потоком английских слов, хлынувших в Россию. Но мы оптимисты, ибо русский язык в прошлом успешно перерабатывал все варваризмы, склонял и спрягал их по правилам русской грамматики. И кто теперь усомнится в том, что *лампа, линия, трактор* — вполне русские слова?

Еще одна особенность нормы: исторически она всегда опережала теорию, т. е. теоретическое обоснование, — срабатывает языковая интуиция, или языковое чутье, носителей языка. Особенно это заметно в стилистической норме, которая четко соблюдалась еще в Древней Руси, но теоретическое обоснование получила лишь в трудах В. В. Виноградова в XX в.

Язык стремится к статике, стабильности, постоянству, для него характерны центристские тенденции; речь же тяготеет к динамике, поиску новых форм и средств, для нее характерны центробежные тенденции. Образно говоря, речь — это резвый конь на воле, а языковая норма как наиболее строгая часть культуры речи — это крепкий повод и железная узда.

Но нельзя забывать, что «бедна у мира слова мастерская», поэтам не хватает слов, и не одним лишь поэтам. Это противоречие служит стимулом развития и обогащения языка. С одной стороны, культура речи нацелена на ее точность, правильность выражения мысли; с другой стороны — она препятствует этой цели, ибо речевые ситуации могут оказаться сложнее возможностей говорящего.

В таких условиях шла работа над правильностью и чистотой русской речи с сохранением славянских традиций, с опорой на величайшую ценность — литературу, от частушки и детской потешки до многотомных трудов типа «Войны и мира» Л. Н. Толстого или «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, поэтического наследия А. А. Блока.

Постепенно выкристаллизовывалась проблематика этого направления науки:

а) исследования закономерностей языка, его системы, семантики и выразительных возможностей;

б) исследования истории становления русского литературного языка, определение его норм;

в) изучение индивидуальных стилей мастеров слова — наиболее ценных писателей, ученых, ораторов;

г) исследование связей и взаимодействия культуры речи со стилистикой, или кодификация в языке и речи;

д) определение допустимых границ таких процессов, как проникновение в литературно-нормированную речь диалектных элементов, иноязычных слов, разговорно-бытовой и просторечной лексики, канцеляризмов и специальных, профессиональных, элементов и пр.

Нормы литературного языка не только устойчивы, но и изменчивы. «Речевой обычай» (узус) в произношении, манере говорить, начертании букв, выборе слов, сочетаемости и пр. позволяет с точностью до 2—3 десятилетий определять возраст документов, рукописей, писем (о такой способности В. В. Виноградова сохранились настоящие легенды).

Особенно чутки к историческим сменам этикетные речения (речевой этикет): приветствия, прощания, извинения, благодарности, обращения устные и в письмах. Так, в XVIII—XIX вв. следовало точно знать, к кому обратиться *ваша светлость*, к кому — *ваше высокопревосходительство*, к кому — просто *ваше превосходительство*, а к кому — *ваше высокоблагородие* в соответствии с «табелью о рангах».

Следы таких «геральдических» различий сохранились и в XX в.: это обращение *гражданин* и *товарищ*, употребление местоимений *ты* и *вы*, неудавшаяся попытка ввести в 90-е годы XX в. слова *сударь* и *сударыня* — красивые русские слова. Сложна система *ты* — *вы*, их оппозиция: *ты* — обращение либо грубое, порой презрительное, либо дружеское, родственное, интимное; *вы* — формально-вежливое и подлинно уважительное.

В становлении нормы все же решающая роль принадлежит общему мнению, давлению со стороны властей, административных чиновников или ученых — на втором месте. Бывают также дискуссии в прессе, на телевидении. В общественном мнении живое, остроумное слово, даже если оно не вполне подчинено норме, ценится очень высоко. Спорные вопросы культуры речи обычно привлекают внимание и даже вызывают ажиотаж, например в начале 2001 г. многих взволновали газетные публикации о реформе русского языка, так что вузовским профессорам и ученым-лингвистам пришлось выступить с разъяснениями (речь шла о некоторых уточнениях в правописании).

XX в. породил значительное количество как научных, так и популярных книг по культуре речи, нормам языка, практической

стилистике, анализу образцовых литературных текстов и по речевым ошибкам. К сожалению, авторы подчас основное внимание уделяют отрицательным приемам, разъяснениям того, что плохо, а не показу лучших образцов. Впрочем, наука о типичных ошибках, их диагностике, прогнозирование тоже необходимы (труды Н. Е. Сулименко, Н. А. Пленкина, С. Н. Цейтлин и др.).

27. Культура речи сквозь призму риторики

Языковой материал речи всегда занимал доминирующее место в риторике, ее важнейший раздел — элокуция смыкалась со стилистикой, поэтикой, грамматикой. Точный выбор слова, построение фразы, использование фигур и тропов, логика и четкость построения текста характерны как для ораторской речи, так и для научных трудов и античного мира, и европейского средневековья. Недаром изучение философских, исторических, риторических сочинений и художественной литературы составляло стержень классического образования в Европе, включая Россию.

Но риторика не ограничивалась формой языкового выражения содержания: она всегда была ориентирована на **ожидание адресата**.

Речь — всегда диалог, даже если ее адресат — лицо предполагаемое, некий «среднестатистический» читатель в виртуальном допущении писателя. Даже в тех случаях, когда сам автор не думает о своих читателях, пишет только для себя, его адресатом служит его второе «я».

Из чего же складывается речевое ожидание лица, воспринимающего речь? Допустим, что среди слушателей и читателей есть люди, полностью безразличные к содержанию речи, и ждущие от автора языковых шедевров, чаще всего это любители поэзии. Но составляют ли они большинство, если звучит не поэзия, а политическая речь, вузовская лекция, если перед читателем лежит юридический документ, если встретились друзья и просто обмениваются новостями?

Ведь случайно риторика всегда ставит на первое место содержание речи, его «изобретение», борется за истину, ждет фактов и аргументов, логических доказательств.

И если исходить из ожиданий адресата, его удовлетворит та речь, которая удовлетворит его ожидание; без этого он не признает воспринятую речь хорошей. Можно ли говорить о культуре речи, если она неактуальна, неинтересна, не нужна слушателю, неинформативна, не несет в себе мысли и нового?

Достоинством любой речи, любого текста, согласно риторическим традициям и здравому смыслу, служит в первую очередь **содержание**, и лишь во вторую — форма, точнее, — гармония формы и содержания. И эта гармония чаще всего безразлична к первенству: содержание ищет для себя форму или форма ищет

для себя содержания. К сожалению, в наш прагматический век большинство слушателей-адресатов больше озабочены содержанием. Вряд ли они удовлетворятся бессодержательной, хотя и красивой, речью, скажут: пустословие, одни риторические фразы. Однако напомним, что именно формализм привел к кризису риторики.

Теперь перейдем к форме: к композиции речевого произведения (т. е. к расположению материала), соблюдению законов жанра, типам речи — описанию, повествованию, рассуждению или контаминированному тексту. Обратимся к выбору средств языка, к введению средств его выразительности, построению текста, использованию невербальных, паралингвистических средств, созданию целостного текста или, пользуясь современными понятиями, — к дискурсу, или тексту в потоке жизни.

На все сказанное накладывается понятие «исполнения» (акцию) в устном или письменном вариантах. Известно, какое огромное значение риторика придает перечисленным компонентам **формы** речевого высказывания.

Риторика не может признать речь хорошей, если она плохо организована композиционно, неточно выбраны средства языка, если оратор не умеет держаться перед публикой, шепелявит и, начав фразу, не может ее закончить, неуместно жестикулирует, не владеет дикцией, интонациями, голосом и дыханием, во время речи не чувствует реакций зала.

И может ли быть речь признана хорошей, культурной, если автор не соблюдает требований этики речевого контакта, не уважает своего собеседника?

Нет кроме риторики такого кодекса требований ко всем сторонам речевого общения, и даже современные программы и пособия по культуре речи ограничиваются лишь языковыми нормами.

Уместно напомнить здесь и те семь символов, которые создают риторическую модель речевого акта:

1. Кто говорит? — знание личности говорящего поможет понять и оценить его возможности, спрогнозировать характер его действий.

2. Кому говорит? — об учете адресата уже было сказано: как он воспримет высказывание, как оценит его? Возможно, оно оскорбит его, вызовет уважение к говорящему.

3. При каких обстоятельствах? — оценка обстоятельств поможет и оценке речи.

4. Что говорит? — оценка содержания, его организации, структуры, позиции говорящего, пишущего.

5. Зачем? — какова цель, открытая или тайная, личная или общая.

6. Как выражает мысль? — оценка речевых умений, владения языком, невербальными средствами, стилями, нормами.

7. Наконец, каков результат речи? — если результат (обратная связь) имеет форму ответа, реплики в диалоге, то вся цепь оценок повторяется. Это один из тех алгоритмов общения, который упоминается в определении целей риторики.

28. Культура мысли. Логика речи

Можно ли говорить о культуре речи, не обращаясь к ее мысленной основе? Даже если предположить, что говорящий безусловно пользуется литературными нормами (что сомнительно), можно ли считать речь хорошей, если она алогична, в ней не соблюдаются основные законы и правила науки логики?

Логика, как и риторика, — одна из древнейших наук о человеке, она изучает законы и формы правильного мышления. Понятия «логика», «логичный» издавна стали синонимами рассудка, ума, естественных связей в мире и в мышлении. Логика служит инструментом познания, интеллекта и его развития. Так, Аристотель в своей «Логике» достиг еще в IV в. до н. э. такого уровня логических построений, которые доступны далеко не каждому современному оратору.

В старых риториках нормирование мысленной, логической, структуры содержания предстоящей речи называлось изобретением, не пустым фантазированием, а созиданием мыслительной основы, творчеством: первое суждение подготавливало, порождало последующее суждение или умозаключение, создавалась логическая цепь.

Сегодня мысленная основа речи формируется по тем же логическим законам, и, несмотря на отказ от изучения науки логики в средней школе и даже в высшей, логические законы и правила усваиваются людьми через изучаемые тексты по гуманитарным и, особенно, естественным предметам, через художественную литературу, публицистику и даже разговорную речь, ибо язык неотрывен от логики и логические конструкции лежат в основе предложений и, особенно, текста.

Язык соотносится с сознанием, речь — с мышлением, они неотрывны одно от другого.

Основные виды логики, используемые в построении речи:

формальная логика (изучает формы мышления — понятия, их определения, суждения, их соединения, умозаключения, силлогизмы, обобщения, выводы);

диалектическая логика (исследует мышление в его развитии, в противоречиях, доказательствах и опровержениях, дискуссиях, полемике, спорах, борьбе противоположностей);

математическая логика (выполняет те же функции, но с применением математического аппарата, обеспечивающего высокую точность и надежность в абстрактных построениях).

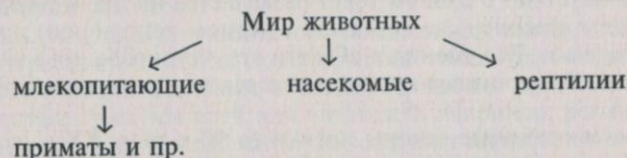
Термин *логика* используется также в бытовых ситуациях как обозначение связей и зависимостей явлений: например, *логика природы* как самая доступная и убедительная зависимость между объектами или процессами.

Законы и правила логики в речевом акте, а следовательно, и в риторике, призваны обеспечить правильность мыслительных и языковых конструкций, т.е. предложений, сверхфразовых построений, сложных синтаксических целых, компонентов текста, наконец, целого текста.

В этом смысле логика также есть средство культуры речи, ибо логика мышления соотносима по функции с языковой нормой. И та, и другая обеспечивают надежность интеллектуальных контактов между людьми, и у той, и у другой есть свои перечни и типологии ошибок, обычно допускаемых в практике общения.

В античной риторике придавалось большое значение *топики*, так названа одна из книг Аристотеля. Примеры *топов*, или «общих мест», наиболее употребительных в риторике:

а) род и вид, их субординация:

б) причины и следствия, оперирование ими;

в) признаки, свойства, качества, оперирование ими.

В XIX в. *топы* (*топики*, общие места) приобрели плохую репутацию, в ряду критикуемых средств риторики занимали первое место, в какой-то степени такое отношение сохранилось и поныне. Однако нельзя не признать, что, во-первых, без них не обойтись, во-вторых, они являются надежным инструментом логического обеспечения речи (см.: Михальская А. К. Основы риторики: мысль и слово. — М., 1996. — С. 10—11).

Логическое построение текста нуждается в фактах, достоверном материале, так или иначе добытом говорящим или пишущим.

Источники материала: общая образованность и культура субъекта, накапливающаяся годами, десятилетиями, собственный жизненный опыт. Первый — опосредованный опыт, первоначально накопленный другими людьми, второй — непосредственный, накопленный самим субъектом. Первый преобладает, это естественно; в речи, высказываниях, особенно в научных, политических, деловых текстах, официальных, публичных происходит объединение того и другого, отбор материала и его структурирование. В этом процессе руководящими критериями служат цели высказывания, позиция говорящего и логика, ее аппарат и механизмы.

Логический инструмент в построении высказывания — план: предварительный план схематичен — из 4—5 пунктов, в дальнейшем, по мере накопления материала и его структурирования, отбора, упорядочивания, план постепенно усложняется, в нем появляются подпункты. Планы бывают простые, сложные и микротемные, т. е. такие, дальнейшее дробление которых уже невозможно. План не только необходим, но и неизбежен: таково свойство человеческой психики, сознательной деятельности. Все, что конструирует, созидает человек, он первоначально моделирует, намечает в виде схемы, плана (этим он отличается, например, от пчелы, которая строит соты строго геометрически, но делает это инстинктивно, всегда одинаково — так о пчелах думают люди).

Не следует фетишизировать план: его функция — служебная, в произносимой речи или написанном тексте план обычно не воспроизводится. Но тот, кто говорит: «Я всегда пишу без плана», — ошибается, ибо мысленный план все же бывает; качество текста повышается, если плану было уделено достаточное внимание.

В соответствии с планом текст разделяется на главы, разделы, подразделы, наконец, на абзацы, а в устном исполнении прерывается паузами. Все умения в области структурирования мысли и речи тоже обеспечивают культуру авторского труда, культуру общения.

Назовем основные законы логики (в 90-е годы XX в. логика вернулась во многие гимназии, лицеи, высшие учебные заведения, поэтому здесь законы логики будут лишь слегка очерчены).

Закон тождества запрещает на протяжении рассуждения подменять понятия: любое понятие, обозначенное словом, на протяжении одного текста должно употребляться в одном и том же объеме значения.

Нарушение закона тождества — это ошибка (часто применяемая умышленно в эристике в качестве софизма), называется «подмена понятий».

Второй закон — непротиворечия: «невозможно что-либо вместе утверждать и отрицать» (Аристотель) о предмете.

Нарушение второго закона — незаметное, иногда по-иному сформулированное утверждение того, что ранее отрицалось в этом же тексте или в другом тексте того же автора (если автор переменил свою позицию, он должен публично признать это).

Третий закон — закон достаточного основания: каждая высказанная новая мысль должна быть доказана, обоснована другими суждениями, истинность которых доказана ранее, в соответствии с теми правилами доказательства, которые выработаны в логике. Наиболее частая ошибка — неполное доказательство, т. е. приведено мало аргументов и фактов или сами доказательства некорректны.

Еще несколько типичных логических ошибок:

а) неправильно указана причина какого-то явления: «после этого — значит, по причине этого»;

б) неоправданный пропуск (бывает умышленный пропуск) чего-то существенного;

в) соотнесение понятий или суждений разных уровней (*летом бывает жарко, а в апреле идут дожди*), логический парадокс;

г) ошибочные местоименные замены, создающие двоякий смысл;

д) от сказанного с условием — к сказанному безусловно; например сказано, что предмет обладает каким-то признаком лишь при температуре ниже 60 градусов, затем условие забывается и прежнее утверждение выдается за правильное, что неверно;

е) ложная аналогия, ложное противопоставление и пр.

Нарушением культуры речи принято считать и чрезмерные доказательства общеизвестных истин, и ложную новизну (говорящий говорит об известном, как о новом: *лошади кушают овес*), и назойливое повторение какого-либо утверждения, пусть даже разумного, и чрезмерную логичность речи в ситуациях легкого, шуточного разговора.

Наконец, следует сказать и об умышленных нарушениях логики в интересах композиции повествования: такие нарушения не только не считаются ошибкой, а, наоборот, высоко ценятся и вызывают интерес у слушателей или читателей: например, романист утаивает случай из молодости героя, создавая напряженный интерес читателя к загадочному поведению персонажа, или начинает повесть с итогового конфликта, итога жизни героя, и лишь после этого показывает его жизнь ретроспективно, что позволяет читателю глубже осмыслить жизненные ситуации и те решения героя, которые привели его к трагическому (или счастливому) итогу.

29. Автоматизм механизмов речи

Бывает, что говорящий или пишущий прекрасно знает правила и нормы литературного языка, неплохо выбирает слова, владеет орфографией и пунктуацией, но слушать его (да и читать) невозможно, причем не из-за технических помех, которые от него не зависят (посторонние шумы, другие отвлекающие факторы), а из-за субъективных причин. Он порождает их сам. Разрушается хорошо подготовленная речь, эффект общения не достигается.

Остановимся на некоторых свойствах личности, от развитости которых может зависеть результат речевого общения.

1. Активность в общении, речевая активность, коммуникабельность. Многое в становлении этих качеств языковой личности зависит от генотипа, условий жизни и воспитания. Но совершенно очевидно, что пассивность, как общая, так и речевая, не

поможет сформировать хорошего оратора да и остроумного, веселого собеседника, лидера в полилоге.

Активности противостоит вялость характера, боязнь неудач, замедленность реакций, отсутствие находчивости, «комплекс неполноценности», наконец. Общего закона здесь, по-видимому, нет, потому что и флегматики достигают успеха, становятся отличными работниками в областях, связанных с речью. И все же активному характеру легче во многих ситуациях.

2. Постановка голоса — это обычный учебный предмет в ряде вузов, например в театральных, иногда — в педагогических. Этот предмет включает в себя:

а) развитие речевого дыхания: его объема, ритмичности, умения владеть им, регулировать его. Главное в дыхании — его объем, измеряемый количеством слов, которые говорящий может произнести одним выдохом. Этот объем увеличивают с помощью упражнений: студент, достигший 10 слов на одном выдохе, увеличивает объем до 12, затем до 15 слов, до 20 и т. д.;

б) овладение разными степенями громкости голоса, темпом речи; обычный темп речи носителя русского языка — 120 слов в минуту (данные получены в 60-е годы XX в.). Для развития речевого голоса полезно пение;

в) развитие восприятия чужих голосов, а также их различения (голос человека индивидуален, по голосу узнают человека).

3. Развитие дикции. Это четкое произнесение звуков речи, степень отчетливости произнесения, правильная артикуляция звуков. Определенную роль в дикции играет осознание положений и движений органов речи при произношении звука. Хорошая дикция предполагает свободную подвижность органов речи: нижней челюсти, губ, языка, мягкого нёба, включение (напряжением) голосовых связок.

4. Овладение тембром голоса, интонациями, паузами. Это огромные области ритмико-мелодических нюансов звучащей речи, чередования понижений и повышений, интенсивности, окраски голоса, обертонов, эмоциональных окрасок. Паузы — смысловые, разделительные и особенно психологические — тоже участвуют в передаче не только смысла, но и эмоций: это интонации патетические и иронические, мажор и минор, радость и горе. Это тембр, окрашивающий голос эмоционально: робкий, дрожащий, с надрывом, крикливый, «струнный» (А. Блок о женском голосе), игривый, мрачный. Поскольку интонации и тембр передают не смысл речи, а эмоции, их трудно определить логически, им почти невозможно обучать. Трудно передать чувство, не пережив его (точнее — не переживая его).

Это богатство — артистизм. Но каждый человек интуитивно владеет тембром, интонациями, психологическими паузами, фразовыми и эмоциональными ударениями.

5. Овладение механизмами выбора слов и их грамматическими связями, т. е. семантико-грамматическим структурированием речи. Такое умение формируется в родном языке, начиная с первого года жизни, на уровне бессознательно, т. е. языковой интуиции — языкового чутья.

Если человек овладел этими механизмами, то он говорит свободно, легко, не спотыкаясь, закругляет фразу, разворачивает следующую. Такой автоматизм приходит лишь в результате многолетних тренировок, высокой речевой активности и обширных знаний.

Физиологические механизмы таких умений, автоматизма в науке мало изучены, но их результаты знает каждый. У людей, овладевших этой стороной культуры речи, невозможно заметить никакого напряжения, они направляют свои усилия не на поиск очередного слова, а на зрительный и эмоциональный контакт с аудиторией, обдумывание перспектив общения на следующих этапах.

Но бывает, что не срабатывает что-то в механизме, нарушается координация и начатое предложение прерывается, возникает пауза — не смысловая, психологическая, намеренная, а вынужденная, ненужная, и говорящий заполняет ее либо растерянным молчанием, либо так называемым «заполнителем»: мычанием ммм, эээ. Естественно, что контакт с аудиторией прерывается.

Есть, наконец, «язык молчания», т. е. язык телодвижений и их: жесты, позы, мимика, пантомимика, указания на предметы, которые видят слушатели, и пр. Есть и понятие культуры телодвижений — составной части общей манеры держаться корректно, с достоинством, в меру раскованно, просто и свободно.

Большая часть рассмотренных факторов относится к речи устной. Сущность же механизмов письма — в кодовом переходе с акустического кода на графический, или код фонем. В практике быстрого неозвученного письма, а это основной вид письма в современном мире, графемы соотносятся с фонемами. Но единицами перехода могут быть и значения, это идеографическое письмо, например древнеегипетские иероглифы или современные дорожные знаки. Буквенные алфавиты проще в усвоении и гибче в передаче текста, но неэкономны в техническом отношении.

Письмо как деятельность имеет две стороны. Первая — его практическая, т. е. соблюдение правил графики — обозначения звучащих единиц; и графика, и орфография относятся к числу языковых норм.

Вторая сторона процесса письма, его навык скорописи — это почерк: он индивидуален, по почерку узнают автора, точнее — писца. Скоропись и ее манера, т. е. почерк, должны выполнять функции передачи мысли; это значит, что почерк должен быть разборчив, понятен любому читателю. К сожалению, в жизни ча-

сто бывает не так, люди снисходительны к почерку, несмотря на то, что сами страдают, прочитывая текст неправильно.

Следовательно, неразборчивость письма — признак низкой культуры письменной речи и неуважение к читающему.

Глава 7. ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

30. Литературный язык

Отметим его признаки. Сам термин отражает его первый признак: это язык литературы на данном языке в ее признанных образцах. Это понятие историческое: нередко термин *литературный язык* дополняется словом *современный*, однако границы его современности размыты.

Во многих странах в качестве литературного языка был принят язык другой страны: латынь, арабский, испанский как более обработанные и полифункциональные. Эти языки использовались в художественной литературе, публицистике, печати, государственных органах, в образовании и т. д.

Второй признак литературного языка — его *нормированность*, общепринятость, научная обоснованность. В литературном языке сосредоточены наилучшие, по замыслу — оптимальные средства выражения мыслей и эмоций, обозначения понятий, он связан с деятельностью высокообразованных людей, авторов, в основном, письменных произведений. Формируясь в письменной сфере культуры, литературный язык оказывает нормализующее воздействие и на стихию устной речи, разговорную речь. Он является предметом исследований, научных обобщений, одновременно средством и содержанием образования, выполняет лидирующую функцию по отношению к различным стилистическим пластам языка. Немаловажное его свойство — адекватность другим языкам, соотнесенность с ними, что обеспечивает возможность перевода.

Особо нужно рассмотреть *отношение* литературного языка к диалектам как разновидностям языка: он определяется как наддиалектная форма, сами же диалекты не противопоставляются общенародному языку и даже охраняются традицией не только в среде их носителей, но и среди исследователей истории языка и тенденций его развития.

Понятие литературного языка распространяется на две его разновидности — книжную и разговорную, различия между ними в наши дни в связи с расширением средств информации и культуры существенно ослабевают; изменения происходят в книжных стилевых вариантах, что многими ценителями русского языка не одобряется.

В XX в. стабилизация литературного языка, его нормализация привели к разграничению стилей языка и стилей речи, а также к введению стилистической нормы в языке.

В языкопользовании, прагматике языка, как уже было отмечено, действуют центробежные тенденции (центром служит нормированный литературный язык), что означает появление новых форм, расшатывающих единую норму языка и на произносительном, и на лексическом, и на грамматическом, и на орфографическом уровнях. Центробежные тенденции мешают, препятствуют утверждению общенародного, общепонятного, нормированного языка, препятствуют основной функции языка — функции выражения мысли в единой знаковой системе, понятной всем членам языкового коллектива, т. е. народа. Такие тенденции опасны, потому что становление единого языка происходит в условиях дестабилизирующего влияния диалектов — территориальных и профессиональных, просторечия, жаргонов, а в странах многонациональных — влияния дву- и многоязычия. Так что необходимость твердых норм, строгих и обязательных, была ранее или позднее осознана как средство его защиты от разрушения.

В России нормированный литературный язык не оказался чужд и непонятен регионам вследствие того, что в его основу лег говор Москвы, т. е. той территории, на которой сталкивались севернорусские и южно-русские диалекты, отчасти восточные и западные тоже. Это центральное положение Москвы облегчает и нормирование, и усвоение нормы.

В образовании литературного русского языка, понятного и ныне, решающая роль отводится А. С. Пушкину, писавшему, что он русскому языку учился у «московских просвирен», хотя они и в то время не могли составлять большинства. По-видимому, сам Пушкин не осознавал подлинных влияний: «Он родился баловнем судьбы, ибо уже по рождению принадлежал к высшему культурному слою старинного русского дворянства, что он сам в себе знал и так высоко ценил» (Булгаков С. Н. Речь «Жребий Пушкина». — М., 1937). Далее Сергей Николаевич Булгаков писал: «Величайший русский поэт говорил и мыслил по-французски столь же легко, как и по-русски... Даром и без труда дана была ему эта приобщенность к Европе, как и лучшая по тому времени школа, столь трогательно любимый им Лицей... Он вступил на стезю жизни большого света, с ее пустотой и распушенностью, и спасла его от духовной гибели его светлая муза. Пушкину от природы, быть может, как печать его гения, дано было исключительное личное благородство» (Там же).

Влияние А. С. Пушкина на литературу Золотого века невозможно преувеличить, как и разноликость талантов: Гоголь и Тютчев, Гончаров и Тургенев, Достоевский и Толстой...

Судьбе русского литературного языка благоприятствовали и славынские традиции, вся история русской культуры. Норма чутко отражает социальные процессы, реагирует на потребности общества. Важный фактор развития литературной нормы — ее отношение к другим языкам: к французскому в XVIII—XIX вв., английскому в конце XX в., турецкому, немецкому, древнегреческому, латыни. Каналы взаимодействия языков — прямые контакты, наука, и особенно литература.

Влияние английского, вызывающее сегодня у многих тревогу (именно в отношении культуры речи), в конечном итоге, несомненно, приведет к обогащению русского.

Исторически сложилось так, что в русском литературном языке почти не ощущается влияние региональных вариантов, что ощущимо в других языках, например в английском — американский вариант, испанском — латиноамериканский. В русском можно отметить лишь некоторые частные примеры: это так называемое «петербургское» произношение (в основном XIX в.) и особенности русского языка парижской эмигрантской диаспоры (в настоящее время).

Норма литературного языка всегда немного консервативна, она с осторожностью принимает новшества, отражающие его развитие. Но иногда новации буквально вырываются в неторопливую жизнь нормы: таковы 90-е годы XX в.

В целом нормы литературного языка очень строги, особенно в книгопечатании; но все же степень их обязательности неодинакова: различают и м п е р а т и в н ы е, их нарушения расценивают почти юридически как признак невладения культурой речи, как грубые ошибки. Это нарушения парадигм склонения и спряжения, непонимание значения слова, почти вся орфография. Другие нарушения диспозитивные, не строго наказуемые: *в отпуску* (разг.) — *в отпуске* (нейтр.). Есть варианты ударений: *иначе* — *и́наче*, *фено́мен* — *фе́номён*; варианты морфологических форм: *Ложка дегтя в бочке меда* — *Ложка дегтю в бочке меда*. Однако варианты постепенно устраняются, унифицируются, особенно в правописании: так, до 1956 г. можно было писать *идти*, *ийти* и *итти*, теперь — только *идти*. Если варианты не вносят никаких различий в значения, их оттенки, в сочетаемость слов, их называют дублетами, и язык либо освобождается от них, либо дифференцирует значения.

За рамками нормы пока остаются многочисленные грамматические, лексические, стилистические варианты, которыми занимается практическая стилистика, их включают в справочники «Трудности русского языка». Примеры: формы склонения имен числительных и сочетания этих форм с именами существительными, числительные в составе сложных слов: *двусловное слово*, но *двухчасовая беседа* и многое другое; *около дедушкина дома* —

около дедушкиного дома; *два года моей жизни* *вычеркнуто* или *вычеркнуты*; обязательны ли формы склонения составных числительных типа 785 и многое другое.

Языковая норма охранительна, но в некоторых случаях снисходительна: окказиональные слова, в немалом количестве созданные поэтами И. Северянином, В. Маяковским, М. Цветаевой, нормой не стали, но и препятствий не встречали. Они доказали возможности создания новых слов.

31. Произношение. Орфоэпия. Просодия

В устной речи культурно-речевую функцию выполняет:

а) владение фонетикой русского литературного языка, ее законами, нормами произношения звуков речи в разных позициях фонем;

б) владение орфоэпической и акцентологической нормой;

в) владение просодическими средствами: интонациями — смысловыми и эмоциональными, ритмом, тембром голоса, фразовыми ударениями, паузами и пр.

Человек овладевает этими животрепещущими системами, опирающимися по преимуществу на интуицию — языковое чутье, в раннем детстве под влиянием речи, звучащей в семье. Основные фонетические средства усваиваются до 5 лет, но полная дифференциация звуков может задержаться до 8—9 лет. Ударение и орфоэпия усваиваются труднее, усвоение просодических средств зависит от эмоционального развития личности, они трудно поддаются кодификации, норме и определению. Например, можно ли говорить об эталоне сдержанности или, наоборот, развязности в речи? Между тем эти коннотации играют не последнюю роль в овладении культурой речи.

В условиях билингвизма серьезным нарушением произносительной нормы бывает а к ц е н т (например: *Он говорит по-русски свободно, но с сильным прибалтийским (или грузинским) акцентом*); это следствие интерференции родного языка, в отдельных случаях этот перенос навыка родного языка преодолеть не удастся.

Фонетика (42 фонемы) еще не обеспечивает произносительной культуры: нужно овладеть орфоэпией, которая обширна и опирается не столько на правила (в отличие от орфографии), сколько на традицию; сказанное относится и к словесным ударениям. Помочь в этом могут словари, например «Словарь трудностей русского произношения» М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной (М., 1997). В этой книге — наиболее полный свод правил русского произношения и выделены такие «тонкости», как трудные случаи твердости/мягкости согласных в разных позициях, произношение сочетаний согласных, разные случаи позиционных чередований гласных.

Орфоэпия в общем обеспечивает единообразие звукового оформления устной речи, охватывает реализацию фонем, ритмику (сегментацию) речевого потока и словесное ударение. Она реагирует и на исторические процессы: так, в XX в. усилилось влияние буквенного написания на произношение как результат всеобщей грамотности, школьного чтения.

Эталонном произношении до недавнего времени служила так называемая сценическая речь, однако в последние годы она все более подчиняется узуальным влияниям, утрачивает функции эталона. В то же время повышается роль телевидения, где выдвигаются телеведущие и обозреватели, дающие многомиллионной аудитории уроки культуры речи (Е. Киселев, Е. Андреева и многие другие).

Орфоэпия конца XX в. все более подчиняется системе и обоснованной норме: выделены разделы «Произношение согласных и гласных звуков», «Глухость — звонкость», «Твердость — мягкость», «Долгота — краткость», разграничиваются фонетические законы и орфоэпические правила. В качестве примеров здесь приводится оппозиция долгота — краткость.

Фонетические законы:

а) долгие согласные на конце слова теряют долготу: *кла[сс]ы* — *кла[с]*;

б) долгие согласные корня в позиции рядом с другими согласными перед суффиксом теряют свою долготу: *кла[сс]ы* — *кла[с]ный*.

Орфоэпические правила (один из примеров): на стыке суффиксов *-ист-* и *-ск-* могут произноситься звуки [сск] и [ск]: *альпини[сс]кий* и *альпини[с]кий*¹.

Пользоваться подобными правилами не всегда легко в повседневной речи, они предназначены для самоконтроля.

Многие слова или морфемы согласно традиции произносятся не так, как пишутся: *конечно* — [канэ́шно], *синего* — [сйн'ьво], *его* — [эвó].

Многие орфоэпемы находятся в переходной стадии: *до[жж']и* или *до[жд']и*. В подобных случаях могут помочь стихи, где рифма выявляет произношение:

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди?

(К. Симонов)

В то время молодой еще поэт произносил [джд́и] (рифма *дожди* — *к груди*), но старшее поколение говорило *до[жж']и*.

¹ См.: Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Словарь трудностей русского произношения. — М., 1997.

Здесь оказалось возможным представить орфоэпию лишь несколькими примерами; между тем в культуре речи она играет особую важную роль: ошибки замечаются сразу. И не прощаются...

Строго культура речи и к ударениям, несмотря на то что они в русском языке правилами не регулируются, ударение разноместно в отличие от многих других языков: в польском — на предпоследнем слоге, во французском — на последнем. Акцентологическую норму проверяют только по словарям. Все усваивается в практике аудирования и говорения, достигая автоматизма.

Просодия высоко ценилась в Древней Греции, она изучается в современных театральных учебных заведениях. Интонации, тембр голоса, фразовые ударения, паузы несут на себе смысловую нагрузку, которая может оказаться решающей: *Ну, ты умен!*, произнесенное с иронией, имеет противоположное значение. Быстрая речь передает волнение говорящего, громкое восклицание — это либо приказ, либо протест. Просодические средства, как правило, не нормативны. Но их богатая палитра свидетельствует о высокой культуре речи говорящего, тогда как монотонная, невыразительная, бесстрастная речь отнюдь не украшает оратора.

Просодические средства нуждаются в описательной характеристике.

Речевой поток делится на сегменты, разные по величине: это фразы, сложные синтаксические целые или сверхфразовые единства, эти конструкции разделяются различными типами пауз и имеют свою интонационную структуру.

Более мелкие сегменты — это синтагмы, фонетические слова, чередования ударений, наконец, слоговой состав слов.

Совокупность всех этих элементов создает ритмику речи, которая наиболее отчетлива в стихах, но она есть и в прозе; так создается гармония в противоположность «рубленой», отрывистой, негармоничной речи (в которой, впрочем, некоторые поэты улавливают своеобразную гармонию дисгармонии). Мелодика речи, повышения и понижения тона, ускорения и замедления темпа, вплетаясь в ритмику структур и сегментов, создают как бы музыкальный рисунок речи. Сегодня по разным причинам этой ритмикой и гармонией пренебрегают, но стоит вслушаться, вчитаться в звучание прозы И. С. Тургенева, М. М. Пришвина, В. В. Набокова да и многих других — и удастся уловить прелесть этой гармонии. А. С. Пушкин писал:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

Но перейдем от трудноуловимого к тому, что все же поддается кодификации: это смысловые интонации и интонационные конструкции (ИК-1 — ИК-7). Так, В. И. Чернышев выделил интона-

ции законченности и незаконченности мысли, вопроса и утверждения, выделительную, перечислительную, обобщающую, интонацию противопоставления и др. Эталоны произношения имеют собственные знаки препинания: двоеточие, тире. Еще более конкретны ИК, которые, начиная с 70-х годов, даются в учебниках фонетики. Покажем одну из них:

ИК-3 Анна **пьет** сок? → ↗ ↘
 Анна **пьет** сок? → → ↗

Перечни интонаций приведены в практической части данной книги, они соотнесены с коннотациями, видами тембра голоса и другими паралингвистическими средствами.

32. Лексическая норма. Точность выбора

Лексический запас языка огромен: судя по словарям, общепотребительная лексика русского языка насчитывает около 130 тысяч единиц плюс несколько десятков тысяч единиц значений за счет многозначности слов (оттенки значений здесь не учитываются, так как они зависят от текста). Эти подсчеты сделаны по 17-томному «Словарю современного русского литературного языка», но в нем нет научной терминологии (а это миллионы слов), профессиональной лексики, топонимики (географических названий), имен и фамилий и многого другого.

По очень осторожным подсчетам, в языковой памяти современного образованного человека хранится не менее 200 тысяч лексических единиц родного и изучаемых языков. Такое количество, с одной стороны, может обеспечить выбор слова, адекватного замыслу, с другой стороны, не так легко сделать этот выбор быстро, в условиях спонтанной речи, монолога и, особенно, диалога. На деле очень часто так и бывает, что выбирается и звучит не самое удачное слово, даже явно неудачное. И говорящий обвиняется в низкой культуре речи. В письменной речи обычно такого недостатка времени не бывает, но привычка подводит и пишущего.

Таким образом, первое правило культуры речи в области лексики — это выбор точных, оригинальных слов; нельзя повторять одни и те же. Последнее тоже нелегко, так как слова, употребленные один-два раза, становятся активными; по мнению И. П. Павлова, они индуцированы и тонус их выше. Оказывается, что знающий до 200 тысяч слов в своем активном словаре, как показали исследования, имеет всего 5 тысяч слов, а некоторые обходятся тремя: отсюда убогость и мысли, и речи.

Убежденность некоторых людей в том, что им не хватает слов для выражения их «богатых» мыслей, надо понимать так, что они плохо знают свои «кладовые», не умеют извлекать наилучшие слова из своей памяти.

И поэт, воскликнувший: *Как бедна у мира слова мастерская! Подходящее — откуда взять?* — прав лишь в том смысле, что действительно лексический фонд языка растет из потребности выражения мысли.

Второе требование — уместность слова, коммуникативная целесообразность выбора, его соответствие уровню и интересам адресата, а также соответствие стилю. Последнее — одна из самых частых ошибок. Не одно лишь прямое значение слова, но и эмоциональные окраски слов, их архаические или инновационные оттенки, профессиональная принадлежность должны быть предметом выбора.

Естественно, что в рамках второго требования отсекаются просторечные слова, жаргонизмы, диалектизмы, если их выбор не вызван третьим требованием — выразительностью, особенно в художественном произведении. Выразительность речи связана не только с выбором слова, эта сторона речевого мастерства включает и отбор материала, и композицию текста, и образность, использование фигур и тропов, фразеологии и афоризмов.

Коммуникативная целесообразность — это сравнительно новое понятие, это требование прагматично, направлено на достижение оптимального контакта и взаимопонимания, в сущности, риторической цели — убеждения, т. е. воздействия на собеседника. В современной лингвистике можно встретить термин *фактор адресата*: действительно, речь может достигнуть высшего уровня эффективности лишь в том случае, если она найдет наиболее полный отклик в сознании слушателя. Уровень помания, эмоции, направленность личности, ее ценностные ориентации, идеологическая позиция — все должно быть учтено говорящим.

Это достижимо лишь в тех случаях, когда собеседники знают друг друга, могут моделировать и прогнозировать результат. Как он меня поймет? И поймет ли? И какова будет реакция? Учет фактора адресата нужен в профессиях учителя, адвоката, лектора, дипломата, коммерсанта — любого, кто работает с людьми. В сущности, любой человек нуждается в умениях, связанных с фактором адресата, ибо и в быту с учетом этого фактора строится вся этика общения, уважение к собеседнику, элементарная вежливость.

В трудах по литературоведению, обычно в главах «Творческая лаборатория мастера слова», приводится много поучительных примеров того, как у автора стихов и прозы протекали «муки слова», как автор десятки раз менял эпитет, добиваясь предельной точности и выразительности. Вот слова Бориса Годунова: *Учись, мой сын: науки сокращают нам опыты быстротекущей жизни*. Поразительная емкость выражения, лаконизм, глубокая мудрость. Черновики многих великих мастеров слова сохранились и изучаются благодарными потомками. Впрочем, известно, что некоторые уни-

тожили свои черновики, например Ф. И. Тютчев. Это право личности...

Можно встретить сочетание **лексическая норма**: но ведь нет правил, моделей, парадигм, подобных грамматическим!

Что же понимать под лексической нормой?

Во-первых, это точная закреплённость семантики слова: одного или нескольких значений, первого, основного, значения, признанных переносных и фразеологически связанных значений. Эта закреплённость зафиксирована в академических толковых словарях (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1993—2000; Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой).

Во-вторых, это учет исторических процессов в лексике и семантике: слова и значения устаревают, появляются новые. Издание новых толковых словарей и переиздание старых неизбежно отстают от указанных процессов, и в отдельных случаях понятие лексической нормы размывается. Некоторую помощь оказывают словари типа «Новые слова и значения», словари иностранных слов, исторические и этимологические словари.

В отдельных случаях происходит как бы тотальная мена целых групп лексики, названий улиц, городов, а также возникновение огромного количества аббревиатур в 90-е годы XX в. Создается зона на какое-то время «неузаконенных» слов, сочетаний. Словарь языка — это вечно бушующий океан, в котором, тем не менее, каждый носитель языка должен чутко ориентироваться.

В-третьих, норму формируют лексико-семантические образования типа синонимических рядов, имеющих доминанту и целое семейство стилистически маркированных лексических вариантов; антонимов — точнее, антонимических пар; паронимов — «смешиваемых слов» типа *злиться* и *злобствовать*, *архаичный* и *архаический*; омонимов типа *мир* — «антоним войны» и *мир* — «синоним вселенной» и т.п.

Ориентироваться в этих областях нормы помогут опять-таки словари, например: Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. — М., 1978; 8-е изд. — М., 1995; Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. — М., 1978; 7-е изд. — М., 2001; и др.

Наиболее полно соблюдается норма в сочетаемости (валентности) слов и словообразований. Об этом будет сказано несколько подробнее.

Овладение нормами словоупотребления — процесс весьма длительный и сложный: надо знать теоретическую лексикологию и лексикографию, хоть в какой-то степени — историю русского языка, неплохо было бы знать 2—3 иностранных языка, ориентироваться в латыни и древнегреческом, знать русскую классическую литературу, научиться читать творение В. И. Даля «Словарь живо-

го великорусского языка» — самый востребованный словарь за 140 лет, его же «Пословицы русского народа».

Полезно знать диалектные словари, например «Словарь псковских говоров», жаргонные, например «Толковый словарь уголовных жаргонов» (М., 1991), словари личности: они, разумеется, не нормативны, но полезны для сравнения.

Сочетаемость слов

Каждое знаменательное слово обладает способностью соединяться, сочетаться не с любым другим словом, а лишь с некоторыми, образуя синтаксические структуры — словосочетания. Можно сказать *высокий, заслуженный авторитет*, но нельзя — «почетный авторитет», «дорогой авторитет». Говорят *занимать высокое положение*, но не «играть положение», зато можно *играть роль*. *Согласие можно дать или получить*, можно *изъявить согласие*, но нельзя «бросить» или «забыть согласие».

Словосочетания могут быть построены по способу согласования (*темный лес*), управления (*пошел в театр*) или примыкания (*повернул направо, громко закричал*). Эти три способа связи — грамматические.

Но сама сочетаемость традиционна и усваивается на основе речевой деятельности — аудирования, говорения, чтения и письма. Поэтому в родном языке ошибки в сочетаемости сравнительно редки, но иностранцу русскую сочетаемость усвоить трудно.

Сочетаемость слов в виде отдельных примеров дается в толковых словарях, но валентность каждого слова может исчисляться десятками случаев, вся эта система в обычные словари не помещается. Сравнительно недавно появились словари сочетаемости (например, под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина), они используются в учебных целях.

Изучаются также наиболее типичные ошибки, например на предложное и беспредложное управление: *избежать — чего? наказания, выговора, замечания, беды, неприятности, какой-либо участи, отправления куда-либо, болезни, смерти*. Соблюдение сочетаемости слов — важный элемент культуры речи.

Норма в словообразовании

В речи используются готовые слова, просуществовавшие, возможно, сотни лет. Казалось бы, рядовому носителю языка создавать новые слова не следовало бы, и нормы словообразования ему не нужны.

Но это не совсем верно по следующим причинам: во-первых, новые слова все же создаются, они рождаются в стихии речи (в узусе), и важно, чтобы они соответствовали моделям, традиционным для данного языка: *вертолетчик, спутниковый*; во-вторых, индивид все же имеет право на «окказиональные», разовые слова, не предназначенные для регулярного использования, и эти продукты словотворчества не должны быть уродцами; в-третьих,

для понимания не только новых, но и старых слов, ранее не встречавшихся слушающему, надо, чтобы последний узнавал их структурные модели.

Наконец, новые слова ведь могут создаваться не только морфемным способом, но и лексико-синтаксическим (новые значения старых слов), морфолого-семантическим (переход слова в другую часть речи: причастий — в прилагательные, прилагательных — в имена существительные, существительных с предлогом — в наречия и пр.) и способом аббревиации.

Последний способ трудно поддается контролю: огромное количество аббревиатур, т. е. сокращений типа, например, ОНИ — «окружная налоговая инспекция». Они затрудняют общение, так как чиновник, работающий в ОНИ и создавший этот продукт, искренне убежден, что это слово всем понятно, любой человек поймет эту абракадабру.

Злоупотребление аббревиатурами — дурной тон, крайность делового стиля речи. Ибо любой способ образования новых слов и значений должен быть регламентирован, тем более что процессы эти активны и подчас дают тонкие семантические различия. Приводим пример переходного случая:

<i>Мальчик, одетый по-зимнему</i>	причастие
<i>Одетые и неодетые мальчики</i>	
<i>толпились у входа</i>	прилагательные
<i>Пропускали только одетых,</i>	
<i>неодетые толпились у дверей</i>	существительные
Представляет интерес детское словотворчество:	
по модели:	не по модели:
Он «обманитель», «обманутель»	Он «врук»
«Уступливый»	
Соколишка («плохонький сокол»)	«соколюк»

Словотворчество распространено в шутилой, юмористической речи взрослых, разумеется, с чувством меры.

33. Грамматическая норма

Грамматика наиболее полно отражает систему парадигм и правил функционирования языка, поэтому любые нарушения грамматического строя в речи воспринимаются как грубейшее нарушение ее культуры, литературной нормы. Простейшие ее требования касаются точного соблюдения систем склонения имен, спряжения глаголов, построения словосочетаний, всего огромного разнообразия предложений — простых, сложных, осложненных, а также образования причастий и деепричастий, степеней сравнения прилагательных и пр. Это формальная сторона.

Как ни важна форма, но функциональный аспект и сложнее, и теснее связан с семантикой, выражением мысли. Культура речи состоит в неразрывном единстве этих двух подходов в грамматике.

В лингвистических исследованиях грамматике всегда уделялось первостепенное внимание: ее логико-смысловому фактору, формальному подходу, структуральному, коммуникативно-функциональному, семантическому. Естественно, что с позиций риторики и теории речи наиболее весом предпоследний, функциональный, и культура речи, ее уровень определяются по результатам коммуникативных актов, выражения мысли, ее богатству, гибкости в пределах нормы.

Грамматические механизмы усваиваются ребенком практически в возрасте от полутора до пяти лет: все, что в грамматике, морфемном составе слов закономерно, парадигматично, усваивается в практике аудирования и говорения, на основе аналогий форм и значений; все эти грамматические закономерности обычно не вызывают трудностей у детей. Но отклонения от закономерности, непродуктивные формы, исключения из правил — все то, что выходит за рамки системности, дается детям, да и взрослым, с большим трудом. И трагедия в том, что все эти нерегулярные явления утверждены нормой, они уже стали традиционными, нормативными как факты литературного языка. Все они должны быть заучены.

Приведем пример: продуктивный 1-й класс глагола имеет основы: инфинитив на *-а(ть)* — *бегать*, настоящее время на *-а[й]* — *бегает* (*-[й]ут*), непродуктивный класс: *пахать* — *пахут*, но говорящий имеет тенденцию строить личную форму по модели 1-го продуктивного класса, т. е. «пахают», *плакать* — *плакают* и тому подобные формы нарушают норму: это ошибка не такая уж редкая.

Школа затрачивает немало сил и времени на усвоение подобных нерегулярных явлений. Перечень таких «правильных неправильностей» очень велик, назовем некоторые из них — именно те, которые дают частые ошибки:

а) двоякие формы, например, множественного числа имен существительных: *килограмм баклажан* и *килограмм баклажанов*; краткая форма предпочтительнее;

б) колебания в роде имен существительных: *бакенбард* или *бакенбарда*;

в) колебания в суффиксах образований женского рода: *дояр* — *доярка* (здесь все ясно), но *овчар* —?; *костюмер* — *костюмерша*, но *преподаватель* — не «преподавательша», а *преподавательница*;

г) трудности в склонении фамилий или топонимов: *Жюль Верна* или *Жюль-Верна*? из *Бордо*, из *Оша* (?);

д) большие сложности с образованием падежных форм составных имен числительных типа 578: в текстах формы косвенных падежей, как правило, не употребляются, что в устной речи приво-

дит к массовым ошибкам (нужно: *к пятистам семидесяти восьми, пятьюстами семьдесятю восемью*). В «Практической стилистике» Д. Э. Розенталя зафиксировано более 600 грамматических ситуаций и соответствующих им правил, рекомендаций к выбору.

В синтаксисе простого и сложного предложений основные трудности у говорящего и пишущего связаны с цепями подчинительных связей в предложениях. Так, размер предложения в речи человека со средним образованием колеблется от 10 слов до 20, а отдельные предложения достигают 35 слов и более, но «упреждающий синтез» (термин Н. И. Жинкина) равен в оперативной речевой памяти 5—9 знаменательным словам. Иными словами, не только говорящий, но и пишущий, начав предложение, еще не может знать, как он его закончит. Предполагается, что говорящий и пишущий, начав предложение, уже имеют общую схему (сетку, матрицу) высказывания, но выбор слов и тем более связи между словами еще не намечены. Такой механизм синтаксического оформления речевого потока требует высокого уровня автоматизма и опережения, но если его недостает, то неизбежны грубейшие ошибки, нарушения правил синтаксиса и страдает общий рисунок речи: пропуски, повторы, поправки, неоправданные паузы, а иногда и возврат к началу текста ради новой попытки.

Трудности синтаксической нормы, приводящие к ошибкам:

а) словосочетания с глагольным управлением, предложным и беспредложным. Так, в сочетании *купил книгу* глагол *купил* требует, чтобы существительное *книга* было употреблено в винительном падеже; *купил в магазине* — в предложном падеже.

Примеры ошибок:

правильно	неправильно
<i>бояться простуды, грозы</i>	«бояться простуду», «грозу»
<i>касаться проводов,</i>	
<i>прикасаться к проводам</i>	«касаться к проводам»
<i>описывать что-то,</i>	
<i>писать о чем-то</i>	«описывать о чем-то»
<i>объяснять что-то</i>	«объяснять о чем-то»;

б) цепи родительных падежей допускаются лишь до 4-го звена, 5-е считается ошибкой, нарушением: *Исследование (чего?) употребления (1) глаголов (2) движения (3) в документах делового стиля (4) конца (5) XVIII века (6)...*;

в) тягостное впечатление производит однообразие синтаксических конструкций, обычно малых по размерам, а также цепи придаточных предложений, последовательно подчиненных, с одним и тем же союзом *что* или союзным словом *который* (случается до 3—4 придаточных);

г) чрезмерное влечение к обособленным конструкциям, особенно к причастным оборотам, также не кажется естественным,

особенно в бытовой речи (оттенок высокого стиля причастий отмечался еще в XVIII в., в какой-то мере он сохранился и теперь);

д) неизменно в пособиях по культуре речи осуждается современная тенденция к абстракциям, в частности к употреблению рядов отглагольных имен существительных с суффиксами *-ени[j]e*, *-ани[j]e*, *-ость* и *-ство*: *напряжение, плодоношение, философствование, нетерпеливость* и т. п.;

е) чрезмерное усложнение периодов, не всегда удобочитаемое в письменном тексте, нежелательно в устной речи;

ж) повторы слов, словосочетаний и типов предложений также не всегда украшают речь, хотя, впрочем, повторы используются и как риторические фигуры, особенно в поэтике: ритмические сегменты, рефрен, анафора и эпифора.

Таким образом, норма в морфологии и синтаксисе в значительной степени обеспечена правилами и моделями (парадигмами), в этом отношении она выгодно отличается от лексической нормы.

Нарушения нормы поддаются рубрикации:

а) нарушение правил, т. е. четко сформулированных требований;

б) неудачный выбор в многочисленных случаях неустойчивых форм, выбор, определяемый не столько формулой «можно/нельзя», сколько привычкой, чрезмерным доверием своему чутью;

в) употребление форм риска — форм, которых следует избегать, например дублеты: *чтят — чтут, стлать — стелить*; форм, лишенных смысла, например, 1-е лицо будущего времени от глагола *победить*, его просто не употребляют в русском языке; наконец, форм, понимаемых двусмысленно: «обессмерчивают», «обуславливают»;

г) недочеты, связанные с бедностью, однообразием речи индивида.

34. О стилистической норме

Учение о стилях возникло в Древней Греции примерно в одно время с поэтикой, просодией, риторикой (Деметрий, Дионисий Галикарнасский), выделялись стили высокий, средний и низкий. Стили связывались с родами и жанрами литературы — трагедией, комедией, сатирой, лирикой, ораторией, научными трактатами. В этом смысле стилистическая норма имела место и в эллинский, и в римский периоды, и в европейской традиции. По мере формирования риторики как науки и роста авторитета риторики в образовании укреплялась связь стилей с типами речи, текста, жанрами, ситуациями речи. В сущности, стили придворного этикета, канцелярских документов, оды или басни обладали весьма устойчивыми особенностями в лексике, в синтаксисе, фразеологии, а в устном исполнении и в интонациях, сопровождающих речь те-

подвижениях, костюмах, знаках отличия (все это тоже знаки, подобно словам или этикетным речениям), что, несомненно, может рассматриваться как стилистическая норма, не оформленная теоретически, а лишь опирающаяся на традицию и чутье языка.

Приводим пример из повести А. С. Пушкина «Дубровский»:

По учинении ж земским судом по сему прошению исследований открылось: что помянутый нынешний владелец спорного имени гвардии поручик Дубровский дал на месте дворянскому заседателю объяснение, что владеемое им ныне имение в означенном селце Кистеневке... душ с землею и угодиями, досталось ему по наследству после смерти отца его, артиллерии подпоручика... — и т.д.

Предложение, начало которого приведено выше, занимает более полутора страниц. Это образец канцелярского стиля, типичного языка судопроизводства, в наши дни еще более усложненного. Стиль пушкинского «Пророка» — образец возвышенной, одухотворенной речи; «Скребницей чистил я коня...» — стиль резко сниженный.

Естественно, что исследователи мастерства писателей, поэтов в сущности моделировали их индивидуальный стиль, создавали манеру, стилистический портрет. Действительно, по стилю можно узнать автора: Пушкина не спутаешь с Кольцовым, Достоевского — со Львом Толстым, Ахматову — с Маяковским, Солженицына с Платоновым, И. Бродского с Есениным. Следовательно, индивидуальный стиль — это тоже подобие нормы: норма не для всех, а для одного; норма не по принуждению — поэт не может иначе, это стиль его личности. (Любопытно, что даже пародисты не лишены индивидуальности: ср. пародии Сергея Васильева и Александра Иванова.)

Стиль — не только в языке; может быть охарактеризован стиль вокального исполнения, говорят о стиле в поведении человека, о стильной мебели, одежде и пр.

Факт индивидуального стиля неоспорим; но общество, как правило, проявляет интерес лишь к стилю выдающихся личностей, действительно определяющих свою эпоху.

В XX в. в связи с возрастанием информационной функции языка (как и вообще роли информации в жизни общества) и общей тенденции нормирования, алгоритмизации в технике, производстве произошло осознание необходимости более четкого нормирования и в стилистике. Трудность такого нормирования в том, что стилистика — это выбор средств языка, обладающих подчас тончайшими оттенками значений, экспрессивно-оценочными окрасками, едва уловимыми степенями архаичности. И сами типологии стилей не всегда обеспечивают их бесспорное разграничение.

В первой половине XX в., когда были осознаны и определены различия языка и речи, языкознания и речеведения, нужно было

ответить на вопрос, к какой же области принадлежит стилистика: к языку или к речи.

В середине XX в. В. В. Виноградов предложил такое разграничение: он выделил стилистику языка, которая изучает так называемые функциональные стили — разговорный, научно-деловой, официально-канцелярский, газетно-публицистический как наиболее стабильные, и стилистику речи, куда отнес стили жанров, стилистические особенности, определяемые индивидуальными характеристиками и социальными условиями, профессиональными, территориальными соображениями.

Наконец, он выделил стилистику художественной литературы как особое стилистическое пространство с его традиционными элементами и поисками новых, оригинальных средств выразительности, образностью; сюда же он отнес и стили литературных направлений и школ, в которых устанавливались свои, подчас жесткие, правила: классицизм, романтизм, реализм, символизм и пр.

Понятие языковой нормы, по В. В. Виноградову, применимо лишь к первой группе стилей: стилистически маркированные языковые средства закрепляются за функциональными стилями, это и есть жесткая стилистическая норма, нарушение которой расценивается как ошибка.

Лексика, фразеология, грамматические формы разделяются на стилистически окрашенные, т. е. стилистически дифференцированные, маркируемые особыми стилистическими пометами в толковых, синонимических и других словарях, и нейтральные, пригодные для употребления в любом стиле.

В индивидуальном языковом опыте эта маркировка закрепляется на уровне языковой интуиции; в затруднительных случаях говорящий и пишущий обращаются к словарям как к хранителям нормы.

В современных учебных курсах стилистики (функциональной) выделяются такие главы: «Стилистически окрашенная лексика», «Стилистические ресурсы фразеологии», «Стилистические ресурсы глагола», «Стилистические средства синтаксиса» и пр. (по М. Н. Кожиной).

В толковых словарях стилистическая принадлежность слов фиксируется следующими пометами: *высок.*, *офиц.*, *обиходно-разг.*, *книжн.*, *прост.* («просторечное»), *разг.*, *спец.* (термин), *устар.*, *грубо-прост.*, *обл.* («областное»), а также *ирон.*, *почтит.*, *презрит.*, *пренебр.*, *приподн.* («слово приподнятой речи»), *уважит.*, *уничиж.* и др. (см.: Словарь синонимов / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1974).

К стилям речи предъявляются менее жесткие требования, здесь осуществляются поиск и выбор в относительно свободном пространстве.

В системе стилей два полюса: на одном полюсе — строгая норма, нарушение которой приравнивается к ошибке; на другом — на первом месте реализация творческого замысла и лишь на втором — соображения языковой правильности.

Наибольшей свободой пользуется художественная литература, на лучшие произведения ориентируется и сама норма. Но в то же время писателю, даже еще не достигшему славы и высокого признания, всеобщим мнением разрешается в интересах художественного замысла и норму нарушать, и новые слова создавать, и вводить новые оттенки значений, и формировать свой индивидуальный стиль, но все это только в пределах художественного текста. Если ему нужно будет составить деловой документ, или написать статью в научный журнал, или выступить перед избирателями, или — тем более — читать лекции в университете, то придется подчиниться норме.

Приведем общую сводную схему взаимодействия стилей языка и речи:

Письменно-книжные	Устно-разговорные
Официально-деловой и канцелярский	Литературно-разговорный разговорно-бытовой
Публицистический	За рамками литературного языка:
Научные	Говоры, диалекты Просторечие Жаргоны, аргот
Художественная литература (беллетристический стиль)	Подстили: учебно-научный, научно-популярный, эпистолярный и пр.

Попробуем на примере официально-делового стиля дать штриховой «портрет», схему любого стиля. Тексты этого стиля насыщены информацией, иногда чрезвычайно ценной и даже секретной: это коммерческая документация, юридические акты, государственные законы, инструкции, уставы — вплоть до Конституции, дипломатическая переписка, акты, международные договоры. Лексика здесь: терминология юридическая, финансовая, техническая; специфические обороты речи, называемые в наши дни языковыми стандартами; синтаксис усложненный, текст четко разделен на параграфы; используются условные знаки; в некоторых типах документов — этикетные обращения, речения, слова высокого стиля; нередко используются иностранные языки — документы составляются на нескольких языках, переводы должны быть абсолютно идентичными. Никаких иносказаний, метафор, иных средств «украшения» речи быть не должно. Текст не должен допускать разных толкований, точность требуется абсолютная — не только в семантике языковых средств, но и в обозначениях места действия, времени, ссылках на источники, име-

нах ответственных лиц. Все это создает уровень культуры, отвечающий стандарту соответствующих документов.

Официально-деловой стиль применяется почти исключительно в письменном варианте; стандарты закладываются в компьютер; подстили: канцелярский, законодательный, дипломатический; дробление стилей нежелательно с точки зрения языкознания, но в реальной жизни имеет место. Лексика чутко отзывается на новые ситуации в официальном и деловом мире: *налогоплательщики, декларация, эмиссия, юридическое лицо — физическое лицо, патент, стандарты и стандартизации, мировое соглашение, коммерческий банк, транши* и многое другое.

Правящие круги неоднократно заявляли об идеале «правового государства», в этом отношении с точки зрения владения языком и культуры его прагматики уровень владения языком страны должен существенно возрасти, а сам официально-деловой стиль, язык официальных документов — усложниться, и усложнение уже заметно каждому, кому приходится им пользоваться, особенно в вариантах аудирования и чтения, сам же статус официально-делового варианта языка приближается к статусу «государственного языка» России.

Подведем некоторые итоги. Поскольку стилистика — это самый сложный, животрепещущий орган (уровень) языка, то и норма здесь наименее стабилизирована, находится в стадии становления. Однако имеется исторический опыт исключительно жесткого соблюдения «трех штилей» в общении «с высшими, равными и низшими» (Н. Кошанский) (XVIII — начало XIX вв. в России).

Влияние нормы может иметь и отрицательные последствия: представим себе говорящего или пишущего, не очень твердо разбирающегося в тонкостях русского языка. Ясно, что в затруднительных случаях он всегда будет выбирать оборот речи попроще, постандартнее, побезошибочнее.

Самая глубокая, тонкая, богатая открытиями и парадоксами область лингвистики — это стилистика.

Глава 8. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ

35. Единое пространство смежных наук

Риторика всегда, с одной стороны, пересекалась с философией, логикой, поэтикой, лингвистикой, а в наше время еще и с культурологией, семиотикой, социологией, теорией массовой коммуникации, психолингвистикой. С другой стороны, сама риторика использовалась в сфере смежных наук: так, в литературоведении поныне понятие «риторика» синонимично понятию «поэтика», «средства поэтического языка»; в современной журналистике оно синонимично «общим местам» и даже «фразерству»; в

теории эстетики мы встречаем понятие «риторика поступка» (М. М. Бахтин); особенно часто к риторике обращаются литературоведение, фольклористика. Время ученых-универсалов, как принято считать, давно миновало, но уместно вспомнить Аристотеля, Леонардо да Винчи, В. Гумбольдта, М. В. Ломоносова и нашего современника, лауреата Нобелевской премии Ж. Алферова — физика и блестящего оратора. Напомним и Квинтилиана, который был не только крупнейшим теоретиком риторики, но и педагогом, теоретиком поэтики, литературоведом. Риторика и ее практическая сторона — искусство красноречия не только упорядочивают мыслительную способность человека, пробуждают искры таланта, но и формируют многогранность личности, универсализм в творчестве (И. Е. Репин, А. П. Бородин и многие другие).

Применение риторического учения в жизни, так же как и литература, требует мастерства в создании и выборе средств выражения, мастерства элокуции в самых разнообразных условиях — от бытового общения до ораторского выступления.

Писатель потому и называется мастером слова, что создает высокие образцы, уходя в свои башни из слоновой кости; ситуация, в которой творит поэт, «не терпит суеты», ибо он творит прекрасное. Законодателем в мастерской слова всегда был поэт, иными словами, риторика уступает ведущую роль литературе в этой области. Но лидирующая роль литературы и поэтики не мешала авторам риторических книг включать поэтику под видом теории словесности, стилистических упражнений, элокуенции, фигур, тропов. С другой стороны, в литературоведении также дается термин *риторические фигуры*, в число которых включаются антитеза, вопросы и восклицания, градация, ирония, гипербола, уподобление, сравнения различных типов, периоды, разные виды повторов, обращения к читателю и слушателю, переименования — метонимии, идиомы — пословицы и поговорки и многое другое (см.: Квятковский А. Поэтический словарь. — М., 1959).

Нельзя не отметить, что термин *риторика* приобрел отрицательный оттенок значения именно в такой функции, как внешняя «украшенность», благопристойность, не затрагивающая глубоких идей: «Вместо мудрости — одна риторика». Впрочем, такой судьбы не избежала и сама литература в варианте «литературщина». Красивые фразы, злоупотребление фигурами, примелькавшимися образами, тропами, прочими банальностями как бы противостоят простоте, ясности и силе фактов, лаконизму, «набату слов» (по В. Маяковскому).

Говорящий и пишущий идут по острию ножа (это ведь тоже избитый образ, т. е. банальность), где роль Вергилия исполняет нравственное чувство, равно как и тончайшее чутье языка. И остается только надежда на снисходительность слушателей и читателей (или на их недалекость).

Как бы там ни было, но владеть инструментарием поэтики и риторики обязан каждый образованный человек. Автора может спасти только весомость его цели: он стремится не только к теоретической безупречности (или безупречности?) всей системы, но главным образом, к результату речи или книги — чтобы его

Не слушали,
слушали,
слышали,
услышали,
поняли,
приняли.

Неслушание,
слушание,
слышание,
услышание,
понимание.

Пусть автор предстанет перед собеседником, читателем как творческая личность, гражданин, носитель культуры, также и речевой.

В любой ситуации автор не должен забывать, что его оценивают, судят, пытаются понять: кто перед ними? Кто витийствует: простачок (что на душе, то и на языке) или серый волк? Впрочем, будем оптимистами. Но не будем забывать об артистизме: приходится все время менять свои роли. В обычных ситуациях эта мена происходит неосознанно, спонтанно, но в ситуациях общения, тем более — публичного, официального, — вполне осознанно. Роли бесчисленны: офицер, командир подразделения в условиях опасности; автор в период написания статьи — результата длительной работы; адвокат в судебном процессе; участник научной дискуссии — словом, один и тот же человек то строгий начальник, то остроумный собеседник за дружеским столом, то любящий отец семейства...

Каждому из нас следует поучиться артистизму, умению владеть собой, контролировать себя, доброжелательно реагировать на поведение собеседников. Рекомендуются почитать книги К. С. Станиславского, особенно — «Работа актера над собой», психологов, изучавших проблемы взаимодействия людей: А. А. Бодалева, А. Р. Лурии, Л. С. Выготского, лингвистов Р. Якобсона, Л. В. Щербы, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Потебни.

36. Собственно риторические средства

Выделение собственно риторических приемов, форм говорит лишь о том, что они, реально существуя, не вполне подходят под другие рубрики, а служат целям риторики. Отчасти они выполня-

ют и задачи стилистики: так, фигура, называемая периодом (примеры фигур разных типов даны в практической части данной книги), в силу своей сложности и размеров употребляется в рассуждениях, научном стиле, реже — в публицистике, художественной литературе — лишь в авторских раздумьях и в рассуждениях, даже в поэзии (мастером периода был М. Ю. Лермонтов — «Когда волнуется желтеющая нива...», заключительная часть стихотворения «На смерть поэта»). Период — это раскаты страстной ораторской речи, как бы волнами восходящие все выше и выше, они достигают вершины и разрешаются выводом, либо страстно обличительным:

Тогда напрасно вы прибегнете к злословью,
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоее всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь, —

либо умиротворяющим, создающим гармонию в душе:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.

Древние риторики делили речь на два вида: периодическую, т. е. построенную из усложненных предложений, и отрывистую, лапидарную.

Ритмика речи, симметрия конструкций также могут быть отнесены к риторическим средствам как отражающие общие закономерности гармонии мира. Русский эквивалент *гармонии* — «лад», лежавший (может быть лежащий) в основе народной эстетики, легко обнаруживается и в частушке, и в традиционных формах народной архитектуры (см.: Белов В. Лад: Очерки народной эстетики. — М., 1975).

Противопоставление добра и зла, порядочности и низости, подлости и силы духа, мощи и слабости, света и тьмы, искренности и лицемерия (антитеза) соответствует этим законам, обеспечивает размеренность композиции текста, сопоставление сюжетных линий и образов персонажей. Этим законам подчиняются и стили (высокий — низкий), и роды литературы (трагедия — комедия, поэзия — проза), и конструкции текста (простые и сложные предложения, цепная и параллельная связи), и типы речи...

Гармония формы, текста неразрывно связана с гармонией смысла.

Ритм есть организующее начало исполнения речевого произведения в акустическом коде. Даже на письме каллиграфия тоже подчиняется закону ритма: пишущая рука делает размеренные, ритмические движения. Этому же ритму подчинялись и составите-

ли так называемых прописей — образцов начертания письменных букв и их соединений (возможности ритмического письма — один из критериев новых предлагаемых прописей).

В произведениях литературы, как и в любых других творческих актах, даже малозначительных, присутствует и играет существенную роль доминанта как движение духа. Доминанту имеет каждый человек, она становится заметнее в зависимости от степени таланта, богатства и активности духовного мира человека, автора. По утверждениям психологов, доминанта имеет физиологическую основу, формируется в процессе жизни и находит отражение в поступках человека, особенно в произведениях его мыслительной и языковой способности как актах, с наибольшей полнотой связанных с внутренней, духовной жизнью личности.

Естественно, что изучение доминанты удобнее всего проводить на материале писателей, в творчестве которых она ярче прослеживается: Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, И. А. Бунина, А. А. Ахматовой.

По-видимому, трудность «доминантного анализа» творчества писателя определяется его сложностью: ведь понятие доминанты присутствует и в целостном мироощущении, мировосприятии, миропонимании, в устремленности личности.

Подчеркивая реальность доминанты как феномена, исследователи все же обращают внимание на ее связи с миром бессознательного: интуицией, тревожностью, эмоциональным миром, способностью предвосхищения (антиципацией), отчасти с воображением и творчеством. Человек (и это подтверждено многочисленными примерами) не может преодолеть самого себя и нередко поступает вопреки логике и даже во вред себе.

Нельзя не назвать в числе факторов, определяющих доминанту творчества, еще и нравственные чувства — от ценностных ориентаций личности до мук совести и суда над самим собой.

Доминанта как ведущий мотив определяет выбор фактов в речи, формирование сюжетов, создание общего эскиза (плана, схемы, матрицы), контура высказывания, намечает вершину — кульминацию, конфликт, проблемы, ожидающие разрешения.

В литературном процессе — это патетика, апофеоз — и сатира, гротеск, панегирики, дифирамбы — и филиппики, мажор и минор, ода и элегия; в жизни — беседа и диалог, ласка и брань, ругань, молитва, покаяние и проклятие.

Риторика знает десятки приемов и форм, целых систем. Например, медитативная речь: это раздумье — и про себя, и вслух, размышление, диалог с самим собой, исповедь... Этот вид речи — и в откровенных разговорах близких людей, и в лирической поэзии, и в монологах персонажей пьес (вспомним монолог Гамлета — «Быть или не быть?»). Примером медитативной лирики может служить поэма А. Т. Твардовского «За далью — даль».

Вариантом медитативной речи является обращение к тому, кого уже нет в живых, — а п о с т р о ф а; например, поэт Павел Антокольский обращается к сыну:

Прощай, мое солнце. Прощай, моя совесть.
Прощай, моя молодость, милый сыночек...
На веки веков восемнадцатилетний...

(Сын, 1942)

Апострофой называют и обращение к воображаемому персонажу или к слушателю и читателю. Это уже многочисленные варианты риторического обращения: к публике, к читателю, другу, к реальному лицу. Так, трактат Цицерона «О природе богов» начинается словами: «Как ты знаешь, Брут...».

Брут — друг Цицерона, консул, ему посвящен риторический трактат «Брут».

Наряду с обращениями риторическую функцию выполняют вопросы, не имеющие вопросительной цели и не требующие прямого ответа: *Куда ты несешься, Русь? Что делать? Кто виноват? Камо грядеши?*

Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?

Говорят, что русская литература — это литература вопросов без ответов.

Риторическими бывают и восклицания; палитра эмоций, выражаемых ими, необычайно богата: это и радость, и приказ, злоба, призыв и любовь.

Как видим, язык — это не только фонетика и грамматика, это неисчерпаемый источник мудрости, чувства и богатства.

Не только цельность и последовательность, но и их нарушения тоже служат риторике: в с т а в н ы е конструкции, «рассказы в рассказе», лирические отступления, пейзажные зарисовки, портреты (главным образом в монологах).

Затянувшийся монолог может быть оживлен диалогом (диалог — монологом), ораторская речь — авторскими отступлениями из собственного опыта жизни оратора, они способствуют контакту с аудиторией, доверительности (однако без назойливых излишеств).

В ораторской практике нередки диалоги с аудиторией: здесь требуется высокая коммуникабельность, граничащая с артистизмом (беспроигрышный прием!). Но есть и определенный риск: молодежная аудитория обычно не приемлет сентенций, особенно нравственных.

Заинтересовать собеседников, вызвать ответную реакцию у аудитории не просто: этому способствуют доброжелательность, сочувствие, сопереживание близких людей, шутка, остроумие, меткое

слово, увлекательная информация, любопытный факт, аллюзия, связывающая только двоих и непонятная другим... Причем очень важно, чтобы названные средства были естественны и собеседники не заподозрили натяжки.

Немалое значение имеют формулы этикета, простой вежливости: извинение, благодарность, приветствие, толерантность, терпимость к чужим мнениям, а также подлинная, естественная заинтересованность этими мнениями и той информацией, которую излагает вам собеседник. Взаимное доверие и внимание, конечно, не могут быть названы приемами, они вытекают из общности интересов, из уважения между собеседниками.

Есть люди — счастливые обладатели природного расположения к другим, с ними всегда интересно и даже весело, вокруг них собираются даже незнакомые люди, создается аура особой одухотворенности, передающейся всем участникам общения, возникает суггестия — способность внушения (лат. «дуновение ветра»).

Противостоят этому взаимопониманию скепсис, недоверие, сомнение, нередко окрашенное иронией и даже недоброжелательством.

Но и скепсис может быть стимулом здорового спора, дискуссии, хотя и разделяющей людей, но в то же время и сближающей их. Ведь нередко даже конфликт порождает взаимное уважение, а затем и дружбу. Наконец, то, чего следует остерегаться, избегать в общении — это фамильярность, особенно в официальных условиях, амикошонство (фр. «свинская дружба»); апломб — преувеличенная уверенность в своей правоте, знаниях; лицемерие, демагогия, цинизм; помпезность — чрезмерная торжественность.

Все перечисленное, несомненно, имеет прямое отношение к культуре речи, общения, хотя многое и выходит за рамки вербализма.

37. «Фигуры мысли»

Культура речи и культура мысли неразделимы, несмотря на то что мысль всегда опережает озвученную или написанную речь. Внутренняя, мысленная, речь находится на высшей ступени по отношению к произнесению или письму, она, в сущности, уже почти полностью вербализована, говорящему остается лишь ее озвучить (осуществить кодовый переход на акустические знаки) и проинтонировать.

Поэтому еще в древности возникло понятие «фигур мысли», иначе — логических фигур, операций. В риторике сплетаются и логика, и стилистика, и поэтика, и синтаксис, а в наши дни — еще и теория текста (лингвистика текста, синтаксис целого тек-

ста). К мысленным структурам и операциям наиболее применимы законы логики, а одно из важнейших требований к речи — это ее логичность, обоснованность, доказательность, непротиворечивость, отсутствие алогизмов, ошибок в построении мысли.

Основные мыслительные операции — анализ и синтез — чаще всего едины, но в исследовании, где требуется выделение частей изучаемого объекта, преобладает аналитическая деятельность мозга, а при конструировании, в частности при построении речи-текста, преобладает синтез.

Анализ в языке, в речевой деятельности применяется в аудировании как способ всестороннего понимания прослушанной речи, ее прямого значения, всех связей и оттенков значений, а также второго плана прослушанного высказывания, его скрытого смысла, возможных вариантов скрытого смысла, линий продолжения, развития сказанного (это относится и к чтению). Анализу подвергаются и языковые структуры — компоненты текста, предложения, состав слов и пр. с целью более точного понимания, а также в образовательных ситуациях.

В деловом мире анализу отношений, ситуаций в прогнозировании возможных перспектив развития событий придается огромное значение, и аналитики-эксперты ценятся превыше всех.

Аналитики способны научно определять причины изучаемых явлений, излагать полученные данные в языковых формах. Анализ служит основным методом и в научных поисках, и в дипломатии, и в познавательной деятельности.

Синтез — это построение целостных структур, в частности речевых, от форм слов и предложений до целых книг, а также воссоздание разрозненных анализом текстов. Синтез имеет место не только в построении речи, но и в понимании воспринятого, ибо само понимание без синтеза невозможно. Синтез — это воссоединение частей, создание целостной картины, целого образа и высказывания. Текст — это продукт языкового синтеза. Модель высказывания такова: анализ на подготовительных этапах и синтез на высших этапах. Модель аудирования представляет собой следующее: синтетическое восприятие текста, анализ его деталей и вариантов, наконец, синтез на ступени понимания (и при чтении).

Синтетическое восприятие компонента текста — его анализ и понимание каждой составной единицы — затем опять синтетическое обобщение, что и приводит к пониманию. Напомним, что все эти процессы не дискретны, они протекают слитно, непрерывно и с огромной скоростью.

Важнейшее логическое понятие — *система* и производные: системность (системный подход), систематичность и пр.

Здесь слово *система* употребляется не в философском смысле: система — это объект, где любой предмет предполагает наличие

внутренних связей и структуры, а в ключе работающей логики, как форма устройства чего-либо, его организации, совокупность внутренних и внешних связей, некое единство, целостное образование. Поэтому прилагательные *системный* и *систематический* допускают шкалу систематичности.

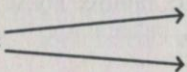
Так, в целях упорядочивания чего-либо, какой-то программы действий говорят о внесении в нее системы как совокупности связей, последовательности, преемственности и перспективности, нарастания или убывания каких-то качеств. А об отсутствии порядка, стройности, связей говорят как о бессистемности.

Естественно, что в риторике *система* понимается в рабочем, прагматическом смысле этого слова, как способ совершенствования речевой структуры, ее содержания, а понижение системности считается серьезным недостатком.

В риторике, с точки зрения точности передачи мысли в речевых формах, высоко ценится понятие и его определение, или дефиниция. Оно включает в себя:

- а) словесное обозначение понятия;
- б) его подведение под ближайший род;
- в) формулирование 2—3 существенных признаков, отличающих предмет от других понятий рода.

Вот пример из морфологии:

Суффикс морфема (или часть слова)
признаки (отличительные):

- 1) стоит после корня слова
 - 2) образует слово с новым значением
 - 3) в слове может быть 2—3 суффикса — признак несущественный.
- } существенные;

Логические структуры уместны в деловом и научном стилях и обычно не используются в художественном. Наряду с «общими местами» они придают тексту стройность, связность, убедительность.

В этом же ряду стоят утверждение и отрицание, применяемые обычно в диалогах, особенно дискуссионных. Так, утверждение может иметь такие формы: простое сообщение как факт или факты; гипотеза как предположение и приведение аргументов, подтверждающих ее; аргументы — история вопроса, подводящая к обоснованию гипотезы; опора на мнения авторитетов, цитирование, опубликованные данные других авторов; приведение собственных данных исследования, наблюдений, эксперимента, математических (логических) выкладок. Сюда же может быть отнесено: предложение партнеру с аргументацией, призыв, приказание, проект и план его реализации, концепция новой про-

граммы, например в социальной сфере, хозяйственной, и многое другое.

Нередко авторы утверждению предпосылают отрицание либо с целью разрушения чего-то, либо для обоснования новых предложений. Сила такой конструкции речи может оказаться очень большой благодаря контрасту, сопоставлению, сравнению. Примеры такой формы выражения: доказательства ошибочности прежних попыток решения вопроса; опровержение чужих предложений и установок путем показа ошибок, противоречий; доведение чужого мнения до абсурда, ирония, сарказм; опровержение чужих мнений выдвижением альтернативных предложений и гипотез; ссылки на сходные ситуации методом аналогий и пр.

Вариантов утверждения/отрицания бесчисленное множество. В поэтике термин *антитеза* применяется весьма широко: от простой пары антонимов *огромный—крохотный* до контраста в замысле и композиции целых книг: противостояние новаторства и консерватизма, добра и зла. Антитеза симметрична, например: «Любовь, постепенно потухая, прошла через все фазисы равнодушия и, наконец, превратилась в положительную ненависть» (Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина).

К рассматриваемой группе «фигур мысли» могут быть отнесены и так называемые типы речи: повествование, описание, рассуждение и контаминированный, смешанный, вариант, известные из школьного курса. Риторика с давних времен огромное внимание уделяла рассуждению, разделяя его на два вида: индуктивное, по модели:

Накопление фактов	Их анализ и синтез	Вывод
наблюдение, эксперимент	сопоставление фактов, обобщения	микрооткрытие, изобретение

и дедуктивное, по модели:

Гипотеза (тезис)	Ее обсуждение, аргументы	Вывод
то, что нужно подтвердить или опровергнуть	за, против (рекомендовалось до 20 и даже более типов аргументации)	утверждение или опровержение тезиса

Поскольку в рассуждении цель — поиск решения проблем, т. е. поиск истины, то рассуждению, доказательству, теории аргументации, гипотезам бывает посвящена чуть ли не половина объема учебников логики (например: Гетманова А. Д. Логика. — М., 1998).

Аргументы очень разнообразны (от сравнения, сходства, примера, от противного и пр.), но самый убедительный прием — *силлогизм* как фигура:

1. Формулировка аксиомы, принимаемой без доказательства, или тезиса, доказанного ранее, например: *Все люди потенциально разумны и, следовательно, обучаемы.*

2. Что нужно доказать: *Коля Н. — нормальный человек, школьник.*

3. Значит: *Он может учиться, как все, и преодолеет отставание.*

В практике речи, особенно в быту, первый член опускается как очевидный и такой усеченный силлогизм называется *энтимемой*. Слушая или читая текст, мы на каждом шагу воспринимаем эту фигуру в упрощенном виде, не замечая ее и не задумываясь над тем, что убедительность мысли все же обеспечивается энтимемой.

В заключение далеко не полного перечня «фигур мысли» укажем на ассоциации, т. е. на связи по какому-то одному из огромного множества видов сходства, хранимых в памяти человека. Актуализация одного из этих видов вызывает в мыслях другой. Так, картина снеговых вершин вызовет у одного воспоминание о горнолыжных соревнованиях, у другого — рассказы о снежном человеке, у третьего — книгу К. Федина... Ассоциации бывают не только индивидуальные: картины весеннего леса вряд ли у кого-то вызовут мрачные мысли, тогда как упоминание о 22 июня 1941 г. вряд ли развеселит. Поскольку ассоциации обращены не только к интеллекту, но и к миру эмоций, они обладают огромной впечатляющей силой, особенно в общении близко знакомых людей. Ассоциации широко используются в искусствах — литературе, музыке, живописи, театре.

38. Средства поэтики

Ошибочно было бы думать, что поэтические средства — принадлежность лишь художественной литературы: из нее мы, обычные носители языковой способности, черпаем образцы, обогащаем свою речь, украшаем ее. Бывает, что создаем свои образы, строим конструкции, сравнения, иносказания, формируем собственный индивидуальный стиль. Иными словами, резкой границы между поэтическим и повседневным языком нет.

Многовековой опыт позволил выделить и упорядочить типы, приемы мастеров слова, употребляемые систематически; наиболее заметная система таких средств — тропы, они основываются на сравнении, ассоциации, переносе значения и иносказании. Троп — это всегда враг прямолинейности, за счет образности и создания картины троп обогащает и говорящего, и слушающего, вносит эмоциональный элемент, возбуждает интерес, повышает тонус общения. Тропы завязывают контакт между автором и читателем, слушателем: оба испытывают радость взаимопонимания.

Если последнее использовать в качестве критерия, то тропы могут быть расположены по степени нарастания этого эффекта:

Сравнение (не логическое, а образное)	<i>Как выжженная палами степь, черна стала жизнь Григория.</i> (М.А.Шолохов)
Аллюзия («мостик», понятный лишь немногим, близким друзьям, намек на какое-то обстоятельство)	<i>Онегин, добрый мой приятель, Родился на берегах Невы, Где, может быть, родились вы Или блистали, мой читатель; Там некогда гулял и я: Но вреден север для меня.</i> (А.С.Пушкин) (последняя строка — аллюзия)
Перифраз (замена названия иным речением, требуется догадка; здесь тоже намек)	<i>Родился на берегах Невы</i> (нетрудно догадаться: в Петербурге)
Антономазия: (использование имен-симолов)	Красноречивого называют <i>Цицероном</i> , силача — <i>Ильей Муромцем</i> , лентя-лежебоку — <i>Обломовым</i>
Метонимия (переименование или замена фамилии фактами жизни)	<i>Читал охотно Апулея</i> (вместо книги «Метаморфозы») <i>Архангельский мужик</i> (Ломоносов у Н.А. Некрасова); <i>Одинокая бродит гармонь</i> (у М.В.Исаковского, хотя бродит не гармонь, а гармонист)
Синекдоха (меньшее вместо большего или большее вместо меньшего)	<i>И слышно было до рассвета, Как ликовал француз.</i> (М.Ю.Лермонтов)
Аллегория (раскрытие отвлеченной идеи через конкретное)	на уровне слов: <i>меч</i> — символ военной силы, <i>весы</i> — правосудие, <i>солнце</i> — жизнь, свет разума; аллегорические сюжеты: притча о блудном сыне в Ветхом Завете; персонажи басен И.А. Крылова и пр.
Символические имена	<i>Молчалин</i> , <i>Скалозуб</i> (А.С.Грибоедов), мифологические имена: <i>Афина</i> — богиня мудрости, <i>Пенелопа</i> — символ верности; символические имена литературного происхождения: <i>арлекин</i> (итал.) — маска из комедии дель арте, шут, паяц

Персонификация (уподобление неживого живому — олицетворение)	<i>горы разговаривают</i> («Спор» М.Ю.Лермонтова). <i>Своими горькими слезами Над нами плакала весна.</i> (А.А.Блок) Разговоры животных в баснях, мысленный мир Каштанки у Чехова
--	--

К числу тропов относят и иронию: она начинается с шутки с легким критическим намеком, степень ироничности возрастает до сарказма — горькой и даже злой насмешки.

Ирония всегда внешне прикрыта учтивостью: *Силен!* — про слабого или о глупом — *Умная головушка!* Пример горькой иронии — сарказма:

За все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей,
За жар души, растрченный впустую,
За все, чем я обманут в жизни был...
(М.Ю.Лермонтов)

К сарказму примыкает гротеск — резкое сатирическое утрирование изображаемого. Но в обычной сатире зло разоблачается прямо (сатиры Ювенала, Аристофана, Кантемира, Маяковского). Гротеск отходит от реальности образов, перенося изображение в сдвинутый, фантастический мир: это «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф.Рабле, «История одного города» М.Е.Салтыкова-Щедрина. Целые системы гротескных образов позволяют говорить о соответствующем стиле: гротеск выходит за рамки тропов.

Вернемся к тропам:

Гипербола (в ней иносказание выражено в преувеличении свойств изображаемого)	<i>Редкая птица долетит до середины Днепра.</i> (Н.В.Гоголь) Образы Гулливера, Ильи Муромца
Литота (приуменьшение в выразительных целях)	<i>Мой Лизочек так уж мал</i> (А.Н.Плещеев)
Алогизм (в нем соединяются и преувеличение, и шутка, и перенос значения)	<i>Если б быть мне косноязычным, как Дант или Петрарка!</i> (В.Маяковский) <i>Вода? Я пил ее однажды: Она не утоляет жажды.</i>

Суггестивный текст (объединяет и размышление, и недоумение, и олицетворение, и риторический вопрос, и восклицание)

*Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают, —
значит, — это кому-то нужно?
Значит, кто-то хочет, чтобы они были?
И, надрываясь в метелях полуденной пыли,
вывается к Богу,
боится, что опоздал,
целует ему жилистую руку,
просит,
чтобы обязательно была звезда,
клянется,
что не перенесет эту беззвездную муку?*
(В. Маяковский)

Проза тоже нуждается в суггестии, лирике, как поэт — в звезде.

При всем разнообразии тропов наиважнейшее место в их системе принадлежит метафоре: по Аристотелю, метафора «есть перенесение имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии. Слагать хорошие метафоры — значит подмечать сходство». В этом определении преобладает логика, но суть схвачена верно. Метафора сближает предметы на основе общего признака — и в прямом, и в переносном значениях. Метафорами наполнена наша жизнь: *идет дождь, он потерял голову, убит горем, горячее сердце, часы идут, тяжелый характер...* Речь, насыщенная новыми, непримелькавшимися метафорами, возбуждает воображение, воспринимается живо и с интересом. Иные тексты буквально насыщены метафорами:

*Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года.*

(А. С. Пушкин)

Изящно, образно и всем понятно.

Посредством метафоры формируется многозначность слов, а также фразеология.

Но метафоры, как и другие тропы, — это образы, от частого использования они утрачивают свежесть, превращаются в речевые клише, в штампы.

Темные силы, красной нитью проходит, золотые руки при всей своей выразительности уже примелькались. Рядовому автору, тем более в бытовых условиях, такие повторы прощают, хотя и морщатся (*Друг Аркадий, не говори красиво...* — И. С. Тургенев), но не поэтам, не ораторам. Не следует впадать в другую крайность, например:

*Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен,
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.*

(С. Есенин)

То, что разрешено поэтам, вряд ли годится для рядового говорящего и пишущего: они выверяют свои метафоры по критериям простоты и ясности.

Свойства метафоры — создавать образ при помощи сходства, сравнения нового с хорошо знакомым, обращаясь при этом не столько к логике, сколько к эмоциональному миру, образам зримым, музыкальным, обонятельным и другим. Вот детские метафоры: *солнышко спать пошло; собачка загорает* (К. И. Чуковский); бытовые метафоры у взрослых: *куры купаются (в песке); птицы поют и пр.*

Многообразным метафорам посвящена обширная научная литература, широко употребляется понятие «метафоричность языка», «метафоризация»; метафора работает и в стилистике, театральном перевоплощении. М. М. Бахтин, эстетик и литературовед, ввел понятие карнавальности; метафору исследовали Р. Якобсон, В. В. Виноградов, Н. Д. Арутюнова и др.

Метафора — вершина в ряду тропов. Но к этому ряду принадлежит и эпитет, тоже излюбленный поэтами образ (от греч. «приложение») — обычно метафорическое прилагательное, создающее картину:

*По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.*

(А. С. Пушкин)

Здесь четыре эпитета, но метафоричен — только один: *дорога скучная*, она вызывает скуку у седока, эту скуку поддерживает еще один эпитет — *однозвучный*. Прилагательное *зимней* выполняет свою функцию в обрисовке скучной езды, но не несет в себе поэтического образа.

В поэтике различают постоянные эпитеты: *солнце красное, море синее*, в фольклоре *добрый молодец*, у Гомера *розовперстая Эос*.

Каламбур — не вполне троп, ибо он построен не на иносказании, а на омонимии, двусмысленности. На многозначности слова построены анекдоты, шутки, юморески. Вот пример из С. Маршака «Дорогому портному».

*Ах вы, разбойник, ах, злодей!
Ну, как вы поживаете?
Вы раздеваете людей,
Когда их одеваете!*

Игра слов: *До беспредела мы уже дошли, но это еще не предел; Деньги — зло: зайдешь на рынок — и зла не хватает!* (Из газет.)

Своеобразный скрытый смысл несут в себе идиомы — фразеологические единицы: *с руками оторвать, уши на макушке, до положения риз, глядь-поглядь* (не поддаются вербальному переводу). Идиомы всегда эмоциональны и несут в себе образ.

Близки к ним и крылатые слова, афоризмы, особенно некоторые из них, близкие к аллюзии. Дело тут в том, что кажущееся простым выражение напоминает (только знатокам) продолжение, которое вслух не произносится, но не столь уж невинно. *Нет правды на земле*, звучат пушкинские слова («Моцарт и Сальери»), но слушающий мысленно продолжает: *Но правды нет и выше!* В этой ситуации продолжается молчаливый обмен мыслями.

Поэтика проявляет интерес и к индивидуальным стилям известных писателей: так, в прозе А. С. Пушкина предложения обычно невелики; Ф. М. Достоевский подчас усложняет синтаксические конструкции настолько, что они трудны для восприятия. Фразы В. В. Набокова обладают закругленностью и смысла, и структуры, строгой соразмерностью частей; например период:

Извне отороченный папоротником, снутри пышно подбитый жимолостью и жасмином, там омраченный хвоей елей, тут озаренный листвою берез, громадный, густой и многодорожный, он (парк) весь держался на равновесии солнца и тени, которые от ночи до ночи образовали переменную, но в своей переменности одному ему принадлежащую гармонию.

(Дар)

Глава 9. НЕОРИТОРИКА

39. Новые науки о речи

XIX в. ознаменовался расцветом лингвистических учений (А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др.), речь стала выделяться как объект самостоятельных исследований лишь к концу века, в трудах А. А. Потебни, Ф. де Соссюра, Л. В. Щербы — уже в начале XX в. Основы теории речи заложил де Соссюр, он показал ее отличие от языка как знаковой системы. Л. В. Щерба представлял себе язык в трех аспектах: в речевой деятельности, языковой системе и языковом материале, т. е. в совокупности всех текстов — устных и письменных.

В ключе речи как деятельности работали не только лингвисты, но и психологи — Ж. Пиаже, В. Штерн, Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, А. Р. Лурия.

И в традиционных отраслях языкознания усилился речевой фактор: получили развитие функциональная стилистика, функцио-

нальная грамматика, возникли социалингвистика, теория билингвизма; было разработано понятие речевого развития личности, появились труды по развитию детской речи; возникли теории коммуникации (говорящий — слушающий) и массовой коммуникации (пресса, радио, телевидение).

В 1953 г. в Блуммингтоне собрались ученые, исследовавшие речь на стыке психологии и лингвистики: так родилась психолингвистика (труды Ч. Э. Осгуда, Дж. А. Миллера, Н. Хомского (Чамски Н.); в России — А. А. Леонтьева, И. А. Зимней, Ю. А. Сорокина, И. Н. Горелова и др.).

А. А. Леонтьев так определяет предмет психолингвистики: «Соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, — с другой» (Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. — М., 1997. — С. 19). Он называет следующие зоны применения теории и практики психолингвистики:

моделирование речевой деятельности человека, его языковой способности, внутренней речи, кодовых переходов; теоретическое осмысление не готового текста (это делает лингвистика), а процессов порождения речи (текста), обучения языкам;

проблемы речевого воздействия на человека в потоке жизни, в массовой коммуникации;

конструирование новых кодовых систем, понимание механизмов говорения — аудирования, чтения — письма; ввод в компьютер информации в языковом коде; механизмы билингвизма и пр.

Психолингвистика не делает каких-либо принципиальных различий между речью оратора, писателя и бытовым общением людей в семье, на работе. Неориторика — это уже не только теория ораторства: цель неориторки определяется как поиск оптимальных форм, вариантов, алгоритмов общения в современных условиях, в самых разнообразных ситуациях. Само общение понимается в широком смысле: не только обмен информацией, диалог, но и все возможные ситуации вербальных и невербальных контактов, включая эмоциональный, использование разных кодов — знаковых систем, включая внутренние, мыслительные, коды. Текст понимается как дискурс — речь в потоке жизни с учетом окружения, событий, прошлых и ожидаемых, кодов телодвижений и пр.

Секреты красноречия предназначаются не для избранных и усваиваются всеми, что предполагает, однако, не снижение верхней планки, а поднятие нижней. При таком понимании речевой компетентности (не только коммуникативной) психолингвистика и другие науки о речи вкупе создают *минимум* сведений, обязательных для образовательных систем. Теория речепорождения, речевосприятия, понимания, структура общения приравнивается к

теории языка, грамматике. Подобно тому как грамматика лежит в основе культуры и литературной нормы языка, науки о речи оказываются гарантами полноценной речи и формирования речевой способности личности.

Психолингвистика пересекается с теорией коммуникации, которая в чем-то уже, а в чем-то шире. В контактах, в общении реализуется коммуникативная потребность людей в обмене информацией: каждое высказывание рассматривается как акт речи, подчиненный цели вне этого акта, в жизненной ситуации.

Говорящее лицо, или отправитель речевых сигналов, — это коммуникатор, а лицо, принимающее сигнал, — перцепиент.

Сущность коммуникации состоит во взаимном понимании, передаче фактов, обобщенных знаний, идей, побуждений и пр. Это разговор, объяснение, полемика, выработка решения, любые контакты, связь между народами, поколениями — связь времен, диалог культур.

Обычно коммуникация носит двусторонний характер, реже — многосторонний (в полилоге). Но в современном мире огромного размаха достигла так называемая массовая коммуникация (МК), которая носит односторонний характер: это дорожные знаки, вывески, объявления, реклама, масс-медиа, теле- и радиопередачи. Все перечисленное не имеет конкретного адресата, оно обращено к бесчисленному количеству адресатов с расчетом на то, что информация дойдет до массы людей и произведет свое действие.

В МК ярко выражены социальные функции общения: она составляет одно из основных условий существования и развития современного общества. С этой точки зрения речь (любая) может измеряться по шкале своей социальной значимости: от бытового общения двоих через многочисленные варианты общения — учебного, профессионального, делового, политического до массовых форм, МК с применением мощных возможностей техники. Таких средств не знал мир, в котором зарождалась классическая риторика.

В рекламе, наиболее полно использующей эти возможности и искусства — музыку, живопись, игру актеров, человек перестает играть активную роль равноправного участника диалога, в результате многократного повторения рекламных клипов срабатывает механизм непроизвольного запоминания, и человек, утратив сопротивляемость, поступает так, как ему внушают.

Информационный поток массового воздействия имеет определенную идеологическую направленность, он поражает своих потребителей богатством красок, силой изображаемых страстей, щедростью затрат, потрясающими сенсациями. МК используется в межпартийной борьбе, предвыборных кампаниях, дискуссиях, референдумах.

Формы обратной связи при МК — звонки на телестудию, письма в редакцию и тому подобные средства — не могут оказать серьезного воздействия на позиции МК.

В развитых странах (США, Японии, Великобритании и пр.) созданы НИИ, изучающие эффективность МК, моделирующие образ типичного слушателя и зрителя, ранжирующие средства МК по силе их воздействия. Выясняется, как средства МК формируют общественное мнение в стране, какое сплетение искусств обладает наибольшей эффективностью. Для этой цели используется схема Лассвелла: кто сообщает? кому? что? посредством какого канала? с каким эффектом? Схема напоминает топы античной риторики.

Опыт МК обогащает риторику: во-первых, в использовании технических средств, современных видов искусств; во-вторых, в использовании смежных наук: лингвистики — для изучения «языкового вкуса эпохи», психологии — для проникновения в лабораторию формирования ценностных ориентаций у человека, социологии — для изучения динамики общественного мнения. Даже математика привлекается: математическая статистика, теория вероятности, корреляция, математическое моделирование, информатика и программирование. МК стала сегодня неотъемлемой частью быта людей: это прекрасно, так как и телевизор, и журналы, и газеты суть порождения разума. Но опасно сокращение сферы самовыражения, внутреннего и внешнего диалога, живого общения, в общем — деятельностного начала в человеке, которое всегда расширяла риторика.

Психология речи изучает ее виды: внешнюю в двух кодовых вариантах — устную и письменную, и внутреннюю — на разных ступенях глубины, с разными степенями вербальности; ситуационную и мотивационную основу общения, включая речевое; структуру мышления; проблемы языка и сознания, речи и мышления, работу памяти, столь важные в порождении речевых высказываний и в аудировании, и многое другое.

По всеобщему признанию, особенно значима проблема речи и мышления. Риторика, особенно в изложении Аристотеля, придавала большое значение мысленной основе речи: богатству мысли, ее структуре, доказательности и обоснованности, весомости, актуальности. На последующих этапах истории риторики центр внимания перемещался в сторону языкового выражения мысли, вплоть до сведения функций риторики до культуры речи, до соблюдения ее языковой нормы (см.: Пешков И. В. Введение в риторику поступка. — М., 1998. — С. 111 и далее).

Действительно, овладение языком — его лексикой, грамматикой, стилистикой, произносительной сферой создает внутренний образ мироздания людей и каждого человека, а также предпосылки для структурирования мысли, развития интеллекта, усложне-

ния когнитивной деятельности: «Речь — это канал развития интеллекта» (Н. И. Жинкин).

В речи мы формулируем мысль, обеспечивая кодовый переход на акустический или графический коды, включая, таким образом, главный критерий проверки качества мысли — ее понимание другими людьми.

Языковое оформление мысли способствует четкости самой мысли: формулируя ее, мы ее в то же время формируем (С. Л. Рубинштейн). Стройные, веками отшлифованные языковые структуры, накладываясь на аморфную мысль, дисциплинируют ее; многие известные ученые, писатели (А. Пуанкаре, В. Глушков, Э. По) отмечали, что, пытаясь донести до читателя, слушателя свою мысль, они проясняли ее и для самих себя, а иногда обнаруживали ошибки собственного мышления.

Внутренняя, мысленная, речь без цели ее озвучивания — это размышления, как бы диалог с самим собой, с разной степенью структурной оформленности составляет внутренний, духовный, мир человека. Природа предусматривала возможность сохранить тайну мысли: есть надежда, что науке не удастся нарушить эту тайну. Согласно одной из гипотез, мыслительные коды, в основном, индивидуальны и вербализуются в знаках конкретного языка лишь в последние моменты перед произнесением. Эта вербализация может происходить на любом из языков, которыми субъект владеет. Возможность мыслить на неродном языке, кстати, есть критерий полного билингвизма (так называемого координационного в противоположность субординационному).

Во второй половине XX в. возникла теория языковой личности (Ю. Н. Караулов и др.). Понятие «языковая личность» (ЯЛ) восходит к психологическому определению индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности. С точки зрения современной риторики, ЯЛ характеризуется следующими признаками:

а) полнотой владения родным языком, родной речью во всем ее разнообразии;

б) владением неродными языками в соединении с языковой и коммуникативной компетенцией;

в) личностными интересами, способностями и умениями в социальной жизни, в частности профессиональными (учитель, адвокат, политик, ученый-лингвист, переводчик, военный и пр.);

г) творческими данными: поэт, актер, импровизатор и т. п.

Несомненно, что каждый человек обладает указанными свойствами (и другими, не указанными здесь) в разной степени и в разных сочетаниях. Если он, в добавление к сказанному, обладает нравственно-волевыми качествами, богатыми знаниями, активностью и пр., то о нем говорят: это личность. Понятие ЯЛ хорошо вписывается в образ носителя риторических знаний и умений,

но термин ЯЛ пока используется лишь в исследованиях по данной тематике.

Примерно в это же время сформировалась и лингводидактика как фундаментальная часть теории обучения родному и неродным языкам в массовой школе. В ее проблематику входят: описание языка изучаемого, родного и неродного в целях обучения ему; сравнительная типология родного и изучаемого языков; изучение процессов овладения языками в детском возрасте и позже, процессов речевого развития человека, трудностей, встречающихся на этом пути; разработка принципов и методов обучения речи устной и письменной в вариантах говорения, аудирования, письма и чтения и пр. Все это, несомненно, имеет прямое отношение к овладению риторическим мастерством.

Развитие наук о речи актуализировало понятие и термин *языковая способность* (ЯС) человека (А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович). Сама идея восходит к трудам Л. В. Щербы. В американской психолингвистике ЯС понимается как биологически заложенная и развивающаяся способность ребенка; в России предпочтение отдается социальным факторам, но признается физиологическая основа этого феномена. Развитие ЯС обусловлено влиянием речевой среды, восприятием ребенком речи окружающих людей, собственными попытками речи, постепенным усвоением правил языка в соответствии с его уровнями и формированием языкового чутья, интуиции.

Одно из самых перспективных направлений — теория речевых актов. Она будет рассмотрена подробнее.

40. Общее понятие о речевом акте

Речевым актом (РА) (действием) называют любое высказывание и как текст, т. е. продукт речевой деятельности, и как весь процесс: от ситуации, требующей высказывания, к внутренней, мысленной, подготовке, через устное или письменное выражение мысли говорящего к восприятию речи слушающим или читающим, перцепиентом, к пониманию речи и к другим последствиям — новому акту речи или иным действиям, что называется обратной связью. Речевой акт предполагает коммуникативную ситуацию «говорящий—слушающий», но допускаются и варианты:

а) рассроченное общение, например, переписка, рукопись, прочитанная и, возможно, опубликованная через много лет;

б) автор один, но читателей и слушателей многие тысячи;

в) речь, обращенная к воображаемому лицу или к человеку, который никогда не узнает об этом, или даже к самому себе.

Речевой акт по размерам может состоять из одного слова до целой книги, которую автор писал в течение нескольких лет; в этом случае акт создания книги как единого речевого произведе-

ния может распадаться на отдельные, более мелкие акты. Перечитывая спустя несколько месяцев после написания главу книги, автор сам превращается в читателя и даже критика. Иными словами, речевой акт — это в известном смысле условность, но моделирование ступеней этого действия, процесса ведет человека по пути совершенствования своей речи и общения.

Модель речевого действия:

Речевой акт		
Докоммуникативный этап	Коммуникативный этап	Посткоммуникативный этап
а) ситуация;	а) переход с мысленного кода на акустический или графический;	обратная связь:
б) созревание мотивов высказывания;	б) восприятие речи и ее понимание перцепиентом	а) новый акт речи;
в) внутренняя, мысленная, подготовка речи, ее содержания и языковой формы		б) действия

Теоретически законченным речевым актом можно считать лишь полный цикл коммуникации, но на практике так бывает далеко не всегда и это не подрывает значимости теоретической модели.

Временных границ акт речи, человеческого ума и таланта, его чувств, духовного богатства вообще не имеет. «Слово о полку Игореве» создано восемь столетий тому назад, но акт не завершен и до наших дней. Его неизвестный автор вот уже восемь веков говорит со своими потомками.

Научная разработка речевых актов относится ко второй половине XX в.: это труды Дж. Серля, Дж. Седок, М. М. Бахтина, Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, Н. А. Безменовой.

Черты РА как единицы теории речи:

- намеренность (интенциональность);
- целенаправленность, целеустремленность;
- соответствие правилам речевого поведения, принятым в данном обществе, а также нормам языка;
- речевой акт всегда соотносится с лицом говорящего;
- последовательность этапов РА создает дискурс (речь в потоке жизни);
- в РА говорящий оказывает на других лиц воздействие, не всегда адекватное замыслу инициатора РА.

Классы РА по целям, функциям: информативные, сообщающие; побуждающие, директивные; вопросительные, требующие информации; акты принятия обязательств; экспрессивные, выражающие эмоциональные состояния; этикетные, формулы вежливости; декларативные, заявляющие, устанавливающие порядок

чего-то, планирующие, оперативные; формулирующие принятые решения и др. Крупные РА обычно бывают смешанными, точнее, в них могут быть выделены разные по классам и типам элементы.

В исследованиях РА существенное место отводится личным позициям участников акта, их отношению к истинности высказанного, доброй воле. Соответствие речи, высказываний намерениям говорящего, т. е. его искренность, признается обязательным (общественное мнение).

Понятие структуры РА помогает в исследовании механизмов речи, понимании сложных процессов подготовки, реализации высказываний, их восприятии и понимании, а также результатов и последствий.

Велика роль ситуаций в порождении РА, их называют речевыми ситуациями, хотя это и неточно. Речь используется как инструмент разрешения ситуаций жизни: быта, труда, социальных отношений, познавательной деятельности, конфликтов.

Речевой акт крайне редко бывает самоценен: можно назвать лишь ситуацию изучения неродного языка, когда действительно высказывания на изучаемом языке имеют целью языковую правильность. Даже в ролевой игре цели выходят за пределы языковых, что, кстати, оживляет и опредмечивает обучение языку, создает иллюзию дискурса.

Рассмотрим примеры ситуаций и соответствующих им РА.

Журналист вернулся из поездки в Испанию, изучал там судебную систему. Он срочно должен подготовить статью для своей газеты, а также статью для ежемесячного журнала, где его не торопят. Специфика ситуации в том, что, в сущности, одна и та же тема должна быть разрешена в двух различных ключах: в ключе текущей политики и с прицелом на адресата, лишь поверхностно, дилетантски знакомого с проблемами судопроизводства, — и в ключе научном, для настоящих профессионалов.

Естественно, что и проблематика, и отбор фактов, и уровень аргументации, и даже языковые средства должны быть разные, так же как и объем статей, и система образов, и стиль.

Приближается день рождения сына, живущего в Иркутске. Прежде чем набрать номер телефона, отец прикинет (как бы начерно), что нужно сообщить после поздравления и что спросить у сына: у него семья, дочери 15 лет. Разговор, однако, протекает не совсем по намеченному плану, возникают неожиданные темы, например, сын готовится к командировке в Японию. Это изменяет не только содержание, но и эмоциональный уровень разговора, отец забывает задать намеченный вопрос.

В обоих примерах РА сложные, их модели несколько отклоняются от общей, стандартной, структуры. Кроме того, в первом примере оба акта могут быть обстоятельно разобраны лишь на этапе авторского конструирования, восприятие адресатом пока

не состоялось, и пишущий его лишь предугадывает, а обратная связь вообще в тумане.

Второй пример: телефонный разговор — это диалог, очень сложный: в нем не только два десятка реплик, т. е. самостоятельных высказываний, но можно догадаться, что и участники диалога сменяются. Здесь и эмоции, и восклицания, целая гамма интонаций... Однако речевым актом можно считать не только каждую отдельную реплику, но и весь диалог в целом. Это и есть речь в потоке жизни, хотя она (речь) и лишена картин окружающего мира.

Еще одна ситуация. Пожилой человек, участник Великой Отечественной войны, с грустью провожая своих сверстников и предвидя неизбежное, после долгих колебаний решает писать мемуары, потому что многое, что он знает, чему был свидетелем, уйдет в неизвестность вместе с ним. Он покупает толстую тетрадь — и вот уже пишет, и это часы счастья: прошедшее оживает вновь, давно ушедшие друзья становятся его собеседниками. Как будет дальше развиваться его труд, доведет ли он его до конца, хотя бы относительного? Будут ли мемуары изданы, или хотя бы приняты в архив, или их будут читать мыши на чердаке?

Количество ситуаций неисчислимо, их разнообразие беспрельдно; тем не менее делаются попытки выделить типовые ситуации, моделировать их: ситуации встреч и расставаний, спора и дискуссий, учебно-познавательные, экстремальные ситуации (где на решение и высказывание отводится доля секунды), творческие, интимные, производственные ситуации.

Ситуация определяет фрейм (рамку) — модель ситуации или сценарий, в котором представлено развитие ситуации. Фрейм помогает понять, как следует воспринимать высказывание: как шутку или всерьез, как приказ или совет друга, как научный факт или предмет для дискуссии.

Моделирование ситуаций используется в прикладной лингвистике, оказывает влияние на языковые структуры высказывания, определяет выбор просодических и паралингвистических средств в общении.

В ситуации и ее модели учитываются и социокультурные, этнографические аспекты стратегии высказывания, и психология общения. Они определяют в порождении речи ее темп, стиль, меру спонтанности или строгости, степень прямолинейности в выражении позиции говорящего и т. п., а также помогают говорящему предугадывать реакции слушающего собеседника, предусмотреть возможные варианты понимания.

Сама ситуация способствует сжатию языковой структуры высказывания; речь, насыщенную эллиптическими конструкциями, называют ситуативной. Степень ситуативности неодинакова; наибольшей ситуативностью обладает речь в игре детей: отдельные вы-

крики, реплики. У взрослых ситуативность наблюдается в экстремальных условиях, высока она и в диалогах. Высоко ситуативная речь характеризуется краткостью реплик, номинативными и неполными предложениями, жестами, мимикой, богатством интонаций.

Ситуация во многом определяет потребность, содержание и форму РА, но сама все же еще не входит в его состав.

41. Речевая интенция

Внутренний порыв или необходимость — приказ, например, или обращение другого человека, какие-то внешние обстоятельства — вызывают смутную, не всегда ясную потребность речевого высказывания.

Так начинается процесс РА.

Иногда медленно, постепенно, иногда быстрее или даже ментально происходит осознание потребности. Это и есть мотивация поступка, в данном случае речь есть поступок (впрочем, она может иметь разные степени поступка, как и ее отсутствие, т. е. молчание тоже поступок). Осознание потребности может протекать медленно, постепенно, это процесс созревания мотивов или начало внутреннего, докоммуникативного, этапа РА.

В недрах осознания потребностей, т. е. мотивации, нормируется цель высказывания; осознание цели, принятие решения можно назвать окончанием мотивационной ступени РА; но, как увидим, постановка цели еще не гарантирует ее выполнения.

Интенция (лат. «намерение») начинается с мотивации (первая ступень, или шаг, этап), и это, возможно, главное не только в речи, но и в любой деятельности человека, тем более на таком высоком уровне сознательного контроля и решения. Итак, мотивация начинается от потребности и завершается целеполаганием.

Вторая ступень этапа, называемого речевой интенцией, — это предварительное, общее, схематическое определение предмета речи, иногда также схематического плана. Но разработка достаточно полного содержания на этой ступени подготовки обычно еще невозможна, ибо не решены многие вопросы дальнейшей подготовки высказывания.

Так, третьей ступенью может оказаться выбор адресата: с кем разговаривать? Этот выбор подскажет ситуация: возможно, есть несколько человек, они разные: знакомые и незнакомые, равные и неравные по возрасту, по воинскому званию, если предположить, что говорящий — рядовой. В зависимости от ситуации будет выбран адресат, обращение к которому, по прогнозам, обеспечит достижение цели.

Фактор адресата в речи — один из ключевых: выбор адресата (если по ситуации он возможен) требует знания своих конкретных собеседников и психологии людей вообще, интуиции в оценке незнакомых, их эмоционального состояния в момент общения.

Далее следует выбор языка; этот выбор редко приходит в голову в одноязычной среде, например русской, но игнорировать его нельзя, во-первых, за рубежом, во-вторых, на родине в разных средах. Выбор языка мобилизует разные пласты памяти, дает настрой механизмам выбора слов, построения фразы. Нельзя также забывать о выборе стилового ключа: предстоит ли говорящему строгий рапорт военного, или дружеское общение; будет высказывание пространное или кратким, в каком темпе, с какими жестами. Все эти решения принимаются моментально и интуитивно.

На ступенях речевой интенции происходит вероятностное прогнозирование результата речевого действия на основе прошлого опыта — собственного или чужого. Цель высказывания может не быть достигнута. Вспомним нашего ветерана: он ведь так и не написал мемуаров.

Но ведь есть и другая логика: да, многие рукописи погибли, сгорели, истлели, но что-то и сохранилось: семейные архивы, письма, дневники, скажем, XVIII в., их изучают, они высоко ценятся.

Одновременно с «шагами» интенции продолжает формироваться план содержания, он усложняется, его части дробятся вплоть до так называемых микротем. Ячейки матрицы заполняются, содержательная сторона предстоящего высказывания все более приближается к тому уровню готовности, который даст возможность языкового оформления мысли или постепенного перехода с кода глубинных мысленных структур на вербализованный, речемыслительный код, который пока не озвучен.

От схематической модели предстоящее высказывание постепенно переходит к более четким структурам, каркасу речевого произведения. В этом процессе происходят не только количественные изменения, но и план содержания в чем-то изменяется, уточняется.

У говорящего и даже у исследователя может сложиться преувеличенное мнение о спонтанности этого процесса. Да, действительно, частично функции управления процессом берет на себя сфера бессознательного, языковая интуиция, и тем большую долю, чем опытнее говорящий (сама эта интуиция — продукт многолетнего тренинга, аудирования и говорения). Но контроль сознания все же играет решающую роль: нетрудно методом самонаблюдения убедиться в этом. Говорящий своим волевым усилием может остановить реализацию интенции, внести поправки, и лишь в состоянии аффекта этот контроль не срабатывает, что приводит к таким высказываниям, о которых сказавший впоследствии горько сожалеет.

Контроль сознания нет или он ослаблен лишь в инстинктивных действиях: это защитные реакции в случае опасности, учащенное дыхание, крик боли и т. п.

К инстинктивным действиям близки те акты в конструировании, подготовке речи, которые связаны с эмоциональной сферой человека: улыбки, некоторые жесты, интонации типа «горе—радость».

Темп речи, громкость голоса и пр. — все это полупроизвольно, полуспонтанно, и может быть подчинено контролю сознания.

В связи с вопросами спонтанной речи уместно обратиться к феномену импровизации. Она определяется как создание какого-то произведения (музыкального, речевого, поэтического) в момент исполнения. Этот эффект в речевой деятельности встречается весьма часто, даже в выступлениях перед публикой. По-видимому, подготовительные, мысленные ступени подготовки речи настолько сжаты, что совмещаются во времени с произнесением, что и создает иллюзию.

Для свободной импровизации необходимы следующие условия:

а) вера в себя, активность, воля, сосредоточенность — полное погружение в создаваемый мир;

б) высочайшая компетенция в избранной теме и широкая общая эрудиция, огромный резерв знаний и высокая готовность памяти; импровизатору нужен лишь мысленный план — все остальное ему услужливо подаст его натренированная память;

в) свободное владение языком (языками) — средствами лексики, грамматики, стилистики, произносительными нормами; способность моментального выбора синонимических средств;

г) предельно натренированные механизмы речи, высочайший уровень языкового чутья, интуиции; артистизм, владение жестами, мимикой, позами.

Вернемся к ступеням речевой интенции. Неслучайно именно здесь рассмотрена импровизация: она поможет понять, что ступени подготовки речевого действия представляются дискретными лишь в целях их изучения; на самом деле все они совмещены во времени, взаимодействуют, на них накладывается контроль сознания. За речевой интенцией следует языковое оформление высказывания, далее — кодовый переход на внешнюю речь; эти ступени тоже не имеют жестких границ: они появляются лишь во внешней речи, в устном или письменном выражении.

42. Языковое (внутреннее) структурирование

Подготовленное содержание речи пока еще аморфно, полную определенность оно получит лишь тогда, когда приобретет вербальную форму, «оденется» в слова, будет следовать общепринятому порядку, когда все слова связаны между собой не только по

смыслу, но и грамматическими средствами. Этим целям служит синтаксис, а его единицей служит предложение. Но не всегда намеченное высказывание может уложиться в рамки одного предложения, средние размеры которого статистически определены: от 10 до 22 слов у людей со средним образованием (письменная речь). Следовательно, структурирование речи ориентировано не только на предложение, но и на компонент текста — сложное синтаксическое целое, или ССЦ.

В понятии структурирования объединены три ступени: выбор слов, их порядок — последовательность в предложении и грамматическое маркирование (связи).

Выбор слова

Есть три гипотезы, которые в чем-то подтверждаются, а главное не противоречат друг другу, следовательно, можно предположить их сосуществование. Напомним, что в долговременной памяти человека содержатся десятки и даже сотни тысяч слов и их значений, выбор слова происходит с огромной скоростью.

Согласно первой гипотезе (Н. И. Жинкин, 1956) выбор идет не «цепочкой», а на основе матрицы, предполагающей модель одного или нескольких предложений — смысловой блок. Его организующим началом служит субъект, к нему тяготеют иерархии предикатов (субъект, предикат — логические). Заполняются ячейки матрицы, далее подбираются предметные признаки. Н. И. Жинкин допускает, что наиболее точные слова не «возникают» в нужный момент, хотя они в языковой памяти имеются: отсюда неудачи в выборе слов. Такой порядок выбора слов может быть определен как логический.

Вторая гипотеза опирается на словесные ассоциации.

В середине XX в. в США и ряде других стран наблюдался повышенный интерес к связям (ассоциациям) между словами, закрепленным в памяти; согласно ассоциативной гипотезе одно слово влечет за собой другое. Так, слово *друг* вызывает слова *дорогой* (синтагматическая ассоциация), или *враг* (ассоциация по контрасту), или *подруга* (словообразовательная) и т. д. В России словесные ассоциации изучали А. А. Леонтьев. А. Е. Супрун, был издан «Русский ассоциативный словарь» в 4 частях (1994—1996). Предполагается, что когда некто услышит слово *Бородинская*, то в его сознании активизируется слово *битва*, это слово, в свою очередь, вызывает слово *произошла* и т. д. Сторонники этой гипотезы пишут об ассоциативной норме языка и утверждают, что ассоциативный (неосознанный) выбор слова является преобладающим. Однако противники этой гипотезы утверждают обратное: в сознании говорящего и особенно пишущего идет постоянная борьба с привычными, стандартными ассоциациями, поиск точного и оригинального слова. Иными словами, руководящим является оценочный фактор выбора.

Третью гипотезу условно можно назвать гипотезой пробы и ошибок. Она предполагает поиск слова путем выбора из общей массы слов и отбрасывания ненужных, неадекватных по смыслу. На первый взгляд такой способ слишком громоздкий и медленный, но если предположить, что слова (или их эталоны) в памяти сгруппированы в какой-либо системе, например, по тематическим группам, то метод проб и ошибок уже не будет выглядеть таким неудобным.

В целом картина выбора слов пока не вполне определена. Однако описанные гипотезы подсказывают полезные выводы: для успешного построения речи надо овладевать логической (и синтаксической) иерархией слов и их сочетаний в тексте; слова в памяти могут быть активизированы, индуцированы — это облегчает их выбор; слова выбираются не в одиночку, а в модели текста (матрица); значительное количество слов ассоциировано, и степень ассоциированности неодинакова; тематическая и, возможно, любая группировка слов полезна (синонимические ряды, антонимические пары, гнезда родственных слов и пр.).

Порядок слов

Эта ступень достаточно изучена лишь в пределах предложения, в компоненте текста порядок слов регулируется смыслом, логикой.

Принято говорить, будто в русском языке порядок слов свободный: это не вполне так. Прямой порядок слов предполагает, чтобы тема, т. е. то понятие, которое говорящему и слушающему уже известно, как бы переходит из прежних высказываний, шла впереди ремы — того нового, что сообщается о теме. Иначе говоря, подлежащее впереди сказуемого, предиката, согласованное определение впереди определяемого слова, несогласованное — после: *кирпичный дом*, но *дом сестры*.

Обратный порядок вызывается каким-то смыслом, замыслом: *высокий стол — стол высок (слишком)*; *Иван Иванович не любил читать книги* (простое сообщение); *Не любил Иван Иванович читать книги* (здесь и ирония, и оценочное отношение к факту, и особая интонация). Это инверсия.

Темо-рематический анализ предложения в лингвистике называется актуальным членением; делаются попытки распространить его на текст — за рамки предложения как средство перехода ко все новым ступеням нового в развертывающемся содержании.

Грамматическое маркирование

Оно как бы накладывается на структурируемую фразу, связывает выстраивающиеся слова жесткими грамматическими связями: падежными окончаниями для склоняемых слов, лично-временными — для спрягаемых и т. д., а также предлогами. В функции средств связи предлоги выступают совместно с парадигмами скло-

нения; союзы и некоторые частицы выполняют собственные раз-
ные функции. Так, частица *бы* в сослагательном наклонении гла-
гола выполняет формообразующую роль, в иных случаях — се-
мантическую.

Русский язык флективный в отличие от английского, в кото-
ром, например, грамматические связи чаще выражаются анали-
тически.

Слова набираются, определяется их порядок и закрепляется
маркированием на основе:

- а) смысла, который надо выразить;
- б) плана, схемы, матрицы, которую надо заполнить;
- в) средств связи, которые создают единство, пригодное для
восприятия и расшифровки собеседником, читателем.

Все это происходит в устной речи совмещенно и практически
одновременно, и чем быстрее речь (по условиям общения), тем
выше уровень автоматизма, когда самоконтроль принимает сжа-
тые формы и сам говорящий иногда замечает свою оплошность,
необходимость предупреждения настигающей его ошибки, но не
успевает сделать это. Так возникают неудачи говорящего, и быва-
ет, что непоправимые.

Как много умений нужно сформировать, умений, которые не
предусмотрены в программах по языку! И не только умений, но и
их моментальную и безошибочную реализацию. Все это — рито-
рика в современном ее понимании.

43. Кодовые переходы на внешнюю речь — устную и письменную

До сих пор рассматривались внутренние, скрытые ступени под-
готовки высказывания; эта подготовка — мотивация, речевая ин-
тенция — в первую очередь характеризуется тем, что сразу, изна-
чально нацелена на полный цикл речевого акта — произнесение
говорящим и восприятие слушающим и даже на обратную связь.
На самом деле подготовленное на внутреннем уровне высказы-
вание все же не всегда реализуется по разным причинам (резко из-
менилась ситуация; говорящий в последний момент решил про-
молчать и пр.), но независимо от этого оно было сразу, с мотива-
ционного шага, нацелено на вербализацию.

Этим подготовка принципиально отличается от тех вариантов
внутренней, мысленной, речи, которые не предназначались для
озвучивания или написания; в мысленной речи языковые «шаги»
не предусматриваются: например, выбор языка (обычно человек
мыслит на родном языке), адресата, стилистические акценты, те-
лодвижения...

Даже такие явно неязыковые подготовительные «шаги», как
план содержания высказывания, вероятностное прогнозирование

результата речи в речемысли, не имеющей выхода на восприятие
собеседником, строятся иначе либо совсем невозможны.

Следовательно, кодовый переход, вернее, подготовка к нему
начинается еще в недрах докоммуникативного этапа, на его сту-
пенях, ранее последней ступени, описанной в части 41.

Что же подлежит перекодированию?

Внутренняя подготовка высказывания протекает в кодах, о ко-
торых мы можем только догадываться, но и переходы к внешним
кодам — акустическим и графическим — тоже от нас скрыты.

Механизмы кодовых переходов изучал психолог (психолинг-
вист) Н. И. Жинкин, он писал в предисловии к английскому из-
данию своей книги «Механизмы речи»: «В цепи языковой комму-
никации самым доступным является акустическое звено и самым
неприступным — участок внутренней речи. Возникает даже опасе-
ние, что в эту область (потому что она внутренняя и субъектив-
ная) вообще нет научных подходов» (Ж и н к и н Н. И. Язык. Речь.
Творчество // Избр. труды. — М., 1998. — С. 85). Нам придется
моделировать кодовый переход с внутренней речи на единицы
акустического кода, не имея понятия о первом, опираясь на ре-
зультат перехода, т. е. звучащую речь.

Дело в том, что внутренняя речь не расчленена фонетически, а
речь акустическая считается членораздельной, т. е. в ней удастся
вычленить воспроизводимые звуковые комплексы, условно —
фонемы как комплексы колебаний органов речи, фиксируемых в
определенных пределах.

Фонемы обозначаются на письме буквами, которые соотносе-
ны с фонемами независимо от их сильных и слабых позиций.

Если бы наша графика (теперь буквенная) была идеографи-
ческой, т. е. каждая смысловая единица, выраженная одним сло-
вом или их сочетанием, обозначалась бы одним знаком — иерог-
лифом, то расчленение речевого потока, слов на звуки для пись-
ма было бы лишним. Но понимание устной речи перцепиентом
все равно было бы основано на звуковой дифференциации, а
фонемы, как и при буквенном письме, выполняли бы свою смыс-
лоразличительную функцию.

В качестве единицы кодового перехода возьмем не звук речи,
поскольку он имеет множество индивидуальных отклонений и ва-
риантов, а ф о н е м у как обобщенный ряд вариантов — позици-
онных чередований.

Н. И. Жинкин допускал, что она может быть соотнесена с оп-
ределенным положением речедвигательных органов:

Единица внутренней, мысленной, речи	Расположение речедвигательных органов	Единица акустического кода (устной) речи
--	---	---

Для графического кода (только буквенного, где буква или сочетание букв соответствует фонеме) к этой схеме добавляется четвертый член:

Буква как знак,
соответствующий
единице акустического кода

Согласно такой четырехчленной схеме пишущий может выбрать один из двух вариантов: пишет молча (чаще всего так и бывает), третье звено схемы реализуется лишь мысленно, в воображении, или пишет, проговаривая вслух или шепотом. Последний вариант обычно используется в обучении письму и орфографии.

Процесс кодового перехода с мысленного кода на внешний, звучащий или графический, нередко называют материализацией мысленной речи, при этом подразумевается, что будто в доакустическом коде речь не имеет материального выражения. Это неверно: Н. И. Жинкин показал материальную природу еще не озвученной речи в виде речедвигательных, артикуляционных единиц. Почему же нельзя предположить, что и на более глубоких уровнях внутренней речи действуют столь же реальные механизмы? Ошибка кроется в самом определении материи как объективной реальности, данной нам в ощущении: критерием объективной реальности здесь служит субъективное восприятие, материальность которого тоже нуждается в доказательстве. Граница между материальным и идеальным при такой логике растворяется.

Однако вернемся к механизмам кодового перехода.

До сих пор рассмотрению подвергались лишь единицы внутренней речи, соответствующие устной или письменной речи. Мы не коснулись пока иных кодов: кода телодвижений, поз, жестов, мимики; кодов, использующих звучание голоса: кода интонаций, тона, тембра, темпа речи, кода пауз, логических фразовых ударений; тех элементов общения, порождения речи, которые привлекает теория дискурса: пространства, где складывается речевая ситуация, всех окружающих предметов, которые могут участвовать, текущего времени, сведений, которые были получены собеседниками ранее, и многого другого.

Письменная речь намного беднее этими средствами, чем устное, живое, непосредственное общение людей. В таких случаях пишущий обращается к описанию позы, жестов, мимики.

Трудность здесь в том, что большая часть этих средств имеют своим источником эмоциональную сферу, а не интеллект и другие области бессознательного: тревожность, страх, надежда, радость, ликование...

Нет сомнения в том, что на ступенях интенции эти средства подготавливаются подобно языковым средствам, но о реализации можно с уверенностью сказать одно: координация здесь должна обладать необычайной точностью и во времени, и в смысловом отношении. В письменном варианте все это лишь отчасти компенсируется знаками препинания, шрифтовыми выделениями, словесным комментарием, но в устной речи это предстает перед слушателем и наблюдателем как сложнейшая трагедия, комедия, театральное представление. Устная речь намного богаче письменной, она передает все богатство содержания и эмоций, тогда как письменная речь — лишь факты, логику, информацию. Исследователи, сравнивавшие эффективность этих двух видов речи, отмечали превосходство устной речи в соединении со зрительным восприятием говорящего и всей обстановкой общения не менее чем на 25 %, а в отдельных случаях — в несколько раз.

У создателей систем письма огромные резервы формализованных единиц и в обозначении их знаками, если это возможно.

Однако акустический код имеет и крупные недостатки: он подвержен помехам — шумам, ветру, трудно преодолевает расстояния, трудно воспроизводится (изобретение звукозаписи значительно уменьшило этот недостаток), нуждается во внимании слушателя и его здоровом слуховом аппарате. Добавим к этому, что невербальные средства, сопровождающие устную речь и повышающие ее эффективность, могут действовать в большинстве своем только на близком расстоянии и при хорошей видимости.

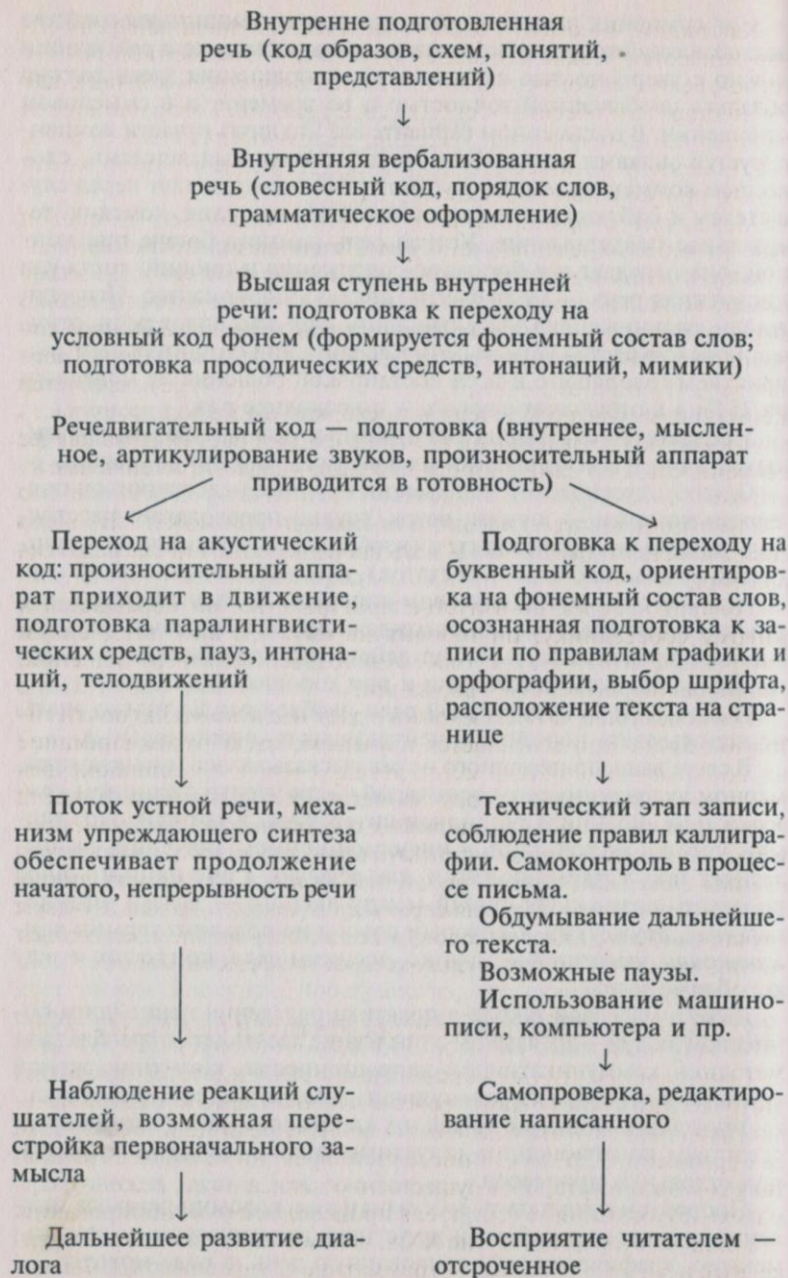
И плюсы, и минусы устной речи необходимо не только знать, но использовать полезные и нейтрализовать отрицательные.

В свете вышеприведенного не раз высказывалось мнение о чрезмерном увлечении среди некоторой части ученых термином *коммуникация*. Возникла обширная литература, в которой этот термин употребляется лишь в информационном значении, он вытесняет такие старые понятия, как *общение*, а оно намного шире по охвату возможных связей между людьми — связей эмоциональных, дружеских, к которым совсем не подходит термин *коммуникация*, уместный в технике, военном деле, контактах между кораблями и пр.

Даже в массовой школе в практике овладения ценнейшим богатством людей — их языком в последние десятилетия преобладают методики коммуникативной направленности, коммуникативной компетенции, вводятся коммуникативные курсы русского языка.

Уподоблять общение людей, их взаимопонимание техническим средствам коммуникации допустимо лишь с целью моделирования отдельных процессов.

Попробуем представить себе процесс кодового перехода мысленно подготовленной речи на устную, акустическую, и на письменную, графически зафиксированную речь, в виде модели:

Как видим, в момент кодового перехода на внешнюю речь обнаруживаются резкие расхождения устной и письменной речи: в устной речи с самого ее начала возникает обратный контакт, как бы ни старался собеседник скрыть свои реакции. Говорящий (если он видит слушателя) может учесть эту реакцию в дальнейшей речи. В письменной речи все это исключено и пишущий автор может только прогнозировать реакцию.

Между тем говорящий не бесстрастен, он невольно выдает свои чувства через поведение, темп речи, интонации, волнение, тревожность, которые слабо поддаются его самоконтролю. По этому поводу Н. И. Жинкин пишет: «В процессе речи человек не только выражает мысли, но и “выдает с головой” самого себя, свое отношение к действительности» (Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество // Избр. труды. — М., 1998. — С. 84). В устной речи требуется жесткий самоконтроль, сдержанность: как бы не выдать ту часть внутренне подготовленного. И это не следует расценивать как неискренность, ибо сама природа наделила человека такой возможностью.

Пишущий человек свободнее говорящего, он может дать волю своим чувствам, фантазии. У него впереди возможность редактирования.

Говорит человек не в пустое пространство, он обращается к живому собеседнику, он говорит не **ему**, а **с ним**, всем своим поведением, игрой лица и голоса он создает атмосферу общения, а не плоской передачи информации.

Поскольку кодовый переход уже дает исследователю почти готовую речь, которая поддается изучению, мы обратим внимание на любопытные ошибки (метод речевых помех или ошибок), непреднамеренную перестановку фонетических сочетаний. 10 марта 2001 г. телеведущий, обладающий безукоризненной дикцией, произнес «ситуаль...», успел остановиться и далее прозвучало: *скандальная ситуация*. Случай не частый, и все же в записях автора этой книги имеется «кошкая сера» (*серая кошка*). По одному-двум случаям нельзя делать выводов, и все же есть над чем задуматься тем людям, для которых культура речи — превыше всего.

44. Моделирование процесса восприятия и понимания речи

Современная риторика становится все более двусторонней, поэтому ее интересует теория речевых актов и шире — психолингвистика, так как в этих науках восприятие речи ценится не ниже ее порождения. До самого последнего времени изучалась грамматика готового текста, преимущественно написанного, реже — грамматика порождения текста, т. е. в процессе ее функционирования.

Лишь во второй половине XX в. появились труды по грамматике восприятия речи — грамматике слушающего (Д. Флана-

ган, И. Ф. Хоккет, Т. Г. Винокур, А. А. Леонтьев, И. А. Зимняя). Изучается психология восприятия речи — варианты и сущность понимания воспринятого, индивидуальный портрет слушателя и читателя, процесс чтения, делаются попытки моделирования восприятия как ступени в структуре речевого акта.

Напомним, что с точки зрения теории коммуникации восприятие речи входит в коммуникативный этап речевого акта как новый кодовый переход, который на этот раз имеет определенную структуру: восприятие прозвучавшей или прочитанной речи — переход на внутренний, мыслительный, код — понимание как присвоение сказанного слушающим или читающим.

Но восприятие речи отличается от отправления устного или письменного текста тем, что отправитель в основном вполне ясно понимает то, что он говорит и пишет, хотя нередко и допускает возможность разнотолков, двоякого понимания того, что он говорит (а в шутливой ситуации даже ставится такая цель).

Во время общения говорящий обычно все же исходит из того, что его поймут так, как он того хочет. На самом же деле так бывает далеко не всегда. Причины:

а) слушающий плохо расслышал, произошло искажение сигнала;

б) слушающий плохо понял по причине слабого владения языком;

в) слушающий заподозрил подвох, недобрый замысел говорящего, попытку обмана и ищет, в чем же состоит обман;

г) слушающий настроен доброжелательно, но подозревает шутливый замысел и боится стать объектом шутки, хотя бы и беззлобной;

д) слова говорящего вызвали у слушающего индивидуальные ассоциации, чего говорящий не мог ожидать, и это нарушило контакт.

Возможно, что сам слушающий настроен против говорящего и умышленно искажает свое понимание. Ситуаций множество: так, телезритель, которому до смерти надоела назойливая реклама, не верит ей ни на один процент, но он молча терпит или переключает на другой канал...

Понимание предполагает оценку: текст, высоко ценимый многими, другими не ценится вовсе.

Проблемы понимания речи, текста изучает филологическая герменевтика. Но и она определяет понимание отнюдь не однозначно, определение зависит от подхода.

1. Понимание — это процесс и результат адекватного замыслу говорящего постижения слушающим смысла, содержания речи, всего высказывания. Нетрудно представить себе обиду, даже горе говорящего, которого неадекватно поняли: «Меня не захотели слушать!» Нередко это трагедия для оратора.

2. Понимание — это освоение чужих переживаний, мыслей и решений, опредмеченных в речи, высказывании, языке телодвижений; это приобщение слушающего или читающего к миру автора, его духовному богатству.

3. Понимание — это воссоздание ситуаций и логики говорящего, автора, его жизни, переживаний, особенно внутренних — сопереживание, но не всегда с положительной оценкой. В этом варианте определения слушатель и читатель мыслят шире автора (но это не значит, что он всегда прав).

4. Понимание — это когнитивная деятельность, познание, движение от незнания к знанию.

5. Понимание — это критический анализ воспринятой речи, прочитанного текста, спор с автором, согласие или несогласие, подготовка к полемике, общению, диалогу, дальнейшему углублению в предмет.

Понимание как бездумное и полное согласие герменевтика принимает лишь в ситуации приказа в экстремальных условиях.

Герменевтика допускает и такие случаи, когда слушатель или читатель достигает более глубокого понимания текста, чем было задумано автором (возможно, что бессознательно, по интуиции), или истолковывает смысл текста противоположно замыслу автора. Особенно это относится к поэзии или любым текстам, насыщенным образами, высоко метафоричным: это лирические стихи, авторские размышления и воспоминания, некоторые древние тексты, например Ветхий и Новый заветы, псалмы, Екклесиаст.

6. Наконец, не герменевтическое, а психологическое толкование понимания — это приведение услышанных или прочитанных знаков языка в соответствие с эталонами собственной речевой (языковой) памяти. Отсутствие таких соответствий или их недостаточность означает непонимание. Этот вариант определения понимания легко проверить через текст на слабо изученном иностранном языке, когда отдельные слова понятны, поскольку в памяти есть их эталоны, но все высказывание не понято.

7. Теперь перейдем к толкованию понимания и его ступеней — уровней, применив метод моделирования по «шагам», причем некоторые «шаги» ясны и безусловно достоверны, иные же составляют гипотезы, не доказанные, но вероятные. «Шаги», как это уже встречалось ранее, условны, ибо восприятие речи и ее понимание, так же как и другие части речевого акта скрытые от наблюдения, предельно сжаты во времени и не обладают дискретностью, они слиты с другими.

Нужно также различать условия восприятия устной и письменной речи, а чтение еще распадается на озвученное (чтение вслух) и неозвученное («про себя»). Громкое чтение в отдельных случаях раздваивается: чтец успешно озвучивает текст, сам же размышляет о чем-либо другом... В варианте тихого чтения бывает нечто

подобное: глаза читают строку за строкой, но мысль занята со всем другим предметом...

Перейдем к моделированию.

Шаг А. Установка слушающего или читающего, готовность механизмов аудирования или чтения; возникновение интереса к предстоящему диалогу, к собеседнику (автору) как к личности, подготовка слушающего к включению нового в систему сведений, полученных ранее. Все это — шаг подготовительный, ориентирующий.

Шаг Б. Нерасчлененное, целостное восприятие всего высказывания, если оно невелико, или его начальной части. Воспринимается акустический поток, в котором еще не выделены фонетические слова, но ритм уже улавливается. Грамматическое мышление, которое сформировано у современных людей, ориентирует на восприятие предложения, этому способствует не только его структура, но и произносительный рисунок, и относительная самостоятельность смысла.

Но восприятие текста легко перешагивает синтаксические границы, устная речь воспринимается непрерывно по мере ее развертывания. Это первоначальное восприятие дает слушающему общую ориентировку: он осознает, на каком языке говорят, к кому обращена речь, о чем она.

Этому целостному, ориентировочному восприятию придают большое значение психологи, особенно Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн.

Восприятие письменной речи кое в чем отличается от слушания. Дело в том, что при чтении глаз движется рывками, у опытного чтеца в поле чтения попадает 5—6 слов, в результате процесс чтения теряет плавность. Но это относится только к зрительному фактору, восприятие смысла носит синтетический характер.

Шаг В. Восприятие невербальных средств — силы голоса, тембра, интонаций, языка телодвижений, пауз, мимики и пр. Оно, по-видимому, тоже должно быть понято, т. е. соотнесено с какими-то эталонами-образами в эмоциональной сфере слушающего и видящего человека; их восприятие внушает собеседнику соответствующие переживания, несет информацию о настроениях и чувствах говорящего. Так, крикливый тон передает раздражение, улыбка, наоборот, свидетельствует о добрых чувствах или, по меньшей мере, о вежливости говорящего.

Язык слов и язык невербальных средств чаще всего совпадают, второй нередко оказывается сильнее первого.

Шаг Г. Напомним, шаг Б — восприятие нерасчлененного потока речи. Если нет помех или они преодолены, то происходит сегментация потока по законам ритма. Выделяются синтагма и фонетические слова, чему способствуют словесные ударения и микро-

паузы между фонетическими словами, интонационный рисунок произносимой фразы.

Естественно, что сказанное не относится к чтению: здесь слова разделены пробелами, интервалами, они уже выделены — даже если непонятны чтецу.

В устном варианте выделению слов способствуют свойственные данному языку смысловые интонации — перечислительная, выделительная, интонация конца предложения, логические ударения.

При чтении слова уже выделены, но здесь особенность в том, что напечатанные буквы надо обозначить звуками — вслух или мысленно.

Шаг Д. Предположим, что слушающий успешно разделит речевой поток на составляющие его слова. Но сам процесс разделения требует их опознания. Опознание мыслится как сличение их с эталонами, хранящимися в речевой памяти. Выделению фонетических слов способствует совокупность всех звуковых характеристик, принятых в родном (или втором) языке при полном владении им: ритмика, интонации, особенности произношения всех звуков речи и пр. Иногда всего лишь одно опознанное слово помогает опознать и другие слова.

Опознание фонетических слов — это их признание и черновое понимание.

Шаг Д при чтении не создает трудностей: буквенный состав слова служит в качестве единого, совокупного знака, слово воспринимается и как лексическая единица, и как грамматическая; но эта легкость создается при помощи интервалов между словами. Напомним, что в памятниках древнерусской литературы интервалов нет и выделение отдельных слов там затруднено.

Значение шага Д настолько велико, что требуется дополнительный комментарий.

Мы не знаем, в каком виде хранятся в речевой памяти эталоны слов (есть гипотезы); но известно, что они хранятся долго, в сущности, в течение всей жизни человека, и нуждаются в активизации: каждое новое употребление препятствует забыванию.

Поиск слова при говорении, по наблюдениям, не всегда полон: говорящему не всегда удается довести его до предела, и он берет не самое лучшее слово. При аудировании (тоже по наблюдениям) операция узнавания фонетического слова протекает успешно: случаи узнавания задним числом сравнительно редки.

Ключ к опознанию слов — это развитый фонематический слух (ФС), обеспечивающий восприятие фонем как смысловоразличителя; ФС родного языка начинает формироваться у ребенка с первого года жизни и, в основном, завершается к 5 годам. При этом фонема не может рассматриваться как абстракция, ибо она выполняет вполне реальную функцию в речи.

Наконец, узнавание каждого отдельного слова — это еще далеко не понимание отрезка речи, а только доступ к пониманию.

Шаг Е. Представим себе такую ситуацию: воспринят отрезок потока речи, состоящий из семи слов: возможно, что это предложение. Для шести слов в памяти нашлись эталоны, а для одного не нашлось. Здесь возможны два варианта:

а) понимание не состоялось, контакт прервался;

б) непонятное слово все же будет понято предположительно, по догадке, на основе предвосхищения значения всего предложения (антиципация).

Догадке благоприятствуют: общий смысл дискурса, контекста, языковая интуиция, склонность человека к поиску, знание темы разговора.

Вероятность догадки достаточно высока, для большинства людей она выше 67 % и зависит от общего развития, активности, прошлого опыта. Это предвидение, предвосхищение результата решения задачи до того, как она будет решена логическим путем.

Пример антиципации в обучении: в читаемый текст по иностранному языку вводятся явно новые слова, которые угадываются по тексту.

Предвосхищение — основа творческой деятельности, как и интуиция, тревожность, воображение...

Шаг Ж. На этой ступени речь или ее отрезок осознаются структурно, в их внутренних связях, выделяются сочетания слов, осмысливается их последовательность в предложении. Осознание связей происходит, разумеется, не по вопросам, не по называнию падежей или времен. Здесь «работает» чутье языка, его форм и значений — тех глубинных, неосознанных сообщений, которые формируются у человека в раннем детстве и определяют грамматически правильную собственную речь и правильное восприятие чужой.

Осознание и, следовательно, понимание языковых структур на данном шаге лишь начинается: в дальнейшем оно выходит за рамки минимальных объемов восприятия, за рамки предложения, охватываются значительные по объему компоненты текста.

Шаг З. При переходе от понимания малых блоков к целостному тексту мы вновь возвратимся к просодическому, интонационному, рисунку воспринимаемой речи и пониманию соответствующих коннотаций — дополнительных окрасок речи, придающих ей подчас самые важные оттенки значения: так, один и тот же текст может прозвучать и как нейтральная информация, и как просьба, и как приказание, и как выражение сожаления или упрека... Для понимания таких дополнительных эмоциональных или нравственных ситуационных наслоений обычно требуется учесть и другие паралингвистические средства, сопровождающие вербальную речь.

Шаг И. Включение воспринятого и понятого текста в общий контекст диалога, полилога, сценария, а также в систему ранее приобретенных знаний помогает оценить информацию с точки зрения ее новизны, актуальности, правдивости.

Шаг К. Еще на двух предыдущих шагах намечается и затем завершается разгадка, расшифровка и оценка различного рода инсказаний, образов, метафор, аллегорий, гипербола, стилистических вариантов. Это довольно сложные операции, требующие от воспринимающего тонкого знания языка, гибкости ума, его критичности. Понимание скрытых смыслов может быть длительным, даже отсроченным. Сказанное полностью относится и к чтению: его преимущество состоит лишь в том, что читающий имеет запас времени для перечитывания и раздумий, слушающий же, участник устного общения, как правило, таких возможностей не имеет. Он должен реагировать немедленно, промедление иногда слишком дорого обходится.

Шаг Л. Существенное место принадлежит оценке языкового мастерства и интеллектуального уровня говорящего или пишущего: удачный или неудачный выбор слов, ясность и убедительность речи, ее выразительность, уместность образности, соблюдение литературной нормы, остроумие, юмор, оригинальность выбора языковых средств или стандартность.

В обычном общении оценочная ступень необязательна, но для профессионального оратора, политика, юриста и пр. критичность восприятия есть профессиональное качество.

Еще раз обратимся к поиску вариантов понимания воспринятого текста: нередко оказывается, что это — наиболее важная цель понимания. Что кроется за открытым высказыванием, скажем, политика или дипломата? Как должен вести себя адресат, воспринявший речь своего адресанта?

Шаг М. Оценка личности говорящего по формуле Сократа: «Заговори, чтобы я тебя увидел» (так Сократ сказал своему новому ученику). В речи почти неизбежно раскрывается человек, его культура, манеры, характер, темперамент.

Люди очень разные: одного видишь сразу, другой — загадка, многие проходят длительную тренировку на непроницаемость.

Это, кстати, тоже вид общения, хотя и безмолвного.

В варианте чтения эта ступень состоит в формировании образа автора в воображении читателя: его идеи, нравственная позиция, мастерство выбора картин жизни, своеобразие индивидуального стиля.

Шаг Н. Результат восприятия и понимания; стратегия дальнейшего поведения, речевого и неречевого; переход к посткоммуникативному этапу общения или речевого акта. Ограничится ли акт восприятием чужой речи? Как собеседник будет строить свой ответ и как реагировать?

Подведем итог: восприятие речи — не пассивный процесс; активность перцепиента состоит:

а) в полноте восприятия и, особенно, понимания;
б) в выделении наиболее важного, того, что может потребовать продолжения;

в) в уверенности, что все сказанное соответствует истине.

Не так все это просто...

Подводя итог, напомним: весь процесс восприятия и понимания не дискретен, а совмещен, этапы и шаги здесь выделены в целях анализа.

45. Посткоммуникативный этап: обратная связь

Обратная связь начинается с наблюдения над реакциями слушающего. Наблюдение процесса восприятия речи — это профессиональное умение режиссеров, следователей, учителей, священников, логопедов, политиков, ораторов; оно бывает полезно и каждому. Наблюдая волнение слушающего или его радость, говорящий уже получает ответ на свои речи.

Не менее обычный вид обратной связи — это ответ собеседника или его вопрос: собеседники меняются ролями, начинается новый акт речи со всеми его этапами и ступенями. Из таких мен складывается диалог или полемика. Однако совокупность всех малых актов речи тоже может рассматриваться как сложный речевой акт, составляющий, возможно, целую статью и даже книгу.

Посткоммуникативный акт — этап речевого акта может быть отсроченным на часы, годы и века. Это «Илиада», «Евангелие», «Поучение Владимира Мономаха чадам», народные пословицы, афоризмы. В подобных случаях термин *обратная связь* неточен, ибо создателей этих произведений уже давно нет, но их влияние остается, оно охватывает огромные массы людей.

Более простой пример отсроченной обратной связи — переписка деловая или дружеская.

Результат речевого действия может остаться *неизвестным* его первому автору. Писатель пишет книгу и совсем не знает тысяч своих читателей, которые обдумывают прочитанное, смеются и плачут, критикуют и восторгаются, принимают решения: например начать новую жизнь под влиянием прочитанной книги. Посетив театр, под влиянием спектакля долго переживают те радости и страдания, которые так прекрасно передали актеры...

Долговременное действие воспринятых речей может выразиться в изменении поведения жизни слушателей; они сами перерождаются, меняются их характеры. Все это отражается в переписке, последующем общении, дневниковых записях, воспоминаниях.

Третий вид обратной связи, или результата, последствия речевых актов, — это действия, поступки: немедленное выполнение просьбы или приказа; отсроченное действие, например посещение магазина и покупка рекламируемого товара; поступки, совершенные наоборот, вопреки просьбам и убеждениям как активное противодействие высказанной позиции. Ситуации при этом бесконечно разнообразны. Причем далеко не всегда поступки слушающего связываются с тем актом речи, которым вызваны: на поступки может оказать влияние сфера бессознательного (например при многократном повторении убеждающего текста).

Четвертый вид посткоммуникативного действия — это *внутренний* процесс: автор речевого высказывания может и не подозревать о переживаниях своего слушателя или читателя. Но мощный заряд эмоций или логики произвел свое действие, зазвучали душевные струны многих людей. Люди обогащаются идеями, укрепляются нравственно, пробуждается жизнь духа, и она оказывается намного богаче жизни внешней.

Есть и еще одна форма обратной связи: это ее полное отсутствие. Например, я прослушал лекцию, пожал плечами и ушел молча, с досадой о потерянном времени, никогда больше не возвращаясь мыслью к этому случаю. Случаи, когда «все встают и уходят», для лектора все же дают информацию, к сожалению, неутешительную.

Обратная связь стала изучаться с применением современных исследовательских методик лишь в XX в., но эта область знания развивается очень интенсивно: это эффективность массовой коммуникации, действенность рекламы, средств предвыборной агитации, педагогического процесса в образовательных системах, уровень восприятия и исполнения команд в экстремальных условиях, степень точности сохранения воспринятой информации в разных условиях.

Что же нового вносят в традиционную (классическую) риторику новые теории речи, исследования на стыке наук: лингвистика, психологии, социологии?

Они помогают научно осмыслить многое из того, что старая риторика рекомендовала на основе практики, традиции.

Они делают первые осторожные шаги в познании мысленных процессов, речевых механизмов — говорения, аудирования, кодовых переходов.

Они вводят в круг риторических понятий целые комплексы новых систем, таких, как мотивационная сфера, речевая интенция, виды ситуаций, глубинные структуры внутренней речи и многое другое.

Они вносят элементарную ясность в загадку понимания речи.

Они применяют новые методы познания, в частности гипотезы и моделирование речевых процессов, например восприятия речи.

Они интегрируют сферу применения риторического учения в самые разнообразные области жизни современного социума, вплоть до бытовых отношений, останавливаясь лишь перед интимными.

Они привлекают в риторический арсенал такие новые средства, как понятия знака и кода, дискурс, структура акта речи, коммуникация, внутренний мир человека, диалог с самим собой...

46. Перспективы теории риторики

Риторика возрождается столь же стремительно, как и сходила со сцены: в течение последних 15 лет появились не только школьные учебники с I по XI класс, но и подлинно теоретические труды (С. С. Аверинцева, Ю. М. Лотмана, Н. А. Безменова, Ю. В. Рождественского, И. В. Пешкова).

Это не означает, впрочем, что ее теория однозначна и прекратилась критика риторики с теоретических (как, впрочем, и с практических) позиций: ее обвиняют то в отсутствии собственного предмета исследований, то в прагматичности и формализме, то в заимствованиях из социальной науки, то сводят ее к одной лишь культуре речи (литературной норме).

В то же время ее преподают не только в общеобразовательной средней, но и в высшей школе, особенно на гуманитарных факультетах; открываются кафедры, издаются труды, учебные пособия, и все это, разумеется, требует более или менее четких и однозначных теоретических обоснований. Надежды вселяет тот несомненный факт, что появившиеся в последние годы труды подлинно историчны: А. Ф. Лосев — крупнейший из современных исследователей античного мира, трудов Платона, С. С. Аверинцев — исследователь византийских традиций, Н. А. Безменова — историк французской риторики XVI—XIX вв., В. И. Аннушкин и В. П. Вомперский — историки риторики в России, Ю. В. Рождественский в своих лекциях опирается на Аристотеля. Известно, что история — надежный фундамент теории.

И. В. Пешков, по-видимому, один только обратился к проблеме «возможности обоснования научного статуса риторики» (Пешков И. В. Введение в риторику поступка. — М., 1998. — С. 55). Свой поиск он ориентирует на труды Л. В. Щербы, М. М. Бахтина, Л. П. Якубинского, Ю. А. Сорокина, т.е. на теорию диалога, коммуникации. Он также обращается к наследию Аристотеля.

Современные теории речи, несомненно, — второй источник теоретического укрепления риторики, что подтверждено введением в данное учебное пособие главы «Неориторика».

Далее будут очерчены отдельные острые проблемы самой риторики и смежных с нею областей.

Мир общения

На рубеже столетий немало говорят о XXI в. как о веке информационного общества. Информация всегда ценилась высоко, в будущем ее роль, по-видимому, возрастет. Какова же судьба живого общения людей в будущем?

В последние годы на подступах к новому тысячелетию проводились анкеты, в частности просили ответить на вопрос: кто из известных людей второго тысячелетия может быть назван как его символ, как личность, его определяющая?

Одно из первых мест занял Гутенберг, стоявший у истоков книгопечатания, один из создателей печатного станка. Это изобретение за пятьсот лет действительно изменило лицо мира, позволило донести знание, науку, мудрое слово до каждого человека, сделать образование массовым. Многотиражные издания способствовали развитию самого языка, распространению литературы, появлению периодических изданий, средств массовой информации.

Иными словами, контакты между людьми, между народами расширялись, развивался диалог культур, повышалось значение слова, языка и в социальной жизни, и в личной.

Однако некоторые тенденции вызывают тревогу: к концу тысячелетия резко сократилась дружеская переписка мыслящих людей (вспомним письма А. П. Чехова, И. Е. Репина); развитие МК сделало общение односторонним, люди по несколько часов в сутки проводят за телевизором, воспринимая речевую информацию, а их собственная мысль дремлет. А ведь «душа обязана трудиться || И день и ночь, || И день и ночь» (Н. Заболоцкий).

Сохранятся ли книги, библиотеки, университеты, школы в третьем тысячелетии или их сменят новые формы общения, знания, творчества? Сохранится ли вербальное образование, методы передачи информации, знаний, идей, ценностных ориентаций для новых поколений?

Какую роль в этом будут играть компьютерные сети? Не будет ли сведено традиционное общение как понимание человека человеком, как поиск духовной близости («стяжание духа») к плоскому, голому обмену информацией, обозначенной предельно стандартизованными кодами?

Какой идеал языковой личности, специалиста-профессионала будет созвучен эпохе: будет он характеризоваться творческим потенциалом, креативностью, широтой фундаментальной образованности или стандартами, алгоритмическим мышлением и технологиями исполнения операций?

Д. С. Лихачев, исследуя будущее литературы, прогнозирует (на основе ретроспективного взгляда) усиление образного, метафорического начала. Но в сегодняшней жизни мы видим быстрое расширение сфер делового общения, усложнение юридического

языка, формирование профессиональных диалектов, наконец, «канцелярит», осмеянный К. И. Чуковским.

Все эти извилины и парадоксы общения не вызвали бы тревоги, если бы они не обедняли его, а обогащали личность, ее культуру.

Языковая политика

В мире есть немало государств многонациональных: Канада, Индия, Швейцария; в России ситуация одна из сложнейших. Кроме русского языка — весьма развитого, накопившего богатейшую художественную и научную литературу, можно насчитать десятки национальностей и языков: татарский, башкирский, якутский, бурятский, карельский, лакский, аварский, хакасский, калмыцкий, удмуртский, чувашский и др. Кроме того, в России живет немало украинцев, немцев, евреев, армян, азербайджанцев, китайцев, грузин, корейцев.

Русский язык преобладает и по числу говорящих на нем, и по разнообразию литературы, он выполняет функции государственного языка Российской Федерации, служит целям межнационального общения.

Он неплохо выполняет свои функции, но в ряде ситуаций становится причиной недовольства и конфликтов. Так, русскоязычное население, проживающее в национальных регионах, обычно не испытывает потребности знать язык основной народности. Особенно остро это недовольство ощущалось в прибалтийских республиках СССР, ибо русские, живущие, например, в Эстонии, не желали изучать эстонский язык, и только теперь поняли, что такое — языковая дискриминация, когда, по законам Эстонии, они лишаются и гражданства, и даже работы.

Вторая причина неравенства языков — это образование, особенно высшее. Языком европейских университетов до XVIII в. была латынь, это, разумеется, задерживало развитие литературных языков Франции, Германии, но не подменяло все же роли родного языка, даже обогащало его.

В России языком университетского образования изначально стал русский язык — это и позволило накопить научную литературу на русском языке, но в республиках СССР это привело к тому, что родители на Украине, например, еще в средней школе хотели дать образование своим детям на русском языке. В крупных городах Украины, например, было очень мало школ с украинским языком преподавания, что и вызвало антирусские настроения.

На рубеже XX—XXI вв. все более выдвигается английский язык в качестве мирового. Причины таковы:

а) огромное число англоговорящих — Великобритания, Австралия, США, в основном — Канада, в значительной степени — Индия;

б) культурные и научные традиции в мире;

в) высокий уровень изученности, методической обработки, а отчасти — признаваемая многими легкость изучения.

В некоторых странах уже вызывает тревогу проникновение английского языка: во Франции, например, есть закон в защиту французского языка, российская пресса выступает в том же духе.

В Государственной Думе в настоящее время (2001 г.) подготовлен проект федерального закона «О русском языке как государственном языке Российской Федерации».

После принятия закон, по-видимому, будет определять не только формы официальной речи (тексты государственных документов), но и разграничение стилей разговорного и литературного, границы употребления иностранных элементов, соблюдение этических норм, требования культуры речи.

Во многих странах действуют жесткие тесты по культуре языка, по которым аттестуются государственные служащие, в сфере обслуживания и пр.

Би- и полилингвизм населения — это тоже вопрос языковой политики. В развитых странах лица со средним образованием владеют кроме родного двумя языками. В России эта планка значительно ниже — и по количеству, и по качеству, но необходимость ее поднятия все более осознается. Ближе к этому идеалу жители национальных регионов; например, чуваш владеет родным и русским языками, а нередко — и английским.

Назовем некоторые условия изучения неродных языков:

- а) понимание такой необходимости;
- б) международные контакты в экономике, культуре;
- в) финансирование образования;
- г) совершенствование методов обучения, учебников, привлечение компьютера и пр.

Риторика в прежние времена не сталкивалась с такими проблемами многоязычия, перевода — вплоть до космической лингвистики. Все это проблемы глобальные, общечеловеческие.

Языковое чутье (интуиция)

Казалось бы, язык, в данном случае — русский, изучен до тонкостей, имеются целые библиотеки словарей и грамматик; менее изучены механизмы речи, а для риторики это важнейшая область; но еще менее исследована языковая интуиция, лежащая в основе овладения языком в раннем детстве, выработки всех речевых навыков, автоматизма говорения, аудирования, понимания, письма и чтения.

Определений языковой интуиции много, они разнообразны: «Интуитивная реакция на данную форму высказывания со стороны лица, для которого данный язык является родным, как критерий правильности речи» (Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966). Нетрудно заметить, что такое

определение пригодно для взрослого человека, который уже имеет чутье языка, которое срабатывает произвольно.

Как же возникает это чутье? Завесу таинственности приоткрывает психолог Н. И. Жинкин, он пишет: «При передаче сообщения (в мозг человека. — М. Л.) вводится два вида информации: а) о предмете и явлениях действительности и б) о правилах языка, на котором подается сообщение. Последний вид информации вводится в неявной форме, так как правила языка применяются, но о самих правилах ничего не говорится... Развитие речи есть не что иное, как введение в мозг ребенка языка в неявном виде, то есть через речь» (Жинкин Н. И. Коммуникативная система человека и развитие речи в школе // Проблемы совершенствования содержания и методов обучения русскому языку. — М., 1969. — С. 103).

Свойства этого феномена, определяемого и как «практическое усвоение языка», и как «развитие речи», и как «чутье языка»:

а) интуиция возникает лишь в усвоении закономерностей, употреблении продуктивных, правилосообразных, повторяющихся моделей и не появляется в усвоении исключений, непродуктивных форм; этим объясняется легкость усвоения языка на ранних этапах и трудность — на высших ступенях;

б) интуиция возникает под влиянием аудирования в здоровой языковой среде, и это относится к иностранным языкам так же, как и к родному;

в) именно интуиция обеспечивает моментальные процессы порождения высказываний, аудирования и понимания, и даже чистоту произношения на родном языке и акцент в неродной речи, и даже орфографическую интуицию, которую иногда ошибочно называют врожденной грамотностью.

Открытия в области природы языкового чутья в ближайшее время маловероятны. Иное дело — его исследование на уровне практики и моделирования как механизма моментального (и оптимального) выбора языковых единиц, форм, интонаций; то же — и в области восприятия речи.

Не исключено, что в дальнейших успехах риторической теории и практики изучение языкового чутья даст наибольший эффект.

Прямые передачи по телевидению наших парламентских дебатов 12-летней давности приводили зрителей в ужас: культура речи избранников народа была удручающе низка.

Заканчивая теоретический раздел данного учебника, его автор случайно включил телевизор. Шло обсуждение в Думе вопроса о доверии правительству Касьянова. Но автора интересовал уровень культуры дискуссии, владения речью: он несомненно повысился за прошедшие годы. Быть может, и риторика помогла?

РАЗДЕЛ II. ПРАКТИКА

Глава 10. ОБЩАЯ ЧАСТЬ

47. Афоризмы: мастерство речи

1. Конечная цель красноречия — убеждать людей.

(Честерфилд Филипп Дормер Стенхон, английский писатель, XVIII в.)

2. Оратор есть тот, кто любой вопрос изложит со знанием дела, стройно, с достоинством при исполнении.

(Цицерон Марк Туллий, римский оратор, философ, государственный деятель, I в. до н.э.)

3. Красноречие есть искусство о всякой данной материи красноречиво и тем преклонять других к своему об оной мнению.

(Ломоносов Михаил Васильевич, русский ученый-универсал, XVIII в.)

4. Чтение — вот лучшее учение. Следить за мыслью великого человека есть наука самая занимательная.

(Пушкин Александр Сергеевич, великий русский поэт, XIX в.)

5. Зачем ты выучил свой текст наизусть! Нам нужна свободно льющаяся речь, живая, эмоциональная... Говори свободно, коротко, остроумно.

(Андроников Ираклий Луарсабович, русский литературовед, писатель, импровизатор)

6. Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи, Старца великого тень чую смущенной душой.

(Пушкин А. С.)

7. Красноречие есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ понятий.

(Сперанский Михаил Михайлович, русский государственный деятель, XVIII—XIX вв.)

8. Обдумать надо мысль, а лишь потом писать! Пока неясно вам, что вы сказать хотите,

Простых и ясных слов напрасно не ищите;
Но если замысел у вас в уме готов,
Вам нужные слова идут на первый зов.

(Буало Никола. Французский теоретик литературы, поэт, XVII в.)

9. Развивая мысль в речи, надо сперва схему ее вложить в ум слушателя, потом в наглядном сравнении предъявить ее воображению и, наконец, на мягкой лирической подкладке осторожно положить ее на слушающее сердце...

(Ключевский Василий Осипович, русский историк, XIX в.)

10. Только разработка предмета делает речь восхитительной... Привлечь слушателя, возбудить его внимание и подготовить его к своим поучениям, изложить дело кратко и ясно, чтобы все в нем было понятно; обосновать свою точку зрения и опровергнуть противную и наконец, замкнуть все это воспламеняющим или успокаивающим заключением.

(Цицерон М.Т.)

11. Если сердце человека преисполнено недовольства и недоброжелательства к вам, то никакая логика, известная в подлунном мире, не сможет склонить его к вашей точке зрения.

(Карнеги Дэйл, философ, психолог, ритор, США, XX в.)

12. Логика не признает половинчатости точно так же, как солнце не признает огонька свечи.

(Гюго Виктор, французский писатель, XIX в.)

13. Стихи повсюду были первыми детьми гения и первыми учителями красноречия.

(Вольтер Мари Франсуа Аруэ, французский писатель, философ, просветитель, XVIII в.)

14. Стих, как монету, чекань
Строго, отчетливо, честно.
Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно.

(Некрасов Николай Алексеевич, русский поэт, XIX в., «Из Шиллера»)

15. Не пишите риторика, а подберите речи известных ораторов всех народов и веков, снабдите их подробной биографией каждого оратора, необходимыми историческими примечаниями — и вы окажете этой великой услуге ораторам и неораторам.

(Белинский Виссарион Григорьевич, русский литературный критик, XIX в.)

16. Всякая речь должна быть составлена словно живое существо: у нее должно быть тело с головой и ногами, а туловище и конечности должны подходить друг к другу и соответствовать целому.

(Платон, древнегреческий мыслитель, философ, ритор, V—IV вв. до н.э.)

17. Слово — одно из величайших орудий человека. Бессильное само по себе, оно становится могучим и неотразимым, сказанное умело, искренне и вовремя. Оно способно увлекать за собой и самого говорящего и ослеплять его и окружающих своим блеском.

(Кони Анатолий Федорович, русский юрист, общественный деятель, XIX—XX вв.)

18. Сила мысли — творческая сила. Во вселенной нет другой такой творческой силы, и если бы люди знали и пользовались ею, их эволюция была бы гораздо более быстрой, чем она есть на самом деле... Чтобы хорошо жить, надо хорошо мыслить.

(Рерих Николай Константинович, русский художник, археолог, мыслитель, XIX—XX вв.)

19. Мысль изреченная есть ложь.

(Тютчев Федор Иванович, русский поэт, XIX в.)

20. Свободным человек может быть только в мыслях.

(Хайдеггер Мартин, немецкий философ, XX в.)

21. Речь удивительное средство, но нужно иметь много ума, чтобы пользоваться ею.

(Гегель Георг Вильгельм Фридрих, великий немецкий философ, XVIII—XIX вв.)

22. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было вначале у Бога. Все через него начало быть, что начало быть. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

(Евангелие от Иоанна)

23. Ржавеет золото и истлевает сталь.
Крошится мрамор. К смерти все готово.
Всего сильнее на земле печаль,
И долговечней царственное слово.

(Ахматова Анна Андреевна, поэт, XX в.)

24. Для уразумения глубочайших и сокровеннейших истин нам не дано иных средств, кроме образов и сравнений.

(Шопенгауэр Артур, немецкий философ, XIX в.)

25. Ложь — это наиболее современная и актуальная форма зла. Феноменология лжи. Чрезвычайное разнообразие и тонкость ее форм.

(Бахтин Михаил Михайлович, русский философ, XX в.)

26. (Дело риторики. — М.Л.) не убеждать, а в каждом данном случае находить способы убеждения.

(Аристотель, древнегреческий мыслитель, универсальный ученый, IV в. до н. э.)

27. При подготовке некоторых тем рекомендуется кое-что прочитать, выяснить, что делали и говорили другие по тому же вопросу. Но не начинайте читать, прежде чем вы не исчерпали собственных мыслей. Это важно, очень важно. Подлинная подготовка состоит в том, чтобы извлечь что-то из себя, подобрать и скомпоновать собственные мысли, оформить собственные убеждения.

(Карнеги Д.)

28. Высказывание формируется в сложном процессе, который начинается с общего замысла, проходит стадию внутренней речи (или свернутой схемы предложения) и кодируется (реализуется) в развернутом речевом высказывании. Доходя до слушающего, это высказывание проделывает обратный путь, начинающийся с восприятия сообщения, продолжающийся в его декодировании — выделении его информативных узлов — и кончающийся общей смысловой схемой, переживаемой как понимание услышанного сообщения.

(Лурья Александр Романович, русский психолог, XX в.)

29. Лошадь узнают в езде, человека — в его речах.
Глухой слушает, как немой речи говорит.
Лиса знает сто сказок, и все про курицу.
Гнев шагает впереди, а ум сзади.
Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь.
Хочешь узнать человека — вслушайся в его речи.
Не люблю — не слушай, а врать не мешай.
Слушать его можно, а верить нельзя.

(Даль В. И. Пословицы русского народа)

1. Перед вами изречения, имеющие отношение к красноречию, риторике, общению, культуре речи. Подберите сами 5—6 подобных афоризмов, запишите их в тетрадь и в дальнейшем продолжайте пополнять эту коллекцию.

2. Выберите из учебника 2—3 афоризма и подготовьтесь обосновать свой выбор: а) предельно кратко; б) развернуто, с тезисами; в) письменно, в виде связного текста (небольшого сочинения).

3. Создайте собственный афоризм на риторическую или любую другую тему. Запишите; через несколько дней «пошлифуйте».

4. Распределите приведенные выше изречения по следующим тематическим рубрикам: 1) мастерство говорящего; 2) содержание речи;

3) требования к форме, языковое мастерство; 4) фактор адресата, направленность на слушающего; 5) весомость мысли, лежащей в основе высказывания; 6) главное в риторике, в мастерстве говорящего; 7) логика; 8) эстетика; 9) механизмы речи; 10) результат общения; 11) парадоксы; 12) изречения, с авторами которых вы хотели бы поспорить.

48. Понятия — термины — определения

Каждая область знания, отрасль науки имеет свой круг понятий, например, в классической риторике — «оратор», «диалог», «элокуция», в неориторике — «мотивация речи», «механизмы восприятия речи», «коммуникация».

Понятие обобщает существенные признаки класса однородных предметов, в таком качестве оно служит формой мышления. Так, например, признаки диалога: два участника общения; единая тема общения; смена ролей «говорящий—слушающий»; необязательные признаки: устная форма — диалог может быть и письменным; участники видят друг друга — это условие не обязательно, хотя и желательно.

Языковыми формами выражения понятий служат слова и словосочетания, в научном использовании это термины; большинство из них имеют межязыковые основы (из латыни, древнегреческого: *дискуссия* — лат., *этнос* — греч., *контраст* — фр., *компьютер* — англ.).

Термины, как правило, однозначны, принадлежат научному стилю языка.

Понятия включаются в системы научного знания через дефиниции (определения). Они ограничивают объем понятия. Определить понятие — значит включить его в иерархию родов и видов и указать существенные признаки, отличающие его от смежных понятий. Поскольку сами явления, предметы, порождающие понятия, находятся в состоянии постоянного развития, то и дефиниции не достигают абсолютной точности.

5. Из 3—4 словарей выпишите определения (толкование) терминов *красноречие*, *риторика*, *оратор*, *общение*. Обратите внимание на расхождения в толковании. Попытайтесь сформулировать свое мнение.

6. Обратите внимание на то, что понятие «риторика» как бы разветвляется: риторика как наука и как искусство.

Как вы оцениваете эту двойственность? Покажите на примерах, где риторика выступает как наука, и где — как искусство.

В чем разница между *оратором* и *ритором*? Или эти термины взаимозаменяемы?

Составьте синонимический ряд к слову *оратор*: *вития*, *краснобай* и т. п. Попытайтесь объяснить оттенки значения и особенности употребления каждого синонима. Можно пользоваться словарями синонимов:

а) под ред. Евгеньевой А. П.; б) словарем Н. Абрамова; в) словарем З. Е. Александровой.

7. Составьте свой словарь глаголов говорения и слушания по образцу.

Образец: он (или я) *произнес* *услышал*
пробормотал и т.д.

Сравните первый и второй столбики. Что дают нам такие ряды синонимов?

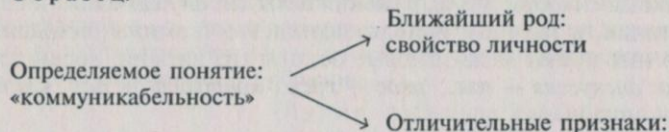
Подобным образом составьте и антонимические пары: *говорить* — *молчать*, *говорливый* — *молчаливый*, *говорун* — *молчун* и пр.

8. Составьте текст (можно диалог), в котором были бы употреблены синонимические ряды и антонимические пары. Охарактеризуйте интонации, соответствующие 2—3 синонимам или антонимам говорения.

9. Организуйте конкурс юмористических сочинений, афоризмов и пр. на основе разнообразия лексики говорения и слушания в русском языке.

10. Постройте логические определения пяти понятий по выбору из следующего списка: «речь» («речевая деятельность»), «текст», «культура речи», «коммуникабельность» («общительность»), «артистизм», «поэт», «судебная риторика», «приказ», «университетская лекция», «заикание», «переводчик», «телеканал «Культура»», «консультация».

Образец:

- 1) доброжелательное отношение к людям;
- 2) раскованность и сдержанность, умение владеть собой;
- 3) свободное владение языком и механизмами речи;
- 4) владение риторическими умениями, культурой речи.

11. В тех случаях, когда полное логическое определение вызывает трудности, применяются другие способы раскрытия понятия: а) описание предмета или явления (иногда говорят об описательном определении); б) введение понятия в текст (или использование готового текста, раскрывающего это понятие); в) замена слова-понятия синонимами, синонимическими сочетаниями с возможными пояснениями; г) приведение жизненных ситуаций и пр.

Примените какие-либо приемы к раскрытию следующих понятий.

Терпение (отвлеченное и обобщенное понятие); терпение (конкретное значение, проявление терпения, терпеливые люди); космос (слово многозначно: а) в философском значении: *мировой порядок*, *вселенная*, *мироздание*; б) в конкретном употреблении: *полеты в космос*); куница; джемпинг; полетность голоса; парадокс (в логике, поэтике).

12. В работе над библиографией по риторике и культуре речи (как и по любой другой отрасли наук) рекомендуются следующие источники:

1. Классические труды: Аристотель, Демосфен, Цицерон, древнерусское красноречие, философы Гегель, Кант.

2. Научные (исследовательские) труды, создающие теоретическую базу изучаемого предмета: А. Ф. Лосев, С. С. Аверинцев, Л. С. Выготский.

3. Литература по смежным областям: лингвистика — общее языкознание, русский язык, стилистика, культура речи; теория литературы, поэтика, литературно-художественные тексты как образцы речевого мастерства и пр.

4. Учебная литература по риторике, теории речи, культуре речи, по стилистике, грамматике и пр.

5. Собрания образцов речевого мастерства — речи великих ораторов, труды мыслителей, собрания писем и документов и пр.

6. Словари и справочники (по языку и иностранным языкам, разным предметам — психологии, логике, литературоведению, театру и пр.).

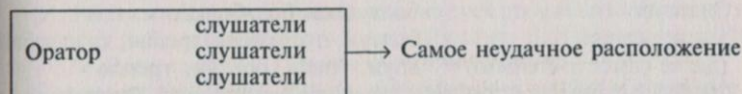
Самостоятельно выберите тему; составьте к этой теме библиографию для:

- а) реферата, выступления на семинаре;
- б) углубленного изучения.

49. Участники речевых контактов, структура общения

Представим себе расположение говорящих и слушающих:

- а) двое прогуливаются по дорожке в парке;
- б) трое охотников у костра обсуждают свои подвиги;
- в) оратор и человек 20 его слушателей расположились перед ним полукольцом;
- г) оратор в узком удлиненном зале; он на трибуне;

13. Спроектируйте и изобразите схематически следующие варианты расположения общающихся: а) беседа 8—10 человек за круглым столом; б) разговор по телефону Москва—Париж; в) суд: обвинение, защита, свидетельские показания и пр., вся процедура суда; г) фрагмент урока в школе; д) интервью: корреспондент «Известий» — известный дипломат; е) мимолетная встреча старых друзей в аэропорту.

К каждой ситуации — комментарий:

участники, их расположение в пространстве; есть ли ведущее лицо, и если да, то его роль; цель общая или частная, индивидуальная; общение вербальное и невербальное; регламент, организационная структура и пр.

14. Выберите из какого-либо широко известного произведения русской литературы текст речи кого-либо из персонажей (например «Золотое слово, со слезами смешанное» князя Святослава в «Слове о полку Игореве»). Примените к нему известную схему:

Кто говорит? Кому? При каких обстоятельствах? Что говорит? Зачем (цель)? Как выражает мысль? Каков результат?

На каждый пункт схемы может быть дан лаконичный, краткий ответ или ответ в виде тезисов. Должен получиться связный текст. Попробуйте озаглавить его.

Попробуйте также охарактеризовать «риторический идеал» говорящего.

15. Примените данную в задании 13 схему к 2—3 ситуациям вашей жизни; напишите эти тезисы так, чтобы они были понятны вашему читателю, особенно по 3-му вопросу.

Внимательно отнеситесь также к последнему пункту — результату речевого акта.

16. Отдельно проанализируйте текст из задания 13 по таким пунктам: а) размеры речи, ее построение, композиция; б) стиль, его признаки (лексические, синтаксические и пр.); в) точность, адекватность замыслу, выбор слов, сочетаний; г) образность языка, элементы поэтики.

Примените данную схему и к собственной речи.

17. Выберите какую-либо профессию — такую, которая вам неплохо знакома. Составьте не менее пяти речевых ситуаций, связанных с профессией, опишите их, а также напишите один из текстов по какой-либо из этих ситуаций.

18. Пользуясь различными источниками (книжными, личным опытом и пр.), запишите до десяти имен опытных авторов, ораторов, импровизаторов, артистов, писателей по собственному выбору. Особенно ценно использование вашего личного опыта знакомства с такими людьми.

Напишите, что вы особенно цените в каждом из них.

19. Дайте собственную характеристику каждого из слов левого и правого столбиков.

Златоуст	болтушка, балаболка,
мастер слова	болтун, пустомеля, трепач, краснобай,
(далее самостоятельно)	врун, враль, брехун, трепло

20. Охарактеризуйте сами себя как языковую личность. Опирайтесь на материал данного курса риторики и культуры речи, а также на собственные соображения. Напомним основные показатели: степень владения родным языком (русским или иным), неродными языками; владение механизмами памяти, говорения, аудирования; степень свободы, раскованности и владения собой; владение стилями, нормами языка, интонациями и пр.; переписка, много ли пишу, часто ли и охотно ли выступаю публично; говорлив(а) я или молчалив(а), нет ли у меня дефектов речи; есть ли друзья, с которыми говорю откровенно; мое поведение в компании, среди людей.

Глава 11. МАТЕРИАЛЫ К РАЗДЕЛУ «ИНВЕНЦИЯ»

50. Тема и ее выбор

Толкование термина *тема*:

1. Предмет высказывания, речи, литературного произведения; определяет содержание, мысленную основу речи.

2. Тот элемент предложения, высказывания, который определяет данное, уже известное, в отличие от нового, сообщаемого о теме, называется *темой*. Одна тема может иметь разветвленную, обширную рематическую часть.

В первом разделе (каноне) классической риторики — *инвенции* (в русских переводах — «изобретение») такая последовательность: выбор темы → сбор материала → мысленная основа речи → позиция автора.

Деление тем: широкая тема → узкая → подтема → микротема (дальнейшему делению не подлежит). Пример сужения и субординации тем:

Подтема — «Смутное время»; уже — «Минин и Пожарский».

Микротема — «Подвиг Сусанина», еще уже — «Опера «Жизнь за царя»».

Соотнесение темы и заглавия:

Тема	Заглавие
Будни войны	«Дни и ночи» К. Симонова
Репрессии 30-х годов	«Реквием» А. А. Ахматовой
Победа над собой	«Прекрасная Адыгене» В. Солоухина
Крестьянские дети	«Крестьянские дети» Н. А. Некрасова
Жестокость подавления Польского восстания в 1830 г.	«За что?» Л. Н. Толстого

21. Расскажите, как возникли заглавия трех произведений литературы по вашему выбору (например, «Защита Лужина» В. Набокова или «Идиот» Ф. М. Достоевского). Укажите функции заглавия.

Приведите три своих примера несовпадения заглавия и темы (в их формулировках).

Придумайте несколько заглавий к одной из тем: «Весна»; «Выбор профессии»; «Мой любимый писатель». Дайте обоснование выбора, укажите свой замысел, жанр предполагаемого сочинения.

Примеры мотивов и критериев выбора темы:

1. Учебные мотивы студента: логика изучаемого предмета, что студент считает важным, задание профессора и т. п.

2. Мотивы, идущие от ситуации и цели предстоящего сочинения: чисто информационные цели; цель — заинтересовать слушателей; цель — агитационная, цель убеждения; цель — побуждение собеседников к поступку, действию.

3. Мотивы личные: духовные запросы личности, «духовная жажда», «стяжание духа»; планы жизни, мечты, увлечения.

22. Ниже дан перечень тем по разным предметам знания. Вам предлагается: 1) осмыслить эти темы, оценить их с точки зрения своих возможностей, готовности к выступлению с докладом, к сочинению; 2) из каждого раздела выбрать по одной теме для углубленной работы

над нею; 3) по одной из тем, по вашему свободному выбору, подготовить доклад или сочинение, выступить с ним публично, затем дать самооанализ и сделать самооценку (мотивированную, разумеется, по критериям).

Примеры для выбора (они ориентированы на возможности студентов):

История

1. Распространение христианства на Руси (до 988 г. и после).
2. Афины, Атика, Спарта.
3. Александр Македонский как личность.
4. Россия и Америка, XIX в.
5. Варфоломеевская ночь, причина и последствия.
6. Роль Новгорода в становлении государственности Руси.
7. Рим и Европа, I-е тысячелетие.
8. В.О. Ключевский как историк.

Народы мира

1. Современная Россия как многонациональное государство.
2. Русско-германские культурные связи.
3. Призвание варяжских князей: исторический парадокс или обычное явление в истории?

4. Народы Индии.
5. Нивхи.
6. Жизнь Арапа Петра Великого.
7. Судьбы народов Поволжья.

Путешествия

1. Восхождение на Фудзияму.
2. Из Петербурга в Москву — из Москвы в Петербург.
3. Русская литература «хождений».
4. Путешествия Николая Рериха.
5. Космические путешествия — наше будущее?
6. В глубины океана.
7. Туризм на рубеже веков.

Человек

1. Человек прошлого — человек будущего.
2. Гуманизм как философское учение и как социальная практика.
3. Что я понимаю под богатством духовного мира человека?
4. Действительно ли человек — венец природы?

Психология

1. Психология личности.
2. Л. С. Выготский: воображение и творчество.
3. Современные теории бессознательного.
4. Психология нравственности.

Язык

1. Языки мира: судьбы языков.
2. Язык и речь — две стороны единого предмета.
3. Теория билингвизма.
4. Очерк семиотики.
5. Русский язык в славянском мире.
6. Стилистика.
7. Механизмы восприятия и понимания речи.

Логика

1. Аристотель — автор «Логики».
2. Структура доказательства, ошибки в доказательстве.
3. Культура мышления.
4. Логика и грамматика.

Жизнь выдающихся людей

1. Трагедия Жанны д'Арк.
2. Владимир Соловьев — мыслитель и поэт.
3. Императрица Екатерина II.
4. Альберт Швейцер.
5. Семья Цветаевых в русской культуре.
6. Жизнь и смерть Иоанна Крестителя.
7. Леонардо да Винчи.

Литература и искусство

1. Архитектура — «застывшая музыка».
2. Споры о телевидении.
3. Литература эллинистического периода.
4. Лев Толстой.
5. Волшебный мир балета (Майя Плисецкая).
6. Роль литературы в становлении норм языка (на примере России).
7. «Гомер был слеп, но даль времен ясней, чем зрячий, видел он».
8. Музыка и язык.

Образование и наука

1. Образовательная система Великобритании.
2. Перспективы генетики.
3. Проблемы одаренных детей.
4. Какое обучение можно считать развивающим?
5. Рентабельность образования в широком социальном смысле.
6. Гуманитарные науки в высшей школе.
7. Крупнейшие университеты Европы.

Закон

1. Гражданский кодекс Российской Федерации.

2. Законы нравственные и юридические.
3. Русский юрист А. Ф. Кони.
4. Первые юридические акты на Руси.
5. Преступление и наказание — «Преступление и наказание».

Деловой мир

1. Рентабельность наукоемкого производства.
2. Есть ли предел роста урожайности сельскохозяйств?
3. Современный аэропорт.
4. Торговые пути Древней Руси.
5. Что такое Единая энергетическая система?
6. Экологические перспективы Европы.

Политика

1. Политическая партия — ее статус, права, функции.
2. Экономика и политика.
3. У. Черчилль.
4. Монархии современной Европы.
5. Роль СМИ в современном обществе.
6. Мир и война.

Семья

1. Предки и потомки А. С. Пушкина.
2. Проблема отцов и детей.
3. Мемуарная литература XIX в.
4. Портрет конкретной современной семьи в России.

Духовный мир личности

1. Нравственность: социальный и личностный аспекты.
 2. А. Ф. Лосев: жизнь и мировоззрение.
 3. Нагорная проповедь Иисуса Христа.
 4. Н. Бердяев «Царство Кесаря».
 5. Ценностные ориентации молодежи в России на рубеже веков.
 6. К. Д. Ушинский о роли родного языка в духовном мире человека.
23. Самостоятельно составьте подобную тематику по вашим личным интересам, увлечениям (не более 10 тем).

51. Источники материала и его накопление

Источники непосредственного опыта (познания):

1. Опыт текущей жизни.
2. Целенаправленные наблюдения, записи, ведение дневников и пр.

Источники опосредованного опыта:

1. Системы образования.
2. Печатное слово: книги, журналы, справочники, словари и пр.

3. Научный эксперимент по методологии, принятой в той или иной науке.
4. Участие в экспедициях, научных и социальных программах.
5. Креативные источники: воображение, интуиция, творчество.
3. СМИ.
4. Музеи, выставки, заповедники, памятники архитектуры и пр.
5. Информационные системы типа Интернета.

Оценочный аспект: непосредственный опыт ценнее в том отношении, что пережит автором, субъектом, окрашен эмоциями, актуален.

Опосредованный опыт объективнее, он обычно многократно проверен, нередко — строгими логическими методами, признан всеми или многими, проверен практикой; при издании книг проводится жесткая экспертиза.

В бытовых ситуациях предпочтительнее опыт первой группы, но в общественной жизни преобладает опыт второй группы; так, в дипломном вузовском сочинении на основе опыта второй группы обязателен и опыт первой группы в виде проектирования, конструирования, составления проекта, какой-то разработки (например, в строительном вузе — проектирование одной из опор моста, обоснование всех расчетов, вычерчивание узлов и деталей).

В создании текстов автор придерживается разумного соотношения, гармонии своего собственного и заимствованного материала. Это соотношение определяется разными факторами, например жанром сочинения или устного выступления. Так, в дружеском письме или в дневнике наверняка будет преобладать материал опыта первой группы, в лекции профессора — материал опыта второй группы, в реферате свое мнение выразится лишь в умении кратко передать чужое и не исказить при этом.

Приемы накопления и упорядочивания материала:

1. Знания накапливаются всегда, впрок, причем наиболее интересное запоминается целенаправленно, записывается. Это относится не только к фактам и обобщениям, но и к датам, именам, числовым данным, афоризмам.

2. Выбор темы в какой-то мере определяется тем материалом, которым автор уже располагает. Когда же тема выбрана и осмыслена, автор «вживается» в нее, постоянно мысленно возвращается к ней, иногда что-то записывает.

3. Успеху способствует предварительный набросок плана, составленный на ранних этапах подготовки выступления — доклада, написания статьи и пр. В дальнейшем процессе план уточняется и детализируется.

На начальных этапах сбора материала намечаются основные разделы и стержневые идеи замысла предстоящей речи.

4. Накопляемый материал всегда должен быть избыточен: лишнее отсекается на более поздних этапах.

5. При избытке материала успешнее протекает процесс его отбора, систематизации, выделение главного и второстепенного, размещение фактов, примеров, аргументов, оживляющих текст и возбуждающих внимание аудитории.

6. Накопление материала рассчитывается так, чтобы иметь запас времени: не исключено, что на продвинутых этапах подготовки доклада часть материала отбрасывается по неубедительности, легковесности, тогда как нужны неопровержимые доказательства.

7. О композиции речевого выступления будет сказано в следующей главе. Но и на этапах подбора материала необходимо уже «видеть» свой доклад в единстве его частей. Так, вялая и невыразительная завершающая часть может испортить впечатление даже заинтересованной аудитории.

8. Должен быть подготовлен иллюстративный материал: экранные пособия, таблицы, схемы, плакаты, диаграммы, картины, книги, звукозаписи. Полезно с первых же шагов сбора материала начать накопление языковых средств: слов, оборотов речи, образов, сравнений, примеров, цитат; делать прикидки оживляющих эпизодов, риторических вопросов, обращений, шуток, если позволяет стилистическая норма в данном жанре.

Надо знать и свои возможности, ибо многих начинающих ораторов подводит преувеличенная надежда на свою способность импровизации. Все должно быть подготовлено мысленно, проверено и перепроверено.

Следует также изучать черновики писателей, ученых, общественных деятелей: наброски планов, поправки — зачеркнутые строки и тексты. Такие материалы сохраняются в музеях, архивах, они также публикуются в академических изданиях сочинений наиболее прославленных авторов.

Работе над темой, материалом уделяли внимание все риторы, особенно в ситуациях увлечения внешней красотой речи, ее украшениями в ущерб весомости содержания.

52. Топика. «Общие места»

Не только в наши дни, но и в XIX в. само понятие «общее место» уже имело дурную репутацию как нечто шаблонное, много раз уже встречавшееся, избитое.

Но в классической риторике, особенно у Аристотеля, «общие места» ценились высоко как способы и изобретения содержания речи. Само слово *изобретение* указывает на творческий характер инвенции. «Общие места» использовали М. В. Ломоносов, Н. Ф. Кошанский, но подверг беспощадной критике В. Г. Белин-

ский, он писал: «Риторика даст... волшебные вопросы: кто, что, где, когда, как, почему, на которые стоит только ответить, чтобы по всем правилам науки молоть вздор о том, чего не знаешь» (Белинский В. Г. Сочинения. — М., 1995. — Т. 8. — С. 512).

Однако подобные вопросы действительно могут оказаться полезными. Ознакомление с топами (топиками) как логическими формами мышления может помочь в построении мысли и текста. Но современные авторы учебных пособий по риторике Д. Н. Александров, Л. А. Введенская, Н. А. Безменова, Ю. В. Рождественский и др. топику не излагают, и лишь А. К. Михальская в книге «Основы риторики. Мысль и слово» отводит топам («смысловым моделям») более 30 страниц.

Формы мышления, сопоставимые с топами античных риторов, в наши дни включаются в некоторые курсы логики в ранге понятий самого широкого обобщения. Многие топы могут создавать пары, они удобны в симметричном расположении материала:

Род и вид:	лиственные деревья — липа, береза.
Целое и часть:	дерево — корни, ствол, ветви.
Причина и следствие:	(примеры подберите сами).
Сходство и различие:	(примеры)
Действия и страдания:	в первом случае субъект воздействует на объект, во втором случае они меняются местами.

Сопоставление и противопоставление: (примеры)

Общее и частное: (примеры)

Количество и качество (количественная оценка чего-либо — качественная оценка).

Примеры единичных «общих мест»:

Имя, наименование

Место

Время

Признаки и свойства

Обстоятельства

Определение

Пример

И многое другое.

Использовались вспомогательные вопросы (кроме названных В. Г. Белинским): с чьей помощью (что-то сделано)? С какого по какое время? При каких условиях, обстоятельствах? и пр.

Предполагалось использование топов и при «изобретении», мысленном составлении текста, его редактировании и оценке: не пропущено ли что-то важное, не нарушена ли последовательность, логика, все ли обосновано и связано.

Топы выполняют организующую функцию: помогают в составлении плана, организации наблюдений, сборе и организации материала, его отборе.

Естественно, что такая система «опор» наиболее уместна в создании текстов делового и научного стилей.

24. В «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова или в книге А. К. Михальской «Основы риторики. Мысль и слово» найдите материал о топики. Из числа топов, которые не упомянуты в данной читаемой вами книге, выберите 2—3 таких, которые вас заинтересуют.

25. Дайте к 2—3 выбранным вами топам свои пояснения по следующей схеме:

Топ	пример, схема описание	применение топа в вашем сочинении, устном высказывании на конкретную тему.
-----	---------------------------	--

Пример реализации (изобретения содержания) темы «Жизнь растений»:

Целое и части	деревья, кустарники, травы, мхи, грибы, водоросли	подробное описание жизни грибов, примеры наблюдений развития мицелия и пр.
---------------	---	--

53. Возбуждение интереса слушателей (Практические советы)

Независимо от размеров высказывания в нем всегда так или иначе отражается личность говорящего, пишущего. Она проявляется в выборе предмета речи, темы, отборе фактов и аргументов, т. е. в содержании; в цели, которую слушающий осознает, а также в построении текста, в отборе слов, интонациях, жестах, мимике, позах.

Замысел автора, его позиция определяются разными факторами: его убеждениями, политическими взглядами, опытом жизни, уровнем образования, нравственным обликом. Оратор, писал Цицерон, только тогда заслуживает доверия слушателей, когда он собственными поступками доказал верность своим идеям.

Интерес, внимание и доверие слушателей зависят от степени искренности оратора (эффективное начало), доминанты личности как устойчивой неосознанной линии поведения (интуитивное начало), осознанной намеренной линии поведения (начало, подчиненное самоконтролю).

Для человека, о котором можно уверенно сказать, что это личность, важны все три линии: личность не может не иметь доминанты, так же как и не может не владеть самоконтролем.

Вышеназванные условия завоевывают аудиторию и отдельного слушателя. Общение с безличностью не вызывает интереса.

Кстати, контакт зависит и от расположения людей — участников диалога: наилучшее общение проходит в свободном кружке, в

удобной позе; наихудшее — оратор на трибуне, слушатели в удлиненном зале.

Плохо, если оратор не знает своих слушателей: возраста, профессии, интересов, уровня образованности, а также того, в каком состоянии они находятся в момент общения: усталые или отдохнувшие, охотно пришли на лекцию или вынужденно.

Если все же субъект речи вынужден обстоятельствами к общению, то ему следует до начала разговора по существу проявить инициативу знакомства, сказать хотя бы два слова о себе. Этого требует не столько риторика, сколько этика.

Необходимо знать также зал или комнату: какова акустика зала, будет ли микрофон (он отрицательно сказывается на контакте), существуют ли помехи (например, трамвай под окном), сколько будет слушателей: если много, — будет уместнее лекция, если мало, то лучше непринужденная беседа.

В любом случае инициатор общения должен позаботиться, чтобы начал его речи возбудило еще не интерес слушателей, то хотя бы их внимание. И все дальнейшее общение он организует по восходящей, чтобы интерес не угасал, а разрастался. Здесь оратор, или лидер беседы, как режиссер в театре: плох тот спектакль, в котором актеры все свое мастерство израсходовали в первом акте... К третьему акту зал опустеет.

Слушателей может заинтриговать полемическое начало, ссылка на телепередачу или на газетную статью; житейское, персонализированное начало; поэтическое начало; начало в форме диалога; постановка острого, жизненно важного вопроса (быт, экология, политика и пр.).

Признаки усталости или понижения интереса слушателей побуждают оратора оживить свою речь:

а) примерами — они обращены к чувственному познанию и дают передышку интеллекту;

б) вопросами, обращенными к слушателями, — они их активизируют;

в) шуткой — она вызывает улыбку, снимает усталость, возбуждает эмоции.

Если лектор заметил усталость, он может сократить лекцию, снять самый трудный материал.

Но возможна и такая ситуация: автор израсходовал свой заготовленный материал слишком рано: нечем заполнить время. Следовательно, говорящий должен иметь резерв материала, который пригодится не только для заполнения вакуума, но и для ответов на вопросы, а также для свободной беседы с заинтересованными слушателями.

Опытный оратор знает, что последние слова в лекции, докладе, беседе запоминаются и придают окраску всему выступлению. Поэтому надо иметь на всякий случай 2—3 варианта концовки.

Резервный материал особенно важен в дискуссии, полемике: ваш противник выложил все свои аргументы, и тут вы вводите свой резерв.

26. Заведите тетрадь — копилку полезных советов. Но будьте требовательны и осторожны: избегайте софизмов, хитростей, а особенно — лжи. Пусть это будут советы, направленные на понимание людей, уважение к ним, достижение добрых отношений.

27. Составьте схему — модель всего раздела «Инвенция» от Аристотеля до неориторики.

Не забудьте, что содержание этого раздела (как, впрочем, и последующих) адресовано лишь одной стороне акта общения — лицу говорящему, пишущему.

Но неориторика, которая включает в сферу своих интересов и вторую сторону акта, не дает этому лицу никаких преимуществ.

Постарайтесь это отразить в вашей модели.

Глава 12. МАТЕРИАЛЫ К РАЗДЕЛУ «ДИСПОЗИЦИЯ»

54. Планы и их виды

П л а н — это начальный этап творческого процесса: он позволяет автору, создателю чего-то нового, представить свой предмет в общем виде, его составных частях. План моделирует этот предмет.

План — это схема, эскиз, чертеж, словесный набросок, общий вид намеченного. План — это матрица, которая постепенно заполняется предметным содержанием, скелет, каркас будущего сооружения.

Виды планов разнообразны по своей структуре, по детализации; они создаются в сознании человека, их словесное оформление придает им стройность, четкость, упорядоченность, необходимую для дальнейшей работы, корректировки, кроме того, — для сохранения, передачи другим людям.

Принято считать, что план (модель, чертеж) создает только человек, животное же действует по инстинкту. Как известно, пчелы лепят соты для меда с удивительной точностью, термиты строят высокие башни, паук сплетает геометрически безупречную паутину. Впрочем, нестандартные решения задач встречаются и в животном мире.

В риторике, построении текстов, литературе используются словесные планы: их пункты формулируются в виде номинативных предложений, вопросов и пр. Планы подразделяются на словесные, текстовые; графические; картинные, изобразительные; предметные, например модель строящегося моста; математические — в виде формул.

Планы подразделяются по степени их дробления, объему частей:

- простой план, обычно из 4—8 пунктов;
- сложный план — с подпунктами;
- микротемный план как предел дробления.

План выполняет свою роль в подготовке к речи, докладу, лекции, написанию статьи, книги, а потом обычно не хранится. Но в процессе обучения учитель, профессор все же предлагает учащимся сдавать курсовую или дипломную работу на проверку с планом, чтобы видеть процесс работы и расположение ее частей. Книжки выходят с оглавлением (содержанием), которое помогает читателю ориентироваться в их разделах.

Современные опытные ораторы редко составляют письменный текст своих докладов, лекций, для них достаточно подробного плана, к которому прилагаются числовые материалы, даты, фамилии и пр. Такой план служит основой импровизации, а она ценится слушателями очень высоко в сравнении с чтением по написанному.

У некоторых начинающих авторов, например у старшеклассников, реже у студентов, наблюдается пренебрежительное отношение к планам предстоящего сочинения, устного рассказа, ответа на уроке. Это пренебрежение не может быть оправдано: дело в том, что без плана текст никто не составляет. Мысленный план составляется все равно, но он отличается от письменного не в лучшую сторону: во-первых, такой план охватывает лишь начальную часть предстоящего текста; во-вторых, он не может быть достаточно продуман и тем более — отшлифован; наконец, без записи он забывается и искажается.

Изучение черновиков великих писателей позволяет проследить их работу над планами, выбором слов, текстом рукописей. У большинства из них обнаруживаются планы и черновые наброски не только прозы, но даже лирических стихотворений.

Бесплановость приводит к плохой координации частей, содержательным повторам, пропускам. Старые риторика рекомендуют такую последовательность в работе над текстом выступления (сочинения, устного рассказа):

Первоначальное намерение → выбор темы → план → подробный план → тезисы → написание или продумывание частей → полный текст → исполнение.

Системы образования не допускают пренебрежительного отношения к моделированию и планированию: это квалификационные характеристики специалиста, стандарты, учебные планы, программы, алгоритмы умственных действий, чертежи и многое другое.

28. Составьте план доклада на тему «Животный мир региона (области, республики), где я живу». По ступеням доведите этот план до выс-

шей степени детализации. Запишите план и отложите на две недели. Затем проведите тщательную коррекцию плана.

Подсчитайте процент доработки.

Тему можно изменить в зависимости от ваших предпочтений, интересов.

29. По одному из разделов плана напишите тезисы, имея в виду, что они — только для вас, автора, докладчика, а не для других. Тезисы должны быть удобны для вас как для докладчика. В них могут быть сокращенные слова, условные обозначения, а также те данные, в точном поминании которых вы не уверены.

Опытные ораторы обычно подобные «опоры» изображают на карточках небольшого формата с отчетливой нумерацией.

30. Потренируйтесь в импровизации с опорой на план. При этом имейте в виду, что импровизация требует «разбега», нужно активизироваться, увлечься (не теряя контроля над собой).

Импровизатор должен уметь контролировать себя, как минимум, по четырем мысленным параллельным линиям:

Первая линия — ведущее опережение, оратор намечает ближайшую перспективу на объем микротемы, иногда и больше.

Вторая линия — одновременное построение ближайшей части высказывания с опережением на 7—9 слов (так называемый опережающий синтез, по Н. И. Жинкину).

Третья линия — определение отдаленной перспективы, например оратор принимает решение изменить порядок частей в следующем блоке своего доклада или ввести что-то новое, не предусмотренное ранее, или сократить что-либо (время торопит).

Четвертая линия: оратор следит за залом, опытный — видит каждого слушателя, замечает признаки усталости, любое отвлечение внимания и реагирует на все это. И, возможно, на ходу что-то перестраивает в своем докладе.

Нетрудно понять, что такие умения приходят не с первого раза, не с первой попытки. Нужен опыт, тренинг.

31. Приготовьтесь к виртуальному диспуту на тему: «Как строить свою жизнь — по плану или по порыву эмоций?» Вспомните, что диспуты были популярны в старых европейских университетах. В них оттачивалось полемическое мастерство, хотя впоследствии некоторые темы диспутов вошли в анекдоты.

Диспут будет воображаемый, но рекомендуем записать наиболее остроумные аргументы в пользу каждой позиции.

55. Композиция и жанры речевых произведений

В разных областях деятельности людей сложились типы текстов произведений устной и письменной литературы, документов и пр. Термин *жанры* и сама типология жанров разрабатывались и использовались еще тысячелетия тому назад.

В наши дни приняты типологии текстов, обладающих четкими, иногда жесткими структурами, употребляемыми в государственной деятельности, профессиональных сферах, даже в быту (так называемые формы речевого этикета), в среде военных, публицистике, театре, судебной практике, медицине (рецепт, история болезни, ежедневные конференции врачей и пр.), учебных заведениях. Особенно тщательно разработана система жанров в художественной литературе — в эпосе, лирике, драматических произведениях. В античной риторике выделены также жанры, не зависящие от сфер общественной жизни, — описание, повествование и рассуждение (теперь их называют типами речи-текста).

В описании указываются признаки предметов, явлений, рисуются картины — портрет человека, пейзаж, интерьер. В описании сюжет не играет существенной роли, действующие лица — это описываемые объекты и сам автор.

В повествовании излагаются события, развиваются действия, есть сюжет, персонажи, диалоги. В повествование нередко включаются описания, зарисовки, действие переносится в пространство и во времени.

Рассуждение строится на логических умозаключениях, причинно-следственных связях, обобщениях и выводах. Истинность какого-либо суждения доказывается или опровергается с помощью аргументов.

Тексты различаются также по стилям, языковым характеристикам, причем нередко жанр обладает собственными особенностями: стиль басни, эпистолярный стиль, народно-поэтический стиль.

32. Охарактеризуйте композицию 4—5 жанров, относящихся к трем родам литературы:

Эпос	Лирика	Драма
поэма, рассказ, житие, летопись, былина, роман в письмах, баллада, легенда, сага, эда и пр.	элегия, дружеское послание, эпиграмма, эпитафия, сонет, пародия, пастораль, лирическая проза и пр.	водевиль, трагедия (древнегреческая), киносценарий, комедия масок и пр.

Отнесите следующие литературные жанры к родам, которые указаны выше.

Гимн, новелла, частушка, пейзаж, эссе, пословица, притча, панегирик, автобиографическая повесть, заговор, анекдот, философский роман, научно-фантастическая повесть, гражданская поэзия, ода, рубаи, памфлет, псалмы, духовный стих, плач, свадебные песни.

В случае затруднения выпишите жанр отдельно. Возможно, вы отнесете их в такие рубрики: ритуальные и обрядовые тексты, эпистолярные

жанры, интимная лирика, публицистические жанры, жанры научных произведений (монография и пр.), дидактическая, поучительная литература, житийная литература, жанры современного телевидения, научно-фантастический жанр, народная песня, мифология, мифы народов мира, лубочная литература, лиро-эпические жанры, приключенческая и детективная литература, жанры японской, китайской, корейской поэзии.

33. Определите жанры следующих произведений. Укажите признаки, по которым вы определили жанры этих произведений.

1. Г. Р. Державин «Человек». 2. В. Шекспир «Гамлет». 3. А. Ахматова «Реквием». 4. И. А. Бунин «Темные аллеи». 5. Платон А. «Федр». 6. Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». 7. Нестор «Повесть временных лет». 8. И. П. Павлов «Павловские среды». 9. М. А. Булгаков «Театральный роман». 10. М. В. Ломоносов «Краткое руководство к красноречию». 11. А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц». 12. К. Д. Ушинский «Детский мир». 13. Т. Г. Шевченко «Завещание». 14. А. И. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ». 15. К. И. Чуковский «Дневник. 1930—1969». 16. Л. Н. Толстой «Не могу молчать». 17. М. Т. Цицерон «Брут». 18. А. П. Чехов «Три сестры». 19. Вольтер «Кандид». 20. У. Уитмен «Листья травы».

Если окажется, что некоторые произведения из этого списка вам неизвестны, замените их по своему выбору.

Одно из произведений охарактеризуйте письменно.

34. Попробуйте свои силы в раскрытии одной темы в разных жанрах; тема предлагается несезонная: умер друг, талантливый музыкант, композитор. Вот четыре варианта:

1. Письмо моему лучшему другу, знавшему умершего.
2. Статья в журнале, в газете — некролог.
3. Приглашение на гражданскую панихиду.
4. Запись в личном дневнике.

Отметьте по 2—3 особенности построения и языка каждого из вариантов. Тему можете выбрать и другую: скажем, не похороны, а свадьба.

35. Продолжите перечень жанров, типов текста, обладающих устойчивой структурой и необходимых каждому образованному человеку, независимо от его профессии.

1. Дружеское письмо.
2. Заявление.
3. Автобиография.

То же задание предложите профессионалу: журналисту, офицеру-священнику, врачу и др. по вашему выбору.

Перечень профессий: референт директора завода, радист на корабле, театральный критик, психолог, работающий на телефоне доверия, гид-экскурсовод, директор общеобразовательной школы, воспитательница детского сада, депутат Государственной Думы и пр.

Указать следует и письменные тексты, и устные высказывания.

Примечание: студенты должны знать, что разные ведомства выпускают образцы документов и заполнения бланков, имеющих хождение в сфере их компетенции.

Разделы (каноны) классической риторики это:

Инвенция — изобретение; диспозиция — расположение; элокуция — словесное, языковое выражение, культура речи; мемория — память, запоминание; акция — исполнение, оратория; строга хрия — доказательство.

Ступени работы над темой сочинения (в то же время построение сочинения):

1. Приступ.
2. Изъяснение темы.
3. Причины.
4. Противное.
5. Подobie.
6. Пример.
7. Свидетельство.
8. Заключение.

Схема дедуктивного рассуждения

Теза (тезис)	Развитие тезиса	Вывод
	Аргументы, подтверждающие или опровергающие тезис, — до 20 и более видов доказательств и опровержений.	

Приемы аргументации в рассуждении, доказательстве или опровержении:

Анализ, разъяснение или критика самой формулировки тезиса. Обнаружение противоречий в тезисе; двойное понимание тезиса и другие ошибки.

Приведение аналогий, выделение новизны в тезисе. Или, наоборот, доказательство повторов в нем.

История вопроса: цель — развитие идеи, заложенной в тезисе; выяснение вклада предшественников, перспектив дальнейшего поиска истины.

Анализ литературы, имеющей прямое отношение к теме или косвенное. Сравнение новой идеи, заключенной в тезисе, с толкованием темы в книгах, статьях других авторов.

Ссылки на мнение авторитетов, общественное мнение и пр.

Приведение конкретных ситуаций из прошлого, истории, литературы, прессы.

Переводы с иностранных языков (апелляция к мировой науке и практике).

Различного рода сопоставления, сравнения, противопоставления.

Приведение фактов из личного опыта или из опыта хорошо известных автору людей.

Доведение логики оппонента до абсурда (Сократов метод: он так строил диалог, спор, чтобы его противник сам пришел к абсурдному выводу).

Проведение специального поиска, эксперимента; доказательство тезиса через результат этого поиска.

Нахождение ошибок в рассуждениях оппонента. Доказательство ошибочности его рассуждений.

Подавление оппонентов своей эрудицией, богатством и разнообразием знаний, памятью, остроумием, легкостью импровизации, образностью языка. Особенно эффективно в варианте «мозгового штурма», выступления группы единомышленников.

Использование проверенных веками методов доказательства: логики, диалектики, математики; авторитет последней особенно высок. Но необходимо корректно ее использовать, что особенно трудно в гуманитарных науках, где действуют не детерминированные зависимости между явлениями, как в естественных науках, а законы общих тенденций. Например, типичная ошибка применения математической статистики — малый объем выборки, т. е. малое количество фактов, не обеспечивающее надежности вывода.

Авторитет признанных экспертов, экспертных групп и советов, служб аналитиков, имеющих специальную подготовку.

Использование информационных систем.

Выдвижение новых гипотез, опирающихся на обсуждаемую теорию на основе профессиональной интуиции: не исключено, что такая гипотеза подтвердится, и это будет неплохая поддержка спорной теории.

Использование средств изобразительного и акустического воздействия на слушателей и спорщиков, оппонентов (чертежи, картины, звукозапись).

Индуктивное доказательство по схеме:

накопление фактов, аргументов,	вывод
их логическое выстраивание	

Признаки функциональных типов речи

Повествование	Описание	Рассуждение
<i>А. Функции</i>		
Изображение жизни во времени и пространстве	Образ, картины, признаки	Анализ, обобщение, доказательства и пр.
<i>Б. Сфера применения</i>		
Художественная литература, история, реже — деловой мир	Поэзия, отчасти — проза, реже — наука	Наука, деловой мир
<i>В. Жанры (преимущественно)</i>		
Эпические, драматические	Пейзажная лирика, пейзаж в повести	Научные монографии, статьи

Г. Сюжет, действие

Да; бывает несколько сюжетных линий	Нет	Редко
-------------------------------------	-----	-------

Д. Размеры

Любые, до многотомных романов-эпопей	Малые	Любовные до многих томов
--------------------------------------	-------	--------------------------

Е. Структура, композиция

Обычно сложная, даже усложненная	Изобразительная, реже логическая	Строгая, логическая
----------------------------------	----------------------------------	---------------------

Ж. Смешение типов речи

Высокий уровень смешения	Низкий уровень	Низкий уровень
--------------------------	----------------	----------------

36. Попробуйте написать сочинение по хрии: тема — из пособий XIX в.:

Не бойся едких осуждений,
Но упоительных похвал.

(Гаврилов И. В. Стилистические задачи. — СПб., 1883).

Ответьте: хрия помогает или мешает? Любой ответ надо обосновать.

37. Дедуктивное рассуждение не подвергалось критике никогда. Составьте подробный план такого рассуждения на тему по выбору (см. главу 11). Четко укажите, какие приемы аргументации из перечня, данного в части 55, вы использовали. Полный текст писать не обязательно, следует выступить устно, если не во всем объеме, то по одной из частей.

38. Составьте таблицу типов речи (текстов, документов, устойчивых оборотов речи по специальности вашего факультета). Выберите пять наиболее убедительных примеров для вашей будущей специальности и охарактеризуйте их по следующим пунктам:

- ситуации, в которых они используются;
- социальная, юридическая, профессиональная роль, функция;
- структура, схема, особенности языковых средств;
- терминология (слова, словосочетания);
- воздействует ли на эмоциональную, логическую, эстетическую, деловую сферы.

39. Перечислите повествовательные жанры в художественной, публицистической, научной литературе.

Каждый человек — немножко писатель в том смысле, что несет в себе творческое начало. Ведь, в сущности, любой речемыслительный акт — это творчество. Почему бы вам не испробовать

свои силы в стихотворном оформлении этого акта. Что же для этого нужно?

Во-первых, нужна мысль, которая хочет вырваться на свободу.

Во-вторых, раскованность, остроумие, чувство юмора или, наоборот, пафос — «Ювеналов бич» (Ювенал — римский сатирик).

В-третьих, нужно чувство ритма или хотя бы умение сосчитать ударные и безударные слоги в строчках стихов.

Наконец, возможно, что это самое трудное, необходимо умение выбирать самые точные и выразительные слова — слова, способные «сердца тревожить».

Советуем начать с шутки, юмора: это легче всего.

Глава 13. МАТЕРИАЛЫ К РАЗДЕЛУ «ЭЛОКУЦИЯ». КУЛЬТУРА РЕЧИ

57. Стилистика

Стили — разновидности языка, обусловленные сферами его использования, целями высказываний, жанрами, личностными предпочтениями говорящих.

Стилистика как наука разграничивает стили языка (стилистическая норма) и стилистические окраски речи, где норма допускает поиск выразительных средств. Наука о стилях возникла вместе с риторикой, они неразрывны и поныне: в сущности, вся элокуция — это стилистика и поэтика.

Школьная программа по стилистике достаточна для нужд риторического курса (как и программы по грамматике, лексике, фразеологии, поэтике), поэтому теоретический материал по этим отраслям языкознания здесь будет лишь повторяться в практических занятиях, а также в «Перечнях».

Стилистика занимается самыми тонкими оттенками значений слов и других единиц языка, особенно стилистика художественной речи, поэтому она — ключ к мастерству. Вся она — это творчество.

В сущности, стилистика безгранична и в лексике (слова высокого или низкого стиля), и в грамматических формах, вся фразеология пропитана стилистикой, даже фонетика, особенно интонация, тонко выражает стилистические значения. Недаром слово *стилист* имеет одобрительный оттенок.

Для риторики важно еще одно значение слова *стиль* — совокупность приемов использования средств языка, характерная для отдельного лица, произведения, литературного направления: стиль Тургенева, былинный стиль, стиль романтический (начало XIX в.). Это значение имел в виду Н. А. Некрасов:

Форме дай щедрую дань
Временем: важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.

(Подражание Шиллеру)

40. В 4-томном «Словаре русского языка» дано пять значений слова *стиль*. Выпишите эти значения в порядке их сужения, в правом столбце укажите лидирующую область применения, например:

Функциональная разновидность
литературного языка

Культура речи

Затем в левый столбец запишите стили языка по В. В. Виноградову, Р. А. Будагову, М. Н. Кожинной, а в правый — стили речи, их варианты.

Как вы понимаете стилистическую норму? Распространяется ли она на стили речи? Почему В. В. Виноградов стилистику художественной литературы выделил особо, не включив соответствующий стиль ни в стили языка, ни в стили речи?

41. В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» найдите примеры следующих стилей.

Нейтральный стиль; официальный, высокий стиль; эпистолярный стиль в его вариантах: дружеская, официальная, деловая переписка; разговорно-бытовой стиль в вариантах: салонный, семейный, солдатский, деревенский и пр.; ложный пафос; имитация народной речи; строгий научный стиль; элементы просторечия; стилистические особенности речи военных; индивидуальные стили персонажей: Платона Каратаева, князя Николая Болконского, Пьера Безухова в моменты волнения, М. И. Кутузова, В. Денисова, по вашему выбору.

Попытайтесь выяснить (приблизительно), какой объем текста нужен для характеристики индивидуального стиля.

42. Предложенный текст порожден определенной ситуацией. Здесь усложненный дискурс, проанализируйте его. В помощь вам предлагаются вопросы: на какие части распадается разговор? Что «за кадром»? Можно ли что-либо сказать о характерах персонажей? В каком стилевом ключе идет разговор? Что вы скажете об этике и этикете?

Основное задание: отметить все стилистические особенности речи, всего текста.

— Я слушаю.

— Это вы, Мария Ивановна?

— Да, это я. А с кем я говорю?

— Я Митя, Сережин друг. Здравствуйте, Мария Ивановна!

— Здравствуй, Митя. Тебе Сережу?

— Да, если можно.

— Сейчас позову.

— Алло! Митя, я слушаю.

— Сережа, вчера была защита курсовых, так всем нам в пример ставили твою работу. Ты меня слышишь?

- Да слышу, слышу.
- А почему молчишь?
- А что мне говорить? Работа как работа. И что это вздумали ее хвалить, даже неудобно получается.
- Ну, не скромничай! Работа интересная. Принеси ее завтра почитать.
- Хорошо, принесу, а сейчас прости, меня ждут. Всего!
- До завтра.

Обратите внимание: здесь нет авторских слов. Следовательно вся информация, необходимая для анализа дискурса, содержится в репликах.

43. Устно охарактеризуйте стилистические признаки речи в следующих ситуациях:

1. Текст инструкции по уходу за бытовым электроприбором (например, холодильником).
2. Письмо солдата срочной службы своим родителям.
3. Богослужение в православной церкви.
4. Дневниковая запись немолодого артиста после успешного спектакля.
5. Разговор детей младшего школьного возраста (свободное общение).
6. Ответ ученика XI класса на уроке литературы.
7. Речь политического деятеля на митинге.
8. Телеграмма делового содержания.

Если сможете, то укажите, к какому из стилей языка можно отнести указанные тексты.

44. Рассмотрите в словарях синонимов (З.А.Александровой или под ред. Е.П.Евгеньевой) стилистические пометы в скобках: прост., шутил., грубо-простореч., высок., разг., книжн., ирон., устар., неодобр., пренебр., нов., спец. и др.

Составьте собственные тексты со словами, имеющими такие пометы. В вашем тексте они должны оправдать себя. Один из текстов запишите.

Образец: *Лет ему эдак за 50. Эдак* (разг.).

Работа выполнена на крайне низком уровне. На низком уровне (канц.).

45. Составьте и запишите:

1. Заявление в деканат о своем желании заниматься по индивидуальному плану (должны быть обоснования, мотивировка).
2. Ответ на письмо друга, подруги.
3. Приглашение родителей на свадьбу дочери.
4. Отчет о командировке в Великобританию; командировка на три месяца, отчитывается инженер-энегетик.
5. Любой текст, выдержанный в высоком стиле, обращенный к высшему лицу (начало XIX в.).

6. Отрывок из мемуаров пожилого человека (расцвет его деятельности приходится на 50-е годы XX в.).

7. Лирические строки в стихах или в прозе (стиль поэтический, образный, насыщенный иносказаниями, аллегориями).

Дайте устный комментарий.

58. Стилистика художественного текста

Эту область стилистики принято выделять особо, во-первых, потому, что она древнее других, во-вторых, потому, что она выполняет эстетическую функцию. Средства художественного стиля противостоят стандартизации, они — результат поиска, выбора, творчества. Художественная литература, с одной стороны, служит основой формирования языковой нормы, выполняет охранительную функцию в языковых процессах, с другой — допускает выход за строгие рамки нормы, как то: употребление диалектов и просторечия в необходимых случаях, например в речи персонажей; использование иноязычной лексики (нормативное, а подчас — искаженное); создание окказиональных неологизмов, не зафиксированных толковыми словарями оттенков значения слов; создание бесчисленных тропов, аллегорий, гипербола, местоимений и многого другого.

Художественный эффект достигается созданием индивидуального своеобраза и в использовании нормативных форм языка: манерой построения текста и его расположения (например, дробное деление текста на абзацы, расположение стихотворных строк, ритмика речи, рифмы, повторы); системой интонаций, особенно — эмоциональных, что очень важно в устном исполнении, в театре, в музыкальной интерпретации, в экранных вариантах и пр.

Исследованию художественного мастерства писателей посвящены крупнейшие труды лингвистов, литературоведов: В.В.Виноградова, Ю.Тынянова, Р.Якобсона, Ю.М.Лотмана, А.И.Ефимова. Можно в этом потоке выделить исследования индивидуального мастерства Н.А.Некрасова, М.Ю.Лермонтова, М.А.Шолохова и многих других, общие своды правил, фигур, тропов, выбора синонимических средств, построения фразы и т.д.

В последние десятилетия в вузах, а отчасти — и в общеобразовательных школах используется лингвистический анализ художественного текста (Л.А.Новиков, Н.М.Шанский). Лучший способ совершенствования культуры своей речи — погружаться в атмосферу языкового мастерства поэтов, писателей, ораторов — людей одаренных, нашей интеллектуальной и художественной элиты: «следить за мыслью великого человека» (А.С.Пушкин).

Схема анализа художественного произведения.

1. Прочтение выбранного произведения «про себя» и вслух (синтетическое, целостное, восприятие). Общая эстетическая оценка.

2. По возможности полное понимание смысла, авторского замысла и общего, и в деталях. Понимание потока жизни и анализируемого текста в этом потоке.

3. «Путь разыскания значений слов, оборотов, ударений, ритмов» (Л. В. Щерба). Своеобразная инвентаризация языковых средств, создающих художественный стиль произведения.

4. Выполнение пункта 3 следует ориентировать не на перечни поэтических средств, а на их роль, выполняемую в самом изучаемом произведении.

5. Анализ текста как языковой ткани произведения: его толкование в развитии авторского замысла.

6. Замысел, пафос, образы, язык. Определение лингвистической сущности:

- а) устаревших слов и оборотов, фразеологии;
- б) фактов поэтической символики;
- в) диалектизм, профессионализм, терминов, особенно тех, которые трудно понимаются современным читателем;
- г) индивидуально-авторских элементов в области семантики, словообразования, сочетаемости слов, грамматического формообразования;
- д) современных синтаксических конструкций, их выразительных возможностей;
- е) общего понимания языка «как формы эстетического освоения действительности» (Л. А. Новиков);
- ж) анализа интонаций, фразовых ударений, тембра голоса, насколько это возможно при чтении.

46. Попробуйте применить предложенную схему к анализу хорошо вам знакомых произведений литературы XIX в., затем — к анализу малознакомых произведений. Примеры первой группы: «Смерть поэта» М. Ю. Лермонтова, «Хамелеон» А. П. Чехова; примеры потруднее: «Возмездие» (Вступление) А. А. Блока, «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына.

47. Поупражняйтесь в выразительном чтении стихов и прозы. Выберите произведения разных эпох, жанров, авторов, например:
- а) что-нибудь Г. Р. Державина, из поэзии XVIII в.;
 - б) стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, XIX в.;
 - в) диалоги из прозы Ф. М. Достоевского;
 - г) рассказы А. П. Чехова, А. И. Kupина, И. А. Бунина;
 - д) стихи М. И. Цветаевой, С. А. Есенина, И. Сельвинского, XX в., и пр.

При подготовке к выразительному чтению используйте пункты языкового анализа. Оценивая прочтение, постарайтесь связать интонации со своим желанием сделать те или иные акценты, что-то подчеркнуть голосом, каким-то оттенком интонации и тембра, создать патетические, непринужденные, иронические коннотации и пр.

48. Охарактеризуйте индивидуальное своеобразие языка и стиля следующих писателей и использованных ими жанров.

1. А. П. Чехов. Дружеская и деловая переписка.
2. «Слово о полку Игореве»: сравнить переводы на современный русский язык Н. Заболоцкого и В. Жуковского.
3. Устные рассказы И. Л. Андроникова по выбору.
4. В. Ходасевич. «Путем зерна» или по выбору.
5. Тэффи (Н. А. Лохвицкая). «Ностальгия», рассказы, воспоминания.
6. А. Платонов «Котлован».
7. В. Маяковский, по выбору.
8. А. И. Солженицын «Раковый корпус».
9. В. Распутин «Живи и помни».
- Или другие авторы по выбору.

49. Напишите реферат, в течение двух недель в него не заглядывайте, затем подредактируйте, подшлифуйте и выступите с ним как докладчик, лектор, оратор. Продолжительность выступления до 20 минут.

Широкая тема — стилистика художественной речи. Узкие темы:

1. Стилистическое мастерство (моего любимого писателя).
2. Средства поэтического стиля (поэтика).
3. Аллегория: мастерство ее использования.
4. Аллюзия: мастерство ее использования в литературе и в жизни.

Темы даны на выбор, можно взять свою.

Главное впереди: это самооценка выступления по схеме:

Синтетическая оценка: речь удалась или не удалась.

Контакт с аудиторией был — был, но слабый, — его не было.

Меня поняли, со мной согласились — не поняли, не согласились.

Как я держался во время речи? В каком эмоциональном состоянии ухожу из аудитории?

Предположим, что выступление прошло хорошо. Но оратор не испытывает полной удовлетворенности. Какой-то червячок гложет его: это неосознанная тревожность не дает покоя. Найти ее, понять причину — это уже задача детальной, аналитической оценки.

Аналитическая оценка:

1. Как аудитория встретила оратора? — Доброжелательно. Равнодушно. Сдержанно. Недоверчиво. Неприязненно. С открытой враждебностью.

2. Как началась речь? Вызвала ли вводная часть заинтересованность, оживление, настороженность, безразличие, неприятие?

3. Как можно охарактеризовать настроение аудитории на протяжении речи? Оно изменялось в пользу оратора или наоборот? В каких частях речи оратора это можно было заметить? Как это выразилось? Возможные причины этого отношения.

4. Если аудитория реагировала отрицательно как в целом, так и на отдельные части речи оратора, то чем это могло быть вызвано?

5. Как сам оратор реагировал на неудачи или на успех?

6. Как он сам оценивает выбор темы, ее раскрытие, свою позицию; план, композицию, логику, начало, окончание? Если оратор оценивает это все положительно, то как объяснить неудачу в целом?

7. Как оратор оценивает свою устную речь: дыхание (не хватало глубины дыхания, было затруднено дыхание через носовую полость и пр.), были ли вынужденные паузы для вдоха, что можно сказать о громкости, плавности речи, темпе? Свободно лилась речь или с запинками, поправками, повторами, не было ли излишнего напряжения, или вялости, или излишнего упрощения, фамильярности?

8. Как аудитория отзывалась на примеры, обращения, шутки, вставные сюжеты?

9. Как держался оратор: было ли заметно волнение, не поправлял ли галстук, не злоупотреблял ли жестами, мимикой?

10. Какие уроки можно извлечь из этого пробного выступления?

Постоянное общение с людьми, хорошо владеющими языком, с безупречным произношением, с людьми, умеющими владеть собой, мастерами слова, не лишенными артистизма, — необходимое условие культуры речи личности, ее индивидуальности, своеобразного шарма, обаяния.

59. Выбор слова

В главе 9 «Неориторика» кратко описаны три теории (гипотезы?) выбора слова. Во всех трех случаях существенную роль играет фактор огромной тренировки, высокого уровня автоматизма, активизированности словаря в памяти говорящего, пишущего.

Самое необходимое умение — в сотую долю секунды из многих тысяч слов выбрать не только **нужное** слово, адекватное замыслу, но и самое **лучшее**. Такое умение может быть достигнуто только на основе исключительно тонкого знания семантики: значений и оттенков слов, их сочетаемости, и достигается оно на основе языкового опыта — аудирования и построения речевых конструкций, а также чтения литературы, наконец, изучения языковых курсов — грамматики, лексики, культуры речи.

Условия успешного выбора слов:

- а) богатство лексического запаса в речевой памяти человека;
- б) постоянная активизация словаря, преобладание активизированного словаря над пассивным словарем;
- в) натренированный механизм поиска слова, выбора и оценки выбранного слова (необходимо приучать себя не использовать случайное слово);
- г) критический самоанализ в итоге речи.

Каналы подготовки к этим умениям, сознательному выбору слова: психологическая установка, ясная, осознанная цель; со-

здание дома библиотечки словарей, выработка потребности пользоваться ими постоянно, ежедневно; внимание к писательскому, авторскому выбору слова, умение при чтении следить не только за развитием сюжета, но и за выбором слов; наконец, выполнение специальных упражнений в выборе слов из ряда синонимов, редактирование текста — своего и чужого.

50. Для ознакомления со словарями ответьте на вопросы:

1. Что означает понятие «лексическая норма»?
2. Какие вы знаете словари, обеспечивающие лексическую норму (от академических толковых до словарей личных имен, названий жителей городов, регионов)?
3. Охарактеризуйте словари трудностей русского языка (например, словарь-справочник «Трудности употребления слов и варианты норм русского литературного языка» под ред. К. С. Горбачевича).
4. Охарактеризуйте: словник на примере одного из словарей; словарную статью в академическом «Словаре русского языка» в 4-х томах (что в словаре показано, что истолковано). Выберите статью посложнее, где были бы варианты самого слова или ударений, грамматических форм, где было бы истолковано не менее 3-х значений, показаны оттенки значений слова, фразеология и пр.

51. Подберите по несколько примеров и заполните графы таблицы.

Слова-омонимы	Однозначные слова	Многозначные слова	Слова с фразеологическими связанными значениями

52. Потренируйтесь в составлении тематических словников, опираясь на оттенки значений слов. Тема «Ландшафт, пейзаж, простор полей». В каждой группе даются примеры, но добавьте свои слова.

1. Архаичные: *орáтай, степь раздольная* и пр.
 2. Иноязычные: *ландшафт, гербарий* и пр.
 3. Узкоспециальные: *культиватор, костри́ка* и пр.
 4. Редкие: *супески, в ночном* и пр.
 5. Из крестьянского быта: *косовица, страда* и пр.
 6. Дialeктные: *сúпрядки; Айда на топанину по кряжики* (В. Астафьев).
 7. Поэтические: *Колокольчики мои, цветики степные* (В. К. Толстой).
 8. Термины: *перспектива, теодолит* и пр.
 9. Нейтральные: *посевы, нива* и пр.
- Попытайтесь составить небольшой текст на тему «Просторы полей».
53. Паронимы — смешиваемые слова, разграничьте их значения, составьте с ними предложения.

Будний—будничный, явно—явственно, обосновать (обосновывать)—основать (основывать), надеть (надевать)—одеть (одевать), каменный—каменный, желанный—желательный, факт—фактор, доверие—доверчивость, человеческий—человечный, романтический—романный, логический—логичный, царский—царственный, жизненный—житейский, дельный—деловой, гуманный—гуманистический, максимальный—максималистский, рыбный—рыбный, черепичный—черепитчатый.

Подберите сами 10 пар паронимов, пользуйтесь словарями, пособиями.

Антонимы различаются: полные, симметричные, например *любовь — ненависть*, и неполные, квазиантонимы. В этих парах симметрия нарушена: *любовь — отвращение, антипатия*.

Слова противопоставляются и по их переносным значениям: *небо — земля, свадьба — похороны*.

54. Подберите антонимы к данным ниже словам, продолжив заполнение таблицы.

Образец:

Полные	Квазиантонимы	Контекстуальные
<i>утро — вечер</i>	<i>утро — сумерки</i>	<i>утро жизни — сумерки жизни</i>

Злоба, высоко, юность, тьма, юго-запад, легкомысленный, мудрый, упасть, спать, человек, жесткий, максимизм, правда, жизнь, образование, найти, слабый, кричать, трезветь, нищий (сущ.).

55. Разграничьте слова, смешиваемые по оттенкам значения: это могут быть синонимы, но не во всех случаях.

Пустословие — многословие — словоблудие — красноречие.
Говорливый — словоохотливый — многоречивый — болтливый.

Родина — отчизна — отечество.
Сверкает — сияет — блещет.
Рабство — неволя — несвобода — угнетение — гнет — плен.
Ложь — неправда — клевета — поклеп — лжесвидетельство.
Вестибюль — передняя — фойе — рекреация — предбанник.
Сравнение — сопоставление — параллель — аналогия — ассоциация.

Образец — стандарт — модель — парадигма.
Клиника — поликлиника — амбулатория — лечебница.
Вокализ — вокализм — вокал — вокалист.
Мелодия — мелодика — мелодичность — меломания.
Образ — изображение — образность — изобразительность.
Звук — звучность — звучание.

Изменник — предатель — перебежчик.
Коммуникация — коммуникативность — коммуникатор.
Компетентность — осведомленность — знание — образованность — ученость.

История — историография — историчность — историзм.
Роман — романтизм — романтическая.
Талант — талантливость — одаренность — способность — дар.
Интеллигент — интеллигентность — интеллектуал — интеллект.

56. Раскройте многозначность слов по следующим их способностям:

Слово	Его 2-е, 3-е и другие значения по нормативным словарям	Переносные значения	Фразеологические единицы
-------	--	---------------------	--------------------------

Золото, среда, печать, земля, рука, ручка, звено, летать, ползать, молчание, рыба, бык, рак, дом, кровь, стоять, мысль, воображение, рынок, стареть, тайна, время, влево, начерно, направо, подниматься, белый, единица, перевести, взор.

57. Постройте антитезы объемом в одно предложение или в несколько предложений: а) три с полными антонимическими парами; б) три с квазиантонимами; в) три с контекстуальными антонимами, когда противопоставляются переносные значения.

Оцените их по критерию «логическая точность/оригинальность и выразительность», запишите свой вывод.

Далее предстоит работа с синонимами — словами, выражающими одно и то же понятие, следовательно, тождественными или близкими по значению. Эти слова образуют синонимический ряд (или гнездо) с доминантой во главе. Она, как правило, стилистически нейтральна, а члены синонимического ряда имеют семантические и стилистические оттенки, окраски, многие члены ряда экспрессивны, например фразеологические сочетания.

Пример синонимического ряда:

Небрежно, кое-как, халатно, наплевать (разг.), неряшливо, недобросовестно, как попало, вкривь и вкось (разг.), шалая-валяя (прост.), тяп-ляп (прост.), спустя рукава (разг.), нехоту (стар.).

Синонимический ряд дает огромные возможности для выбора.

58. I. Подберите синонимы к данным словам-доминантам.

Банальный, ересь, загрязнять, много, неизбежный, словарь, фильм, язык (с учетом многозначности: три значения, следовательно, 3 ряда), огонь (3 значения), враг, жаловаться, языковед, лицемер, много, одежда, убить, горевать, сурово, шалить, хвалить, частично, давно, печальный.

II. Выберите три синонимических ряда и составьте с каждым синонимом предложение — такое, чтобы более или менее отчетливо выражался оттенок значения синонима, его экспрессия.

Образец:

Хвалить, восхвалять, возносить до небес.

Учительница хвалила Колю за наблюдательность и догадливость.

Этот подхалим восхвалял Сергея Николаевича без меры.

Уж его выхваливал, пел ему дифирамбы, возносил его до небес;
стыдно было слушать, это уже звучало как ирония.

Синонимические ряды надо выбрать самостоятельно.

III. Сравните синонимические словари Н.Абрамова, З.Е.Александровой, под ред. А.П.Евгеньевой (см. списки словарей в конце данной книги) по следующим показателям: а) полнота словника; б) структура словарной статьи; в) пометы; г) текстовые иллюстрации; д) толкование.

Фразеологические единицы (ФЕ) (во фразеологических словарях их представлено до 7 тысяч) по значению адекватны словам и обычно бывают им синонимичны: *кричать громко* — *кричать на всю Ивановскую*, *очень плохо* — *хуже некуда*. Но ФЕ эмоционально окрашены, часто юмористичны, имеют отчетливо выраженные сферы употребления.

59. Поработайте с фразеологическими словарями (см. перечни словарей), обратите внимание на:

- а) источники ФЕ, откуда они пришли, как могли образоваться;
- б) их стилистическую принадлежность;
- в) их экспрессию, выразительность;
- г) текстовые иллюстрации, где показано их употребление.

Объясните значение и, если сможете, происхождение следующих ФЕ.

Как белка в колесе, по велению души, по шущему велению, стоит фертом, глядит чертом, дать дуба, если бы да кабы, от звонка до звонка, кошачий концерт, ирония судьбы, лезет на стену, как мухи на мед, око недреманное, перемена декораций, распустил павлиний хвост, семеро по лавкам, сматывать удочки, танцевать от печки, устилать путь розами, хвататься за соломинку, Фома неверующий, испить горькую чашу, испить чашу до дна, шекотать нервы, язык хорошо подвешен, не все коту масленица, на душе кошки скребут, рука руку моет.

Фразеология украшает речь, но современные говорящие сравнительно редко пользуются ФЕ, особенно в литературно-разговорном стиле, чаще — в быту.

Но понимать ФЕ и уметь их уместно использовать должен каждый.

Поэтому — задание: составить текст на произвольную тему, употребив в нем одну из приведенных в задании 59 ФЕ.

Можно — два-три текста. А лучше организовать конкурс на использование фразеологии в творческих текстах с присуждением призов.

Крылатыми словами (КС) называют устойчивые обороты речи, близкие к фразеологии, часто международные, пришедшие из

мифологии, классической литературы, библейских текстов, истории, науки, профессиональной деятельности и пр.

60. I. Укажите источники и объясните значение следующих крылатых слов.

В тени пирамид; падший ангел; горе от ума; Мафусаиловы веки; я умываю руки; и ты, Брут!; кесарю — кесарево; добрый молодец; не сотвори себе кумира; что станет говорить княгиня Марья Алексевна; китайская грамота; лебедь, рак да щука; применительно к подлости; карету мне, карету; Давид и Голиаф; лисица видит сыр; эзопов язык; нести свой крест; хлеб наш насущный.

II. Составьте текст и употребите в нем данные ниже слова.

Спящая красавица, принцесса на горошине, гадкий утенок, скупой рыцарь, леди Макбет, Дон Кихот Ламанчский, застывшая музыка, не хлебом единым, живой труп, за что арапа своего младая любит Дездемона?

Для справок (из славянской мифологии):

Баба Яга, мать — сыра земля, *кикимора болотная, соловей-разбойник, живая и мертвая вода, цвет папоротника, жар-птица, громы небесные, вурдалак* — упырь, *Змей Горыныч, Кощей Бессмертный, разрыв-трава, правда и кривда, при царе Горохе, оборотень, идолище поганое, царевна-лягушка, меч-кладенец, серый волк, Василиса Прекрасная, Чернобыль* — трава забвения.

Поработайте с книгой: Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова (любое издание).

60. Работа над грамматическими трудностями

Элементарная, «школьная», грамматика дает лишь общие правила формообразования слов, изменяя их по падежам, временам и пр. Этот материал имеет огромное значение для правильного языкопользования, его культуры. Но в языке насчитывается по меньшей мере десять тысяч случаев, которые дают ошибки (данные из кн.: Еськова Н.А. «Краткий словарь трудностей. Грамматические трудности. Ударения. — М., 1994), а в более крупных словарях зафиксировано до 30 тысяч таких случаев, например, невозможность образования некоторых форм: от глагола *победить* не образуется форма будущего времени 1-го лица, но форма 1-го лица множественного числа вполне корректна: *мы победим*.

Варианты образования форм, приводящие к нарушению семантики: *уполномочить* — *уполномочивать*, не «уполномачивать», в нарушение общего правила: *подбросить* — *подбрасывать*.

Колебания ударения в образовании грамматических форм: краткая форма множественного числа прилагательного *кислый* — *кис-лы* предпочтительна в сравнении с *кислы́*.

Трудности образования форм: *слечь* — *слягу*, *сляжешь*, *слягут*, форма повелительного наклонения — *сляг*, форма прошедшего времени — *сleg*, *сlegла*, причастие — *сlegший*.

У говорящего и пишущего возникают сомнения: *законч* или *закончи*, *обусловливат* или *обуславливат*, какова форма родительного падежа *немо́ты* или *немоты́*, от *черти́ть* — *черче́нный* или *че́рченый*, от *немолодой* — *немо́лоды* или *немолоды́*?

Словари трудностей предназначены для проверки, но в быстрой речи они не помогут, волей-неволей приходится полагаться на языковую память, чутье, интуицию, которые накапливаются постепенно в речевой практике.

Трудность и в том, что бо́льшая часть так называемых «трудностей» — это отклонения от правил, те злополучные исключения, которые так трудно запомнить, так как память человека очень легко усваивает правилосообразные, продуктивные модели формообразования (и словообразования) и сопротивляется всему тому, что не закономерно.

61. Просклоняйте в единственном и множественном числах следующие имена существительные.

Одеяло, юноша, полведра, спрос, спутник (одушевл.), манжета, полгода, трудность, ястреб, погон, по́дать, робот, растеряха, низи́на («низкое место»), низина́ («малый рост»).

Запишите не менее десяти имен существительных, в склонении которых вы встречаете трудности.

62. I. Просклоняйте имена числительные.

Полтора, полторы, полтора́ста, 787, четверо, восьме́ро, человек 80 лет, двухты́сячный год, 2002-й год, семь целых пять десятых.

II. Составьте текст. Введите формы косвенных падежей составных числительных в этот текст.

Примечание: в научных и деловых текстах формы косвенных падежей имен числительных неупотребительны.

63. Просклоняйте местоимения, введите формы косвенных падежей в любой текст (с предлогами или без них).

Я, она, вы, чей, чьи, свой, тот, что, некий, ты, оно, они, чья, мой, чей-то, сколько, никто, какой-то, он, мы, себя, чье, твой, этот, который, ничто.

64. Образуйте видовые пары в инфинитиве от личных форм следующих глаголов.

Бегу, поглядываю, начну, начинаешь, попытайся, выбираю, излечился, бегаю, смотрю, лечу (два значения), подстерегая, оха-

рактируйте, искалечился, (он) взовьется, гляжу, начинаю, начнешь, подстерегу, выберу, лечится, взвился.

Объясните значения глаголов совершенного/несовершенного видов, покажите это на своих текстовых примерах.

65. Образуйте причастия действительные и страдательные совершенного и несовершенного видов от следующих глаголов (не забудьте, что не каждый глагол даст все названные формы).

Глагол в инфинитиве	Действительное причастие настоящего и прошедшего времени	Стандартное причастие настоящего и прошедшего времени
<i>Нака́пливать</i>	<i>накапливающий, накапливавший</i>	<i>накапливаемый</i> (прошедшего времени не имеет)

Читать, прочитать, взвешивать, взвешиваться, перешагнуть, течь, есть, свистеть, шить, смотреть, спать, перепрыгивать, внушить, возникнуть, смяться.

Примечание: некоторые причастия нелегко выговорить: потренируйтесь в их произношении отдельно и в предложениях.

66. I. Просклоняйте словосочетания «причастие + существительное», отчетливо выговаривая слова.

Разволновавшееся море; кочующее племя; всем надоевшее поучение; неприемлемое предложение.

II. Составьте текст. Введите в него следующие пары слов.

Взволновано — взволнованно, напряжено — напряженно, осмыслено — осмысленно, осознано — осознанно, сковано, расковано — скованно, раскованно.

Объясните значение и образование как первых, так и вторых.

67. I. Образуйте наречия от следующих частей речи.

Образец:

Часть речи	Наречие	Как образовалось
<i>Вечер</i> (сущ.)	<i>вечером</i>	форма творительного падежа в текстах приобрела значение времени

Блестящий, воля (+ предлог), светлый, железный, молчать (не повторять значения деепричастия), два, три, пять, мой, твой, одинокий, бег.

II. Объясните, как образовались наречия.

Великолепно, простодушно, душно, творчески, по-видимому, зря, чуть, куда-нибудь, проворно.

Употребите их в предложениях, составленных вами.

Сочетаемость (валентность)

Сочетаемость опирается, с одной стороны, на грамматические связи между словами в процессе построения предложения, с другой — на традицию.

Схематическое изображение сочетаемости

Ехать → на чем? — на машине, на поезде, на велосипеде и пр.
→ куда? — на работу, в институт, в Москву и пр.
→ откуда? — с работы, из-за границы, из города и пр.
→ с какой целью? — отдыхать, за грибами и пр.
→ где? — вдоль реки, берегом, лесом и пр.
→ как? — быстро, долго и пр.

В «Учебном словаре сочетаемости слов русского языка» (М., 1994) дано более 150 случаев сочетаемости слова *ехать*; общее количество возможных (нормативных) сочетаний составляет сотни тысяч.

Сочетаемость слов родного языка усваивается практически; необходимость обращаться к словарю ощущается лишь в случаях затруднения. Но усвоение сочетаемости слов неродного языка требует больших усилий.

68. Постройте схему сочетаемости слов:

- а) глагола *описывать* и отглагольного существительного *описание*; *разговаривать* и *разговор*; *родиться* и *рождение*;
- б) существительного *внимание* и образованного от него прилагательного *внимательный*; *грязь* и *грязный*; *студент* и *студенческий*.

Сочетаемость слов проверяется в родном языке на основе языкового чутья.

Представьте себе, будто вы преподаете русский язык ученикам нерусской национальности. Какие упражнения вы предложили бы своим ученикам? Попробуйте сделать методическую разработку на основе:

- а) сравнения с родным языком в сходных ситуациях;
- б) то же в сравнении с третьим языком, например английским;
- в) моделирование ситуаций и связей;
- г) выводов о возможности или невозможности переноса моделей сочетаемости с одного языка на другой.

Ранговые (дистантные) позиции слов в предложении

Ряды подчиненных слов составляют цепи, где каждое слово по отношению к предикативной группе (сказуемому и подлежащему) занимает определенную позицию. Рассмотрим пример.

Остаюсь я один среди бушующего моря, на обломках разбитого корабля, и уже вижу кругом акул, подплывающих к моим обломкам и ждущих, когда я, обессиленный, свалюсь в воду.

(А. Ф. Лосев)

Позиции слов

Я	1-я
остаюсь один и вижу	1-я
среди моря	2-я
бушующего	3-я
на обломках	2-я
корабля	3-я
разбитого	4-я
уже	2-я
кругом	2-я
акул	2-я
подплывающих	3-я
к обломкам	4-я
моим	5-я
ждущих	3-я
когда	4-я
я	5-я
обессиленный	6-я
свалюсь	6-я
в воду	7-я

Итог: в этом предложении высокие позиции (4-я и выше) занимают восемь слов по отношению к девяти низким — почти поровну.

Просчитайте объем вашего упреждающего синтеза: на сколько слов ваша мысленная речь опережает письменную. Примерно такое же опережение предполагается и в устной речи, но подсчитать это труднее. Без такого опережения неизбежны ошибки в сочетаемости и синтаксических связях слов, да и непрерывная плавная речь была бы невозможна.

Подсчитайте также средний размер предложений в вашем собственном написанном тексте (учебно-научная речь): у студентов он колеблется в интервале от 12 до 22. А у вас?

Синтаксис предложения и текста

Культура синтаксического строя речи, в первую очередь, состоит в свободе, легкости, плавности и, разумеется, правильности связей речевого потока, его ритмики и интонаций.

Основные виды предложений достаточно подробно изучаются в школьном курсе синтаксиса: простые и сложные предложения, однородные члены предложения, сочинительные и подчинительные связи в сложном предложении, обособленные обороты — распространенные второстепенные члены предложения, вводные и вставные конструкции и пр.

Наиболее крупные предложения содержат и сочинительные, и подчинительные связи, и усложняющие конструкции.

Когда человек говорит или пишет, он как бы разворачивает синтаксические конструкции, не ставя цель употребить именно придаточное изъяснительное предложение или обособленное приложение, — он стремится выразить мысль. Но контролируя свою речь, он обращается к изученным синтаксическим формам и проверяет правильность их построения.

69. Одну и ту же мысль попытайтесь выразить с помощью разных синтаксических конструкций, например народная пословица *Цыплят по осени считают*.

Вариант 1: в форме диалога, где два высказывания.

Вариант 2: в императивной форме.

Вариант 3: с глаголом сослагательного наклонения, союзом если.

Вариант 4: передать содержание пословицы в конкретном значении, без аллегории.

Вариант 5: составить сюжет (повествование) и использовать пословицу в качестве вывода (текст в количестве нескольких предложений).

Вариант 6: построить период на эту же тему.

Вариант 7: построить антитезу и пр.

Тему можно выбрать другую.

Все составленные тексты (в одном или нескольких предложениях) необходимо тщательно отредактировать и, по возможности, убрать лишнее.

70. Расширьте предложение: введите новые члены предложения; разделите расширенные предложения на части; добавьте придаточные предложения; введите обособленные обороты и т.д.

Лес поредел, и передо мной открылись луга.

Введите: предложение с последовательным подчинением 2—3 придаточных; стилистические фигуры — восклицания, параллелизмы, антитезы, сравнения, градацию и пр.

Почувствуйте себя хозяином как содержания, так и синтаксической формы своего сочинения. Избегайте двух одинаковых синтаксических конструкций.

71. Запишите свою устную речь на магнитофон (хорошо бы записать так, чтобы вы об этом не знали). Тема, жанр, стиль — любые. Речь может быть неподготовленной, поэтической и пр.

Прослушайте запись с критической установкой:

а) владение голосом, темп, интонации, управление силой — громкостью, эмоциональное состояние, отразившееся в голосе;

б) владение дикцией, артикуляцией; свобода или напряженность и пр.

в) размеры предложений, соотношение завершенных и незавершенных предложений, эллипсисы; как построены крупные предложения, есть ли в них ошибки, каковы недочеты;

г) войдите в роль слушающего: как ваша речь воспринимается другим человеком? Неплохо было бы действительно привлечь постороннего для оценки вашей речи.

Критерии оценки:

восприятие структуры речи, языковых конструкций;

понимание смысла, возможные варианты понимания.

72. Студенты обычно пишут конспекты лекций, это один из традиционных учебных жанров. Попробуйте проанализировать и оценить структуру этого жанра и механизм работы над ним. При этом ответьте на вопросы: а) насколько конспектирование отстает от течения лекции? б) удастся ли выделить для конспекта действительно важнейшее в содержании лекции? в) повторяете ли вы в конспекте синтаксические конструкции лектора? г) каковы синтаксические особенности конспекта, преобладающие типы предложений; насколько вы осваиваете терминологическую лексику, как вам удастся делать сокращения? Есть ли в ваших записях собственные, индивидуальные знаки, облегчающие сокращение?

Как вы считаете, содержит ли сам процесс конспектирования творческий элемент или это работа механическая? Может ли другое лицо пользоваться вашим конспектом или он слишком индивидуален?

73. Составьте текст любого жанра на любую тему или возьмите свой готовый текст.

Проверьте его структуру по следующим показателям.

1. Единство стиля; как выражен стиль: многими средствами — отдельными или даже всего одним признаком; уместна ли мена стиля (если она имеет место).

2. Безупречна ли логика; какими синтаксическими средствами выражены логические отношения и связи.

3. Корректны ли отношения темы и авторского замысла (возможно, эти отношения не выражены вовсе).

4. Соблюдены ли законы жанра (назвать несколько признаков жанра). Возможно, назвать жанр не удастся.

5. Охарактеризуйте внутренние связи текста или его компонентов: местоименные замены как средство связи внутри предложения и вне его; повторы смысловые, лексические, синтаксические; связи с применением союзов и союзных слов; составление текста по типу однородных членов предложения; цепная или параллельная связь предложений в тексте; вопросы и ответы на них в составе компонентов текста; вводные слова и предложения в роли связующего средства; соотношение морфологических категорий и форм в пространстве текста, например видовременные поля.

6. Чередование картин или сюжетных линий как композиционное средство связи. Обобщения и итоги в той же функции.

7. Интонационный, просодический, рисунок текста или его частей.

Глава 14. ЭЛОКУЦИЯ (ПРОДОЛЖЕНИЕ). СТИЛИСТИЧЕСКИЕ (РИТОРИЧЕСКИЕ) ФИГУРЫ

61. Период

В старых риториках речь подразделялась на отрывистую и периодическую, т.е. состоящую из крупных, усложненных предложений. Однако понятие «период» более связывалось с особым типом усложнения: это предложение или компонент текста (сложное синтаксическое целое), которые как бы распадаются на две части. Обычно первая, большая, часть с восходящей интонацией состояла из нескольких сегментов; вторая, разрешающая, часть имела нисходящий тон. Период создает богатые возможности ораторской речи, ступени смысла и раскаты голоса. Модель периода:

Эта фигура определяет смысл, содержание и интонацию: внешнюю, звучащую при устном исполнении, и внутреннюю, эмоциональную, при чтении «про себя».

Различают периоды временные, противительные, условные, заключительно-обобщающие и др. (по соотношению второй и первой частей). Возможна аналогия с предложениями, входящими в состав сложного.

Образцы периодов находим в речах Демосфена, в проповедях ранних христиан, у протопопа Аввакума. Удивительным мастером периода был М. Ю. Лермонтов: это вторая часть «Смерти поэта», сочинение «Панорама Москвы», «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Особенной высоты поэт достиг в стихотворении, которое приведено ниже целиком:

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль в утра час златой,

Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;
Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчит он, —
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.

74. I. Подготовьтесь к выразительному чтению этого стихотворения: попробуйте разделить его на интонационные сегменты, наметьте паузы, усиления голоса, повышения тона. Продумайте интонацию каждого колена, аподосиса — итоговой части стихотворения.

Постройте модель стихотворения.

Прочитайте вслух: сначала без слушателей, только для самоанализа, затем перед слушателями. И дайте самооценку.

II. Такой же порядок анализа примените к прозаическим текстам: а) из прозы Л. Н. Толстого; б) из речи директора Царскосельской гимназии, поэта и литературного критика И. Ф. Анненского.

Если бы Левин не имел свойства объяснять себе людей с самой хорошей стороны, характер Свяжского не представлял бы для него никакого затруднения и вопроса; он бы сказал себе: дурак или дрянь, и все было бы ясно. Но он не мог сказать «дурак», потому что Свяжский был несомненно не только очень умный, но очень образованный и необыкновенно просто носящий свое образование человек. Не было предмета, которого бы он не знал; но он показывал свое знание, только когда был вынужден к этому. Еще меньше мог Левин сказать, что он был дрянь, потому что Свяжский был несомненно честный, добрый, умный человек, который весело, оживленно, постоянно делал дело, высоко ценимое всеми его окружающими, и уже наверно никогда сознательно не делал и не мог сделать ничего дурного.

Левин старался понять и не понимал и всегда, как на живую загадку, смотрел на него и на его жизнь.

(Л. Н. Толстой)

В силу стремления, вложенного в нас Создателем, мы вечно ищем сближать в себе мир вещей с миром духовным, очищая, просветляя и возвышая свою бренную телесную жизнь Божественным прикосновением к нему мира идеального, и в этом заключается вся красота и весь смысл нашего существования: стремимся ли мы к совершенствованию или жертвуем собою для блага других — это творится веяние мира идей, это значит, что в нас сознательно затрепетала наша душа, атом бессмертного духа. Чувствуем ли мы радостный трепет, угадав иную вечную красоту в творчес-

ком подборе звуков или красок, значит нам удалось на миг освободиться от ига вещей и созерцать вечное или, как говорил Лермонтов, «видеть Бога».

(И. Ф. Анненский)

75. Составьте собственный текст в форме периода объемом не менее 40 слов. Проанализируйте его, начертите схему — его структуру, усовершенствуйте — подредактируйте, вслух отработайте интонации, голос, позу.

Читая книги, газеты, обращайтесь внимание на построение крупных предложений и компонентов текста.

62. Риторические обращения, вопросы, восклицания

Все эти формы изучаются в синтаксисе и риторическими могут быть названы далеко не всегда. С определением *риторические* они выполняют особую роль: Цицерон начинает свой трактат «О природе богов» обращением к Бруту («Как ты знаешь, Брут...»), для того чтобы оживить научный текст, нелегкий для восприятия, внести элементы диалога в рассуждения.

Восклицания повышают эмоциональный уровень речи, они редко вносят новую информацию в текст, а также они вносят и элемент диалога:

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

(А. Блок)

Здесь — диалог с персонифицированными весной и жизнью.

Особенно разнообразны риторические вопросы: они, во-первых, далеко не всегда имеют адресата: «За что?» Л. Н. Толстого, «Кто виноват?» А. И. Герцена, во-вторых, они совсем не требуют ответа:

О чем ты веешь, ветер ночной?

(Ф. И. Тютчев)

Бывает, что они уже содержат в себе ответ, автор передает свое убеждение в форме вопроса: «Кто не знает дядю Степу?»

Наконец, адресат риторического вопроса бывает очень широк, несмотря на то что назван вполне конкретно:

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины?

К. Симонов обращается не к одному А. Суркову, своему фронтовому другу, а к миллионам отступавших под желтыми дождями, оставлявших врагу родные города и села.

Иногда в вопросе содержится утверждение, а не вопрос; обвинение в форме вопроса, что подчеркивается восклицательной интонацией:

«Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?»

(И. А. Крылов)

76. Найдите в каждом литературном тексте по пять примеров риторических вопросов, восклицаний и обращений. Проанализируйте их синтаксическую структуру и определите риторическую функцию.

Составьте свои диалоги, в которых обращения и вопросы выполняют стимулирующую функцию, важную в продолжении диалога, его направленности и достижении результата.

Изобразите текст, содержащий обращения и вопросы, выполняющие стимулирующую функцию, важную в продолжении диалога, его направленности и достижении результата.

Изобразите текст, содержащий обращения, вопросы и восклицания, в виде схемы: покажите не только саму фигуру, но и ее текстовое окружение.

77. Смоделируйте: а) ситуацию, требующую общения двоих или нескольких собеседников; б) сам процесс общения; это будет диалог или полилог; в) укажите риторические средства, которые могут быть введены в данную модель.

Составьте тексты диалогов (полилогов) с обращениями, вопросами, восклицаниями и без них. Попытайтесь определить эффективность этих средств.

63. Антитеза и другие противопоставления

Антитеза — это фигура мысли (лат. *амплификация* — «распространение, введение дополнительных способов выражения мысли»), основанная на противопоставлении сравниваемых, сопоставляемых явлений, на контрасте. Она нередко аллегорична, нечет в себе иносказание.

Языковой, лексической основой антитезы служат антонимы; впрочем, некоторые виды антонимов, например окказиональные, контекстуальные, сами являются продуктом противопоставлений (*от колыбели до могилы, огонь — лед, небо и земля*) образов, поэтических текстов.

Эффект антитезы — в опоре на закон ритма, симметрии и контраста, на силу и глубину восприятия человеком контрастных явлений: выстрел громче звучит в тишине, огонек заметнее в потемках.

В антитезе могут противопоставляться не только предметы и явления, но и свойства одного предмета: *домище — домик — домиш-*

ко, это не город, а городишко, по дороге ползли машины, машинищи. Противопоставленные понятия в антитезе могут причудливо переплетаться, например: *Богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник горюет* (пословица);

Как медлит время, когда мы спешим,
И как оно спешит, когда мы медлим!

(М. Лисянский)

Антитеза может быть сжатая («Толстый и тонкий» А. П. Чехова, «Живые и мертвые» К. Симонова, «Война и мир» Л. Н. Толстого), противопоставляться могут целые картины — плодородные поля и бесплодная пустыня; человеческие характеры; наконец, на антитезе строится композиция целых произведений: борьба добра и зла, подлости и благородства, чести и коварства... Возможно, что это самая употребляемая фигура, излюбленная как поэтами, так и говорящими в быту.

78. Найдите в произведениях литературы десять антитез, желательно разных. Постройте 2—3 схемы антитез.

Подберите 20 пар антонимов; составьте несколько предложений на их основе. В одном из них должна быть логическая противоположность; в другом — развернутые образы, картины; третья антитеза пусть будет усложнена структурно. Еще пусть будут противопоставлены характеры.

Антитезы-парадоксы:

Можно встретить старика лет двадцати — и юношу в пятьдесят.

(А. И. Герцен)

Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами.

(И. Ильф, Е. Петров)

Ведь не без основания и не без справедливой причины тот факт, что тогда эллины так рвались к свободе, а теперь так расположены к рабству. Было тогда, было, Афиняне, нечто такое в образе мыслей большинства, чего теперь нет, что и одержало верх над богатством Персов и вело к свободе Элладу, которая не уступала никому ни в морском, ни в пешем сражении... Теперь же все потеряно, все расстроилось и во всех делах низ стал верхом.

(Демосфен)

Оксюморон

Это соединение несоединимого, противоположного; фигура иносказательная, поэтическая, сравнительно редко употребляемая. «Живой труп» — так назвал свою пьесу Л. Н. Толстой; *убогая роскошь наряда* у Н. А. Некрасова; *веселящая скука и скукающая веселость* у Ф. М. Достоевского; *смех сквозь слезы* у Н. В. Гоголя.

Нередко повторяются *сила слабости*; *малое в большом — большое в малом*; *горькая радость, оглушающая тишина*.

Антифразис

Это прием внутренней антитезы, когда слово в тексте употребляется в значении, противоположном самому себе, например:

О, какой красавец! — о некрасивом, об уроде; *Подумаешь, какие мы благородные!* — о человеке, который совершил подлость, но держится как порядочный.

Антифразис обычно окрашен иронической интонацией, но бывает, что используется и с похвалой, одобрением: *Мастер был — каких теперь уж нет: дом построит, разбойник, — залюбуешься!* Здесь *разбойник* — высшая похвала.

Близка к антифразису энантиосемия, с таким же значением «наоборот»; в одном слове сосуществуют два противоположных значения. Так, *бесценный* это «не имеющий цены», т. е. «плохой», но в речи употребляется в значении «высокоценный»; *блаженный* одновременно и «счастливый» (заповеди блаженства) и «глуповатый, юродивый». Употребление таких двусмысленных слов создает игру слов, двойное значение, когда под кажущейся благопристойностью скрываются презрение, насмешка.

79. Поупражняйтесь в самостоятельном построении противоположных конструкций, вводя их в более или менее пространственный текст, иначе невозможно будет показать их риторическую роль.

64. Повторы, их виды

Повторы всем хорошо известны как прием заучивания каких-то фактов и текстов. Они также всем известны как назойливые и трудноустраняемые ошибки речи, вызванные индуцированностью только что употребленных (или часто употребляемых) слов и их сочетаний. Как видим, оба варианта повторов — полезный и вредный — психологически обоснованы.

Как ни богат язык словами, другими знаковыми единицами, но в речи, как в языкопользовании, повторы неизбежны, и в современном языкознании используется понятие «частотность». Языковые средства ранжируются по их частотности, создаются частотные словари, причем частотность тех или иных слов, грамматических форм служит одним из критериев стиля речи.

Повтор как фигура речи, риторическая фигура, отличается от произвольного следующими признаками:

а) наличием целевой установки на выразительность текста, на его ритмику, усиление эффекта;

б) включенностью в систему стилистических (риторических) фигур и, следовательно, наличием моделей и правил, типологий и терминами.

Лексические повторы наиболее часты, они используются в разных жанрах, особенно в поэтических, так как способствуют ритмике стиха:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

(А. Блок)

Здесь повтор сочетается с приемом перечисления — тоже, в сущности, повтором смысловым и синтаксическим.

Морфемный: повторяются корни, суффиксы, это создает внутреннюю рифму в прозе и в стихах:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагривших руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

(Н. А. Некрасов)

Такие повторы могут сочетаться с градацией (повторы корня и убывающая градация):

Морены — это высокогорные россыпи огромных каменных глыб, камней помельче, многоцветной россыпи камешков (повторы и убывающая градация).

Синтаксические повторы, параллелизмы, подчеркивают ритмику речи, усиливают впечатление, экспрессию, напевность, используются в фольклоре и литературных произведениях, стилизованных под фольклор, близких к народной поэзии: «Песня про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова, «Василий Теркин» А. Т. Твардовского.

Анафора — единоначатие, эпифора — концовка:

Я не знаю, где граница
Между Севером и Югом,
Я не знаю, где граница
Меж товарищем и другом

(М. Светлов)

Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня!

(А. Блок)

В прозе повторы также имеют место: умышленное повторение важной мысли, чаще не дословное, а в углубленных, усложненных вариантах; личностный, индивидуальный рефрен, которым

оратор заканчивает любое публичное выступление (*Карфаген должен быть разрушен!*); в научном стиле, в рассуждении гипотеза (тезис) дается в начале и повторяется в конце, на этот раз с оценкой; в логической структуре повторяются аргументации; в бытовом общении — формы этикета и многое другое.

Повтором является и рефрен (припев) в песенном жанре, и повтор строки предыдущего сонета в начале следующего (в венке сонетов), и многочисленные повторы в народных пословицах (*Ни радости вечной, ни печали бесконечной* — В. Даль), и троекратные повторы в народных сказках, их сюжете, речах героев и т. д.

Повтор и в диалоге с самим собой как предвосхищение ответа:

— Что нам нужнее всего, без чего не прожить и минуты?
— Воздух!
— Бережем ли мы эту драгоценность?
— Нет, не бережем.

(Из газет)

Полисиндетон — повтор союзов — широко применяется и в поэзии, и в прозе:

Ох! Лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи...

(А. С. Пушкин)

Как и во всем, в повторах нужна мера: и потому что есть тенденция превышения меры, и потому что они — стилистическое средство, либо понижающее планку стиля, либо повышающее планку поэтичности.

80. Найдите в литературных, газетных и звучащих, разговорных, текстах десять примеров повторов, охарактеризуйте их. Составьте перечень видов повтора, найденных вами.

Составьте самостоятельно текст с повтором (посложнее).

65. Парадокс

Парадокс — логическая фигура, он возбуждает мысль, оживляет общение. Но в последнем — и его риторическая роль: это неожиданное, на первый взгляд, странное высказывание, резко расходящееся с общим привычным мнением. Пример: «Язык нам дан для того, чтобы скрывать свои мысли» (Ф. Ларошфуко). Мы привыкли к другой функции языка: выражать мысли, а не скрывать их. Но ведь мнение Ларошфуко тоже может быть доказано примерами из жизни! Такие умозаключения в логике называют **антиномией**.

В то же время к числу парадоксов относят и известную софистическую задачу «Ахиллес не догонит черепаху», в основе кото-

рой лежит умышленная ошибка — дискретность решающего мышления.

Мастерами парадокса всегда были сатирики, юмористы, сочинители анекдотов, авторы 16-й страницы «Литературной газеты», Козьма Прутков.

Риторику, естественно, интересуют те виды парадоксов, которые возбуждают любознательность и интересы, учат «зигзагам мысли», одновременному видению многих сторон явления, решений задачи, моментальному охвату возможных вариантов понимания высказывания.

В то же время риторика заинтересована в парадоксе и для конструирования речи, ибо парадокс способствует и привлечению слушателей, и контакту с ними, нередко дает начало всему ходу рассуждения.

Наконец, парадоксальные высказывания служат предметом исследований, которые могут лечь в основу создания новых парадоксов каждым оратором. Построение парадоксального высказывания основывается:

- а) на многозначности слов или на омонимах;
- б) на паронимах;
- в) на неготовности людей (слушателей) быстро переходить на чужую, другую точку зрения.

Примеры парадоксальных суждений: *Тише едешь — дальше будешь* (Пословица.); *Коли нет денег на лечение — будьте здоровы!*; *Абитуриент ради поступления в вуз идет на все — даже на экзамены*; *Мало не воруй — посадят* (Из газет.)

Блестящий пример мы берем из книги В. Солоухина «Осенние листья» (сборник миниатюр):

В английском парламенте один оратор устроил остальным парламентариям остроумную ловушку. Оратор огласил с трибуны 4 высказывания разных людей о молодежи:

1. Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она насмеяется над начальством и нисколько не уважает стариков. Перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие.
2. Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмет в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна.
3. Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Молодое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру.
4. Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видно, конец мира уже не очень далек.

Все эти изречения о молодежи, о грозящей гибели культуры, о безнадёжном будущем были встречены в парламенте аплодисментами. Тогда оратор раскрыл карты. Оказывается, первое изречение принадлежит Сократу (470—399 гг. до н.э.), второе — Гесиоду (720 гг. до н.э.), третье —

египетскому жрецу (2000 лет до н.э.), а четвертое найдено в глиняном горшке в развалинах Вавилона, а возраст горшка — 3000 лет.

Получилось в парламенте очень эффектно и даже смешно.

Однако все эти культуры и правда погибли. И горшок найден, увы, среди развалин Вавилона, а не в процветающем городе.

(В. Солоухин)

К а л а м б у р близок к парадоксу, но в нем эффект достигается не логически, а умышленно подобранным в юмористических целях словом, имеющим несколько значений. Например: *Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее полоскать рот* (Козьма Прутков); *Одни стараются скрыть свои недостатки, другие — достатки* (Ю. Ильин); *Парадокс, не правда ли: надувают вкладчиков, а лопаются банки* (Д. Шмелев).

Парадоксы высоко ценились во все времена, мастерами парадокса были Бернард Шоу, Оскар Уайльд. Как парадокс расценивается целое крупное произведение Ж. Ж. Руссо «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?», написанное на конкурс, объявленный в 1750 г. французской Академией.

81. Подберите и запишите не менее десяти парадоксальных суждений (из разных источников).

Составьте графическую модель парадокса «В английском парламенте» как «зигзаг мысли». Попытайтесь моделировать и другие парадоксы.

Найдите и запишите парадоксы, которые подскажет вам сама жизнь. Если вам удастся, могут получиться интересные тексты-парадоксы.

Организируйте в свободное время конкурс разнообразных текстов, в основе которых лежит парадоксальная ситуация.

66. Звуковая инструментовка

Фигуры мысли, фигуры синтаксические, фигуры слов... Но наша речь звуковая, следовательно, возможны и фигуры, построенные на звуковой игре, или инструментовке (партитуре).

Эта группа приемов включает в себя тонкое мастерство звукозаписи, создающее звуковые образы, музыку речи, редкое мастерство исполнения.

Вероятно, заслуживает первого места в этом ряду вокальное исполнение словесных произведений. Огромное количество литературных произведений положены на музыку, от частушек до опер, и это богатство вряд ли следует присоединять к риторике, это другой мир — мир музыки, волшебный мир искусства.

Однако и в литературе, и в повседневном речевом поведении людей музыкальные реплики не исключены, а иногда выполняют свою риторическую функцию. Представим себе: собрались молодые друзья, в разнообразии споров, шуток нет-нет да и ворвется

музыкальная фраза, а то и романс... Это, несомненно, улучшает контакт, размягчает сердца, снимает стрессы.

Даже в самых серьезных ситуациях вокальное исполнение гимна принято во всех странах мира. В докладе пение вряд ли уместно, но цитирование слов песни — обычный прием, во-первых, потому что тексты песен общеизвестны, во-вторых, вызывают внутреннее звучание мелодии.

Теоретики музыки находят много общего в музыке и в языке, они говорят о языке музыки: это язык эмоций, и как таковой он, по-видимому, намного богаче вербального языка.

Вторая область звуковых средств — это голосовые средства: мелодика речи (есть языки, в которых мелодика выполняет смысловозначительную функцию, подобную функции фонем), мена тональности, громкости, темпа; особо сложная сфера — тембр, его оттенки не всегда удается обозначить терминами: вкрадчивая речь, грубая, подбострастная и пр. Вот как говорит об этом поэт:

Весь город полон голосов:
Мужских — крикливых, женских — струнных.

(А. Блок)

Нередко тембр относят к числу интонаций речи, по-видимому, здесь границы условны.

Безусловное владение средствами голоса, голосовой выразительностью включается в число требований культуры речи, здесь есть свои традиции и своя норма. Есть понятие фонации как активности речевых органов, обеспечивающих звукопроизводство. Речевой голос характеризуется суггестивностью (внушаемостью), полётностью (слышимостью на большом расстоянии), помехоустойчивостью, выносливостью, гибкостью (готовностью к изменениям тона, тембра и пр.).

Качества, свойства голоса индивидуальны и входят в состав понятия «языковая личность» (в криминалистике индивидуальные голосовые характеристики используются для идентификации личности).

Хорошо развитый голос — важнейшее условие реализации всего набора средств звуковой инструментальной речи, подводящее к артистизму.

В поэтике есть понятие *звукосписи*, или звуковой организации речи: это звуковые повторы, о чем уже было сказано, ритм — чередование ударяемых и неударяемых слогов, симметричное построение высказывания.

Особо подчеркнем в этой группе аллитерацию, т.е. текст или его отрезок, звуковой ряд которого создает определенное настраивание:

Шипенье пенных бокалов
И пунша пламень голубой...
(А. С. Пушкин)

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря, в берег бьется
Чуждый чарам черный челн...
(К. Бальмонт)

Заметим, что современники Бальмонта упрекали его в преувеличении роли звукописи. Тем более, в прозе она не должна быть подчеркнута.

Заслуживает внимания также *ассонанс* — созвучие гласных в строке:

Милый — сокол, милый — лебедь,
Как соскучится — приедет.
(Частушка)

Лила, лила, лила, качала...
Белой лилей, алее лала...
(В. Хлебников)

Частый прием не только в текстах поэзии, но и в разговорной речи — *звукоподражание*: *От топота копыт пыль по полю летит* (Скороговорка); *рев, рычанье, рокот моря; трах-тарарах*, голоса животных, птиц, звукоподражательные имена — *Муму, ква-кушка, кокошка*. Подражание звукам неживой природы: *плюх, дзинь-дзинь, скирли, бултых*.

В большинстве случаев такие звукоподражания используются в ситуативной речи детей, игровых ситуациях, юморесках, шуточной речи.

Нередко прямого звукоподражания нет, но о нем говорится:

Тяжелозвонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
(А. С. Пушкин)

67. Инверсия. Эллипсис. Умолчание. Другие приемы

Инверсия, или обратный порядок слов в предложении, достигает эффекта за счет перенесения ремы на первый план (при прямом порядке слов на первом месте обычно стоит тема, а рема, т.е. то новое, что сообщается о теме, — на втором).

При этом слова, перенесенные на первое место, выделяются интонационно, да и само перенесение их на первое место привлекает внимание слушателей и читателя. На рему переносится и логическое ударение.

Пример: *Николай Николаевич не позволял себе ни малейшего опоздания (прямой порядок). Опоздал-таки на этот раз наш непогрешимый Николай Николаевич!* Инверсия сопровождается в данном случае:

- а) иронической интонацией;
- б) добавлением частицы *-таки*, придающей оттенок насмешки;
- в) восклицательной интонацией всего высказывания;
- г) введением эпитета *непогрешимый*, усиливающего иронию.

Привел сотник молодую жену в дом свой. Хороша была молодая жена. Румяна и бела была молодая жена (Н. В. Гоголь.). Здесь инверсия во всех трех предложениях: они начинаются с предикатов; этот перенос в данном случае подчеркивает повествовательный характер текста, выводит на первое место действие и признаки.

Эллипсис, эллиптические конструкции также относятся к группе синтаксических фигур: это незаконченные предложения, пропуски слов и целых словосочетаний. И незаконченность, и пропуски легко восстанавливаются на основе:

- а) контекста в монологе;
- б) предыдущих реплик в диалоге;
- в) прежних знаний общающихся (если они в этом знании уверены).

В ситуативной речи (например, в процессе какой-либо игры, где участники понимают друг друга буквально с полуслова) степень эллиптичности бывает очень высока, пропуски восполняются пониманием обстановки, ходом игры (например, хоккей), жестами. Такая речь дает прекрасный материал для анализа дискурса (текста в потоке жизни).

Велика роль в подобных случаях пауз, интонаций, восклицаний, повышения тона и силы голоса и пр. Примеры:

Мы села — в пепел, грады — в прах,
В мечи — серпы и плуги!

(В. А. Жуковский)

Бессказуемое построение текста:

Шепот, робкое дыханье,
Треби соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца...

(А. А. Фет)

Эллиптическая речь лаконична, обладает большой внутренней энергией.

В поэтическом синтаксисе к эллипсису примыкает умолчание, как правило, умышленное: слушатель или читатель сам восполняет этот пропуск, он таким образом вызывает активность вос-

принимающего речь; в его сознании, чувствах порождается образ, возможно, богаче самой действительности: *Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства. На них можно только указать — и пройти мимо* (И. С. Тургенев).

Или — монолог Барона («Скупой рыцарь» А. С. Пушкина); Барон в подвале бросает в шестой сундук, еще не полный, горсть накопленного золота:

А этот? Этот мне принес Тибо —
Где было взять ему, ленивцу, плуту?
Украл, конечно, или, может быть,
Там, на большой дороге, ночью, в роще...

Алогизм — фигура мысли, умышленная нелепость, сочетание несоединимых понятий — умышленное, разумеется, в расчете на стилистический эффект, часто применяемое в шутливом, но наиболее сильное — в серьезном тексте: *Причешите мне уши!* (В. Маяковский); *он был или не был, этот вечер?* (А. Блок). Используется в фольклоре, сказках, серьезных текстах на грани парадокса...

Градация — тоже фигура мысли: ряд понятий, построенный по нарастанию или убыванию в них какого-либо признака, качества, часто это синонимический ряд: *большой, огромный, гигантский, колоссальный* — и *малый, малюсенький, микроскопический, крохотный*. Градация усиливает не только смысл, но и эмоциональное восприятие:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым...

(С. Есенин)

Пришел, увидел, победил (предположительно — Александр Македонский); *Никто не мог понять, что происходит, — и вот уже беспокойство переходит в тревогу, она — в панику, которая порождает хаос!* (Из газет).

82. Схематически изобразите строение фигур, данных в этом параграфе. Составьте самостоятельные примеры инверсии, эллипсиса, умолчания, алогизма и градации. Найдите эти фигуры в читаемых текстах.

Глава 15. ЭЛОКУЦИЯ (ПРОДОЛЖЕНИЕ). ТРОПЫ

68. Общие признаки

Напомним, что тропы были описаны и классифицированы еще в античном мире, наиболее полные их перечни у Аристотеля и Квинтилиана. Традиционно тропы относят и к поэтике, и к сти-

листике, а используют в риторике. Основная их функция — выразительно-изобразительная, в этом смысле тропы служат средством культуры речи.

И в типологии, и даже в определении тропов нет полного единства у исследователей, а их за две тысячи лет было немало. Поэтому здесь дано не единое определение тропа, а будут обозначены свойства тропов, которые проявляются не всегда стереотипно. Итак.

1. Тропы, в отличие от других фигур, всегда создают образ — зрительный, слуховой, обонятельный и пр. Такие фигуры, как антитеза, звукоподражание, оксюморон, тоже создают образы, и это затрудняет разграничение тех и других. Поэтому продолжим выделение признаков.

2. Образ, создаваемый тропами, опирается на сравнение, порождающее новое, переносное, иносказательное значение слова (сочетания слов). Сравнение может быть явное, открытое: *Как пена, грудь ее бела* (А. С. Пушкин), или скрытое, когда осознание сходства происходит без вербального обозначения предмета, с которым сравнивают: например, *мыслящий тростник*. Человек как бы сравнивается с тростником по способности гнуться под напором обстоятельств, но сохранять свою силу и жизнь.

Такие свойства встречаются в других фигурах, таких, как введение иносказания в какую-то структурную часть фигуры, тогда происходит слияние, например, антитезы с тропом: *небо и земля* — «нечто светлое, возвышенное в противопоставление грубому, низменному».

3. Тропы разных типов могут быть расположены по возрастающей степени метафоричности, иносказания. Это свойство кладется в основу типологий как главное наряду с другими.

4. Структурно троп как фигура выступает почти всегда в виде двухчастного словосочетания, один из членов которого может использоваться лишь на мысленном уровне. Не говорят *человек — это тростник*, но *мыслящий*, троп высокого ранга заставляет слушающего проследить сходство в мыслях и изумиться прелести такого неявного сравнения. В этом сила тропов.

5. Соотнесение прямого и переносного значений может основываться на сходстве сопоставляемых явлений, на контрасте или на смежности, на видах переноса, степени широты и узости понятий. Это все кладется также в основу выделения типов тропов: метафоры, метонимии, синекдохи, гиперболы, иронии и т.п.

6. Троп опирается на общее свойство языковых единиц, расширяющее границы их употребления. Вот модель этого процесса:

Значение слова → сравнение явлений, обозначаемых словами, → троп, например метафора → закрепление переносного значения слова → появление оттенка значения этого слова → его многозначность, признанная в лексической норме.

Через переносные значения образовались, например, такие значения:

Дом («здание») → дом («жилье») → дом («семейство, люди, живущие вместе») → дом («династия монархов»).

Часто в быту человек употребляет и даже сам создает тропы, повышая выразительность своей речи. Эти тропы закрепляются: *часы идут, часы остановились, луна молодая, солнце пылет, природа заснула*. В сущности, любой из нас может, как и мольеровский Журден, удивиться: всю жизнь говорю и только теперь узнал, что говорю поэтическим языком.

В России XX в. тропы исследовали Г. Г. Шпет, А. Н. Веселовский, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Топоров, Р. О. Якобсон, В. В. Иванов и др. Понимание сущности тропов и поныне неустойчиво; в свете семиотики троп определяется как семантическая транспозиция от наличного знака к знаку отсутствующему, подсказываемая миротекстом, или по сходству, или по причинности и пр.

В системе тропов наблюдаются сложные отношения: так, метафора и метонимия противопоставляются; некоторые тропы переходят в другой разряд: эпитет — в метафору и пр.

69. Сравнение, перифраз(а), метонимия

Любое сравнение нового с ранее познанным призвано вызвать в сознании слушающего, читающего ассоциацию, обычно сопровождаемую эмоциями, вспышкой воображения, что вкуче способствует возникновению образа.

Сравнение может быть логическим, оно лишено какого-либо иносказания; по мнению К. Д. Ушинского, такое сравнение есть основа человеческого познания вообще: все познается через сравнение нового с уже познанным; сравнение — путь к пониманию. Примеры логического сравнения: сравнить кошку и собаку, т.е. найти сходства и различия между ними.

Поэтическое, образное, риторическое сравнение ищет общее и знакомое: молодая луна сравнивается с серпом, глаза женщины — с сиянием звезд. *Как пахарь, битва отдыхает* — пишет А. С. Пушкин. Мотивация здесь отнюдь не логическая, она эмоционально-образная. Сравнение, с одной стороны, углубляет понимание, с другой — создает зрительную картину.

Выделяются следующие виды сравнений и тропов.

1. Сравнение еще не оторвано от синтаксиса, оно вводится с помощью союзных слов *как, как будто, как бы, словно, подобно* и пр.:

Долги дни короткие,
Ветви в небе скрещены,
Черные и четкие,
Словно в небе трещины.

(Н. Матвеева)

Потрясающе сильный образ, он вызывает не только зрительные ассоциации, но и чувство всеобъемлющей тревоги. И в самом деле, сходство действительно трагическое.

2. Сравнение вводится формой творительного падежа.

Стоят кресты после сражения
Простыми знаками сложения.

(С. Кирсанов)

Такое жуткое сравнение символично неисчислимостью смертей.

3. Сравнение вводится формой родительного падежа: *языки пламени*.

Пламя уподобляется (зрительно) языкам: они лижут деревянные стены здания, и те загораются.

4. Сравнение вводится как обособленный оборот, приложение.

Руки милой — пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.

(С. Есенин)

5. Отрицательное сравнение — не совсем обычный тип: эффект достигается по принципу противопоставления:

Не стая воронов слеталась
На груди глеющих костей,
За Волгой, ночью, вкруг огней
Удалых шайка собиралась.

(А. С. Пушкин)

Этот тип сравнения пришел в литературу из фольклора, отличается поэтичностью, напевностью, он сродни антитезе, несет в себе образ: *стая воронов, костры* — сложная картина.

Своеобразным тропом, имеющим сходство со сравнением, служит *п е р и ф р а з* (а) — замена слова описательным оборотом: *Япония, страна восходящего солнца, встретила нас дождем и ветром* (Из газет). Здесь само слово *Япония* вполне может отсутствовать. Например: *...И за учителей своих задранный кубок поднимает* (Петр после Полтавского сражения) — здесь А. С. Пушкин цитирует самого Петра, не без основания назвавшего шведов *своими учителями*.

Перифраз — не всегда оборот, сочетание слов, он может быть и однословным: *Аврора — утренняя заря*:

Навстречу утренней Авроры
Звездой Севера явись.

Здесь А. С. Пушкин вводит два тропа: *Аврора* и *звезда Севера*.

Перифраз типа *Аврора*, как правило, символ, таковы многие мифологические образы: *Бахус, служение Бахусу* — «бог вина» и «служение ему»; *Меркурий* — «бог торговли», *арлекин, полишинель, Перун, Илья Муромец* и огромное количество других — все

это символы и заменители в поэтическом языке. *Перун* символизирует громы небесные, *сова* — мудрость, *голубь* — мир, *меч* — символ войны, *Марс* — бог войны.

Поэтические тексты первой половины XIX в. насыщены такими символическими образами; в наши дни поэтика иная, старая символика давно примелькалась, но в определенных стилистических условиях уместна, даже в разговорной речи.

Известен перифраз в пародиях. Пример — пародия Д. Минаева на стихи А. А. Фета:

Шепот. Робкое дыханье.
Трели соловья...

Холод. Грязные селенья.
Лужи и туман...

Близка к перифразу и метонимия — связи по смежности, замена имени. Сравнения здесь уже нет, но имя раскрывается через результат.

Имя *Н. В. Гоголь* заменяют на оборот *автор «Мертвых душ»*; говорят не *Кутузов*, а *победитель Наполеона*, не *рыба*, а *дары моря*, не *Байкал*, а *жемчужина Сибири*. Иногда — наоборот, называют автора вместо его творений:

...Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал...

(А. С. Пушкин)

Речь идет о «Метаморфозах» римского писателя Апулея, трактатах философа и оратора Цицерона.

Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь.

(М. Исаковский)

Бродит, разумеется, гармонист, но чутье подсказывает поэту образ-метонимию. Троп всегда предполагает и богатое воображение слушателя, и даже просто компетентность. Пушкин писал для тех, кому не чужды имена Апулея и Цицерона, и не только имена, но и характер сочинений — «Золотой осел» первого и «О судьбе» второго.

Вот еще показательный пример:

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели.
Молчали желтые и синие,
В зеленых плакали и пели.

(А. Блок)

Чтобы понять этот образ, надо знать, что *желтые и синие* — это вагоны первого и второго классов, в которых не ездили обездоленные, а *зеленые* — вагоны третьего класса, в них не было купе, народу набивалось много, люди общались, не скрывая ни горя, ни радости, *плакали и пели*. Этот образ понятен лишь тому, кто знает, на что намекает поэт: метонимия перерастает в аллюзию.

70. Аллюзия

Аллюзия — это намек, понятный не всем, а обычно лишь близким друзьям и единомышленникам говорящего, она устанавливает связь между общающимися. Вот пример из жизни: вернулась из Польши хорошая знакомая О.Г., рассказывает интересные вещи, в частности говорит, что там книги «стоят бешеные деньги». Я тихонечко поправляю: «бешёные деньги». Дело в том, что поляки делают ударение на предпоследнем слоге: моя знакомая О. Г. сразу уловила, что я немного знаю польский язык, как и она, это нас сближает; а другие так и не поняли, почему мы обменялись улыбками. Аллюзия всегда окрашена положительными эмоциями, юмором, а иногда и легкой иронией.

Второй пример — из «Евгения Онегина»:

Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы (перифраз. — М.Л.),
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.

(А. С. Пушкин)

Здесь слова *вреден север* — иронический намек на ссылку Пушкина, о которой знали в то время не все, а лишь сравнительно узкий круг его друзей и почитателей.

Аллюзия может быть и неумышленной, она как пароль, известный лишь двоим. В романе В. Каверина «Два капитана» восьмилетний Саня читал письма из сумки утонувшего почтальона; некоторые запомнились. Как позже выяснилось, одно из писем было от полярного исследователя — капитана Татаринова, вскоре погибшего, его жене Марии...

Прошли годы, и судьба свела Саню с Марией Татариновой, уже совсем в других краях; помня фамилию капитана, он читает по памяти письмо, но Мария, вся в слезах ему не верит. Напрягая память, Саня припоминает, что письмо было подписано: *Твой Монготимо Ястребиный Коготь*. И тут Мария его поправляет: *Не Монготимо, а Монтигимо Ястребиный Коготь. Так я его называла*. Напомню, что в рассказе А. П. Чехова «Мальчики» это гордое индейское имя носил один из них. Трудно представить себе что-либо сильнее этого образа, этой аллюзии.

Еще пример из жизни: Петя и Маша завзятые театралы, они увлекаются Шекспиром. В разговорах с многочисленными друзьями Коля цитирует монолог Гамлета: *Что ему Гекуба, чтоб так страдать из-за нее?* Откликнулась только Маша: *Тень страсти...* Никто из друзей, не читавших «Гамлета», ничего не понял, но Маша и Петя все поняли.

83. I. Найдите и прочитайте ту сцену из «Гамлета», откуда взяты эти слова.

II. Объясните, в какой ситуации Коля мог процитировать слова о Гекубе.

III. Составьте сами сценарий ситуации подобного типа.

71. Метафора

Это один из главных, самых употребительных тропов. Теорию метафоры разрабатывали: в XX в. — Б. В. Томашевский, М. М. Бахтин, Н. Д. Арутюнова. По-видимому, в природе человека заложена метафорическая способность, что подтверждается примерами из речи детей-дошкольников: *Солнышко спать пошло* (солнце персонифицировано); *Собака загорает на солнышке*; метафорами в пословицах, поговорках: *Отвяжись, худая жизнь*; *Беда не за горами*; *Худое — охапками, хорошее — щепотью* (В. И. Даль). И в обычной речи на каждом шагу застывшие метафоры: *ручей поет*; *песни звенят*; *круглый год, закат пылает* и др.

Метафоры разнообразны и по структурам сочетания слов, и по степени развернутости, новизны, оригинальности, необычности, аллегоричности, символичности.

Возможна градация метафоричности от почти прямолинейного сравнения до развернутой аллегории, притчи, гротеска, карнавальности (в поэтике и тем более в риторике допускается нарушение языковых границ и переход к артистизму, игре, лицедейству).

Возрастание метафоричности — это тенденция развития литературы. Однако в речи масс народа в XX в. наблюдался обратный процесс: сравните речь Платона Каратаева, крестьян из «Записок охотника» И. С. Тургенева с речью современных деревенских жителей. Еще более теряет метафоричность речь (даже повседневная, бытовая) современной деловой интеллигенции, становясь средством передачи голой информации.

В метафоре слова, сочетания, отрезки текста сближаются с реалиями по сходству, в ее основе лежит аналогия. Метафорическим слово, оборот речи становятся в иносказании, символичности, образе. И хотя в истоках метафоры — сравнение, оно не прямолинейно, а завуалировано: сравниваемый предмет существенно отдален, не всегда легко опознается. Вот пример сложного сплетения метафор:

Кто тебя создал, о Рим? Гений народной свободы!

Если бы смертный, навек выю под игом склонив,
В сердце своем потушил вечный огонь Прометея,

Если бы в мире везде дух человеческий пал, —

Здесь возопили бы древнего Рима священные камни:

«Смертный, бессмертен твой дух: равен богам человек!»

(Д. С. Мережковский)

Здесь метафоры: *создатель Рима — гений народной свободы; покорился — выю (шею) под игом склонил*; крайняя степень протеста — *возопили бы древнего Рима священные камни; человек велик силой своего духа — равен богам*; общий смысл: только свободный человек становится равным богам.

Такая сложная метафоризация текста была бы смешна в бытовой речи (вспомним обращение Гаева в «Вишневом саде» к шкафу: *...Многоуважаемый шкаф!* — эффект явно комический): с одной стороны, она усложняет восприятие текста, но с другой — создает высокий настрой души читателя, слушателя и мощное, монументальное звучание текста.

И все же Мережковский явно рассчитывал на своего адресата, мыслящего категориями античной классики. В этом смысле нам ближе Пушкин; вот отрывок из «Бориса Годунова» — монолога монаха-летописца Пимена:

На старости я сызнава живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян.
Теперь оно безмолвно и спокойно.

Здесь метафоричен образ минувшего, причем две метафоры образуют антитезу: *прошлое неслось, событий полно, волнуясь, как море-окиян* (это сравнение тоже метафорично) и *оно безмолвно и спокойно*.

Диапазон метафоричности широк: и в поэзии, и в бытовой речи — россыпи легко понимаемых метафор, которые и оживляют речь, и делают иносказание привычным, обогащают культуру речи говорящего: *дыхание осени, свет знания, дорога жизни* и многое другое. От частого употребления сочетания становятся привычными и приводят:

- а) к возникновению многозначности слов — *дверная ручка*;
- б) к образованию фразеологических единиц — *рука судьбы*;
- в) к образованию речевого штампа, или стандарта: *проходит красной нитью*.

84. В стихах и прозе найдите не менее десяти тропов, расположите их по степени метафоричности (высокая точность здесь невозможна). Как обзавались эти метафоры, на основе каких сходств?

Попытайтесь построить собственный текст с двумя метафорами (возможно, и с другими тропами). Используйте такую модель анализа:

Замысел, смысл → сравнение, перенос смысла → образ.

72. Другие виды тропов, близкие к метафоре

Аллегория — развернутое уподобление, охватывающее значительный объем текста, иногда — сюжет, образы персонажей,

выводы. Уподобление может выступать в виде системы намеков, сравнений, прямой смысл повествования может дополняться возможностью аллегорического истолкования (басня). Аллегория символична: *весы* — «правосудие», *медведь* — «нечто неуклюжее», *золотые руки* — «талант плюс трудолюбие». В литературе аллегория — обычное явление: аллегоричны и «Мертвые души», и «Горе от ума», и «Идиот».

Притча — в сущности, жанр, породивший басню и другие аллегорические произведения. Она несет в себе поучение (реже — сатиру). Широко известны Евангельские притчи — о сеятеле, Блудном сыне, а также «Притчи Соломона».

Близки к притчам многочисленные фольклорные произведения, пословицы, некоторые сказки. Притчи встречаются в произведениях древнерусской литературы. Своеобразное применение притчи находим у А. С. Пушкина:

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво
А эта грудь не слишком ли нага?»
Тут Аеллес прервал нетерпеливо:
«Суди, дружок, не свыше сапога!»

(«Сапожник»)

Олицетворение — вариант тропа, в котором растения, животные, неживые предметы наделяются чувствами, мыслями и действиями человека. Распространены как стилистические фигуры в фольклоре (*мороз-воевода* у Н. А. Некрасова), классике:

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух напоен,
И мир, цветущий мир природы
Избытком жизни упоен.

(Ф. И. Тютчев)

Ирония как фигура — тоже троп, поскольку она на прямое значение слов, оборотов речи накладывает сатирический намек, тонкую насмешку, выражаемую не только вербально, но и интонационно.

Ирония придает словам обратный смысл: *Силен!* — про хилого; *Ну, ты уме-е-ен!* — про глупого.

Ироничность имеет шкалу: от добродушной насмешки она повышается до горькой, подчас трагической ноты, до сарказма:

За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,

За мсть врагов и клевету друзей,
За жар души, растрченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был, —
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

(М. Ю. Лермонтов)

Ирония, сарказм могут перерасти в гротеск — своеобразный стиль, представляющий собой смещение действительности в область фантастического, подчас уродливого («История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, живопись Сальвадора Дали), или таинственно-шутливого, как у Н. В. Гоголя в повести «Нос» («остраненная» проза), А. Вознесенского «Оза» и «О» и пр.

Гротеск не входит в число тропов, но является их органическим продолжением. Он обладает общим с тропами свойством — преувеличением.

Троп как фигура, построенная на резком преувеличении или преуменьшении каких-то признаков, свойств, качеств предметов и явлений, называется, соответственно, гиперболой и литотой.

Преувеличение встречается либо в хвалебных, патетических, восторженных текстах, например в изображении силы и побед Ильи Муромца над Соловьем-разбойником, либо в гневной сатире, шутливой иронии:

...Разрывает рот зевота
шире Мексиканского залива.

(В. Маяковский)

Гипербола свойственна не только литературе, но и бытовой речи в восторженных, сатирических и добродушно-шутливых ситуациях.

Литота — прием, используемый редко, особенно в быту. Правда, в общении взрослых с детьми используются уменьшительные формы: не *рука*, а *ручка*; указывая на огромный электровоз, дедушка говорит внуку: *Смотри, какой электровозик* и т. п. Эти обороты речи, иногда неестественные, могут быть скорее ложной стилизацией, чем фигурой преуменьшения. Приведем пример из литературы:

Мой Лизочек так уж мал,
Так уж мал,
Что из листика сирени
Сделал зонтик он для тени
И гулял.

(А. Н. Плещеев)

Наконец, к группе метафорических тропов относится эпитет; его необходимо выделить особо по нескольким причинам. Во-первых, эпитет следует отличать от обычного определения,

которое нельзя считать тропом, так как оно не имеет второго плана значения: *кирпичный дом, деревянная ложка, злая собака*. Но грани едва уловимы, и в сочетании *высокое небо* этот второй план уже ощущается, это уже троп — метафорический эпитет, особенно если рассматривать сочетания *высокое небо, лазурное небо*.

В поэтических произведениях тропы переплетаются, создают сложный образ, где каждый троп как бы слит с другими:

И серебром облиты лунным,
Деревья мимо нас летят,
Под нами с грохотом чугунным
Мосты мгновенные гремят.

(А. А. Фет)

Лунное серебро, чугунный грохот, мгновенный мост — очень емкие эпитеты, в них переплетено иносказание с реальным и непривычным смыслом.

Вторая особенность эпитета — это этикетное употребление: *Глубокоуважаемый Федор Константинович! Очаровательная принцесса!*

Эпитеты оценочны, их сила поразительна, они дают градации: *искусный, талантливый, непревзойденный мастер; ...надменные потомки известной подлостью прославленных отцов, пятою рабскою поправшие обломки, игрою счастья обиженных родов* (М. Ю. Лермонтов). Литература богата такими образцами.

Речевая практика выработала и такое понятие, как постоянный эпитет: *море синее, тучи черные, красна девица, розоперстая Эос* (заря), *Одиссей хитроумный, Кощей Бессмертный*. Эпитет может выполнять синтаксическую функцию не только определения, но и приложения: *Зевс-громовержец, девицы-красавицы*, и обстоятельств: *голоса звучали возбужденно; гром гремит раскатисто, оглушительно*.

85. Составьте словарь изученных фигур и тропов, сравните те и другие: попытайтесь самостоятельно определить возможности применения фигур и тропов в различных ситуациях речи, особенно с учетом стилистики.

Подберите по одному тексту независимо от его размеров и жанровой принадлежности, где, по вашей оценке: а) фигуры или тропы применены на высоком уровне мастерства; б) фигуры и тропы избыточны.

86. Творческое задание: употребите в собственном тексте: а) период; б) антитезу; в) 2—3 метафоры, по возможности оригинальные. Текст может быть любого стиля и жанра, но фигуры и тропы должны срастись с ним органично.

73. Прочие средства выразительности речи

В этой части будут названы разнородные приемы и формы, относящиеся к третьему канону риторики — элокуции. Они до-

полнят те материалы, которые даны в последних главах, и пополняют копилку изучающих мастерство и культуру речи.

Эти средства обычно не относят ни к фигурам, ни к тропам, ни к жанрам, ни к стилям.

Анаграмма

Буквально анаграмма — «перестановка букв». Но эта перестановка не лишена подчас большого смысла. Так, она создает шутовское сочетание: В. Маяковский назвал свое стихотворение «Схема смеха». Другой пример: в начале 20-х годов XX в. действовала политическая группа «Смена вех», ее название перефразировали иронически «Мена всех».

Зашифрованная шутка может оказаться весьма обидной: *Он пишет стихи, хитроумно подбирая рифмы*, — здесь звучит издевка *хи-хи*. Прием достаточно ядовитый!

Иногда анаграмма — средство шифра: Антиох Кантемир подписывал свои сочинения псевдонимом-шифром Харитон Макентин.

В акrostихе первые буквы строк стихотворения составляют какое-то слово, например в поздравительном стихотворении — имя поздравляемого.

Бывало, что автор зашифровал настоящую тайну в каком-то ключе, например, тайные слова можно было прочесть ходом шахматного коня в определенном тексте, но еще надо было знать, с какого места начать.

Наконец, в развлекательных целях создаются тексты-палиндромы, читаемые справа и слева одинаково: *А роза упала на лапу Азора* и т. п.

Подражание

Обычно оно предосудительно, так как противостоит творчеству, оригинальности. Но есть авторы, подражать которым нужно и даже почетно. Можно ли забывать, что ребенок (и взрослый тоже) усваивает родной и неродной языки подражанием, имитативно, не создавая язык заново; образцы широко используются в общении не только в перефразированном виде, но даже дословно. Подражания нередко оказываются очень ценными: многочисленные переложения Псалмов, «Подражание Корану» А. С. Пушкина, «Библейские стихи» А. А. Ахматовой. Напомним, что некоторые переводы ценятся выше оригиналов.

Подражание становится истолкованием, интерпретацией: в театре, например. Прочтение оригинала → его истолкование → обработка для спектакля → режиссура → своеобразие игры актеров → зрительское восприятие.

В сущности, весь процесс речевого развития человека построен на подражании, без него не обойтись ни оратору, ни тем более каждому члену общества.

Пародия

Это тоже подражание, но с сатирической окраской; основывается на утрированном и даже карикатурном подчеркивании писательской манеры пародируемого автора. Иногда пародия перерастает в подлинное искусство: известно, что «Дон Кихот» был задуман как пародия на романы рыцарских времен. Пародиями буквально насыщена книга «Козьма Прутков». В качестве примера — пародия С. Васильева на трагедию Ильи Сельвинского «Рыцарь Иоанн» — «Охота князя Василия Шуйского на Пао-пао»:

Прослышал князь, что штражникам против
В Московию, лесов рязанских скрозь,
Прорвался зверь породы «Пао-пао»,
Забрел, стервец, неведомо откель.
Размыслил князь и снарядил облаву,
Сто конных ратников и сто стрельцов
Пошли в обход...

В 80-е годы XX в. кумиром читателей и зрителей был пародист, поэт Александр Иванов, ведущий телепрограммы «Вокруг смеха». Талант пародиста может весьма пригодиться в полемике.

Стилизация

В отличие от пародии, это — подражание манере прошедших эпох или каких-то слоев общества, воссоздание стиля исторической эпохи, подделка стиля того или иного писателя без пародирования, с серьезной целью, для речевой характеристики персонажа и пр.

Блестящий пример стилизации в народно-поэтическом духе — «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова:

Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие:
То за трапезой сидит в золотом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят столыники,
Супротив его все бояре да князья:

Цитаты, афоризмы, пословицы

У цитат неважная репутация: ими злоупотребляют политики, лекторы.

Умелый лектор достигает успеха, во-первых, их нечастым разумным использованием, во-вторых, их качеством, выбором: крылатые слова, поэтические строки, афоризмы, информационно насыщенные тексты, как правило, слушателями воспринимаются с удовлетворением.

Кстати, некоторые крылатые слова, пословицы, поговорки, реже — афоризмы бывают близки к тропам, так как несут в себе иносказание, второй план значения: *прикованный Прометей; суд Соломона; прорубил окно в Европу; быть или не быть — таков вопрос; а воз и ныне там; цыплят по осени считают; Старость уходит осторожно | И подозрительно глядит* (А. С. Пушкин); *Остроумие — это дерзость, получившая образование* (Аристотель); *Торопись медленно* (Октавиан Август); *Человек идет за своей тенью и ЕСТЬ люди, у которых самые пороки милее и безвреднее, чем у иных — добродетели* (В. О. Ключевский).

Многие люди коллекционируют крылатые слова, афоризмы, имеют дома словари афоризмов, собрания пословиц, фразеологические словари. Это важное пособие в овладении речью, остроумием, ораторским мастерством.

Несколько советов к использованию «не своих» изречений:

- а) умеренность, уместность: не нагромождайте их в своей речи;
- б) они должны облегчать, а не усложнять понимание;
- в) не забывайте, что они действуют на эмоции, а не только на интеллект;
- г) всегда имейте в запасе несколько метких афоризмов, цитат, крылатых выражений;
- д) у слушателя не должно создаваться впечатление, что цитируемые тексты, обороты речи являются инородным телом в речи говорящего: они должны органически вращаться в собственную речь оратора;
- е) они уместны и в роли эпиграфа к письму, дневниковой записи, рассказу, и в роли заключительного аккорда, и внутри речи, особенно для снятия усталости и напряжения слушателей.

Глава 16. ПЕРЕЧНИ НАИМЕНОВАНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В РИТОРИКЕ

74. Жанры частных риторик, или видов красноречия

Академическое красноречие

1. Лекция университетская: обычно — составная часть лекционного курса, читаемого студентам, аспирантам. Служит образцом для других подобных выступлений в разных аудиториях, в последние десятилетия — и в средних общеобразовательных учреждениях.

2. Лекция разовая, просветительская — в клубе перед молодежью, на предприятии перед специалистами и пр.

3. Доклад на научной конференции, в общении специалистов, ученых, обычно вызывает обсуждение в дискуссиях, общении.

4. Доклад стендовый — на конференциях разных типов (конгрессы, симпозиумы, семинары и пр.); результаты исследования демонстрируются на стенде, автор комментирует, отвечает на вопросы.

5. Научный отчет по теме исследований, обычно письменный.

6. Рецензии на книги, статьи и пр., аналитические обобщающие отчеты, аннотирование, редактирование сборников статей и пр.

7. Дипломное сочинение студента при завершении университета, его публичная защита. Курсовые сочинения как подготовка к диплому.

8. Диссертация — научный труд (магистерская, кандидатская, докторская), публичная защита на диссертационном совете.

9. Научные труды: статья, тезисы доклада, монография.

10. Учебная литература для вуза: лекционные курсы, учебники и пособия, практикумы, методические рекомендации и пр.

11. Научные дискуссии — на конференциях, защитах диссертаций, в журналах и газетах и пр.

12. Консультации, индивидуальное общение студентов и профессора. Семинары, обсуждения книг и пр.

13. Свободное общение студентов между собой и вне вуза.

Судебная риторика

1. Речи обвиняющей стороны.
2. Речи защищающей стороны.
3. Судебный процесс — дискуссия (дискуссия сторон, показания свидетелей, изучение документов следствия и пр.).
4. Протоколы и стенограммы, звукозаписи суда.
5. Процедуры следствия: допрос как специфическая форма диалога; переписка; изучение документов и пр.
6. Слово подсудимого.
7. Процедура принятия решения суда, суда присяжных. Текст приговора. Частные определения суда.

Примечание: в последние годы употребляется понятие «юридическая риторика», включающая в круг своей компетенции деятельность нотариусов, юристов на производстве, психологов и пр. В этих сферах формируются свои типы речей, диалогов, документов и пр.

Богословская риторика (христианская)

1. Проповедь — обычно в конце богослужения, панихиды, речи на похоронах.
2. Молитва — раскрытие души, обращение к Богу.
3. Исповедь (таинство).
4. Беседы пастыря — священника с прихожанами, индивидуальная и соборная.

5. Общение миссионера со страждущими, больными, в заключении — с людьми, ищущими веры.

6. Катехизация: изучение основ богословия, Ветхого и Нового заветов.

7. В истории раннего христианства — Послания, например св. Апостола Павла римлянам, коринфянам.

8. В составе Библии: псалмы, притчи, песни, книги.

Напомним, что само Евангелие является произведением ораторства и содержит программу проповеди — гомилетики.

Политическое красноречие

1. Лозунги, призывы, тезисы, в которых сформулированы позиции и программы политических партий.

2. Уставы и программные документы политических партий.

3. Речи политиков-ораторов на митингах, съездах, собраниях, партийных съездах и конференциях.

4. Постоянная, регулярная политическая пропаганда и агитация в прессе, по радио, телевидению, в Интернете и пр.

5. Дискуссии внутри партии или вне ее состава.

6. Агитационные мероприятия в предвыборные периоды и в русле других кампаний.

7. Проекты в области законодательства, программы политических движений в обществе, стране.

8. Дискуссионные речи в Государственной Думе и других органах в прениях, полемике, дискуссиях.

9. Активное участие в средствах массовой коммуникации, владение мастерством журналиста в прессе, на телевидении. Умение побеждать в споре в крайне напряженных ситуациях.

10. Научно-политические произведения — статьи, книги, учебники политологии и пр.

11. Призывы, способные увлечь, поднять людей в экстремальных ситуациях.

Примечание: международная политика — в разделе «Дипломатия».

Военное красноречие

1. Боевой призыв, воодушевляющий, укрепляющий дух воинов.

2. Боевой приказ, письменный и устный.

3. Изучение и комментирование боевых уставов.

4. Военная пресса, радио, телевидение.

5. Учебная и просветительская деятельность среди военнослужащих.

6. Речи полководцев, командного состава в разных ситуациях: перед боем, в память погибших — над могилами, на торжествах побед.

7. Письма командира части семьям в мирное время, семьям погибших в бою.

8. Военная наука и история, мемуары: статьи, книги, встречи и т. п.

Деловой мир, деловое общение

1. Деловые встречи, предложения, формулирование условий, обсуждения.

2. Деловая переписка.

3. Служба экспертизы, анализа, маркетинга, менеджмента; соответствующие материалы, документация.

4. Юридические документы: законы, кодексы законов, постановления органов власти и др. Документация ведомства, фирмы и пр.

5. Специальная, профессиональная, научная литература, журналы, каталоги, проспекты, реклама, терминологические словари и справочники.

6. Организационная документация: планы, проекты, средства коммуникации, связи, соответствующие кодовые системы и пр.

7. Планирование на перспективу.

8. Системы контроля, оценки эффективности.

Примечание: деловое общение выходит далеко за рамки традиционного общения, оно весьма динамично и во многом засекречено (как, впрочем, и в политике, военном деле, дипломатии).

Педагогическая риторика

(в дополнение к академическому красноречию)

1. Коммуникативная деятельность учителя.

2. Учебные фреймы, сценарии.

3. Дискурс педагогический, его анализ.

4. Урок как сложное речевое управляемое действие, имеющее когнитивную и активизирующую личность функцию.

5. Информативно-учебный диалог.

6. Речь учителя: целеполагающая, объяснительная, направляющая поиск учащихся, обобщающая, оценочная, обогащающая духовный мир учащихся, возбуждающая их интерес.

7. Педагогический познавательный диалог.

8. Этикетный диалог.

9. Дидактический спектакль.

10. Развернутые ответы учащихся, их рефераты, доклады.

11. Пересказы, изложения образцовых текстов.

12. Творческие работы: сочинения разнообразных типов и целей.

13. Школьные газеты и журналы, переписка, дневники и пр.

14. Детское, юношеское литературное и ораторское творчество.

Государственная и дипломатическая сфера

1. Речи и переговоры государственных деятелей внутри страны и вне ее.

2. Оформление соответствующих письменных документов. Переписка.

3. Законодательная деятельность. Составление и заключение международных договоров, деклараций, меморандумов.

4. Формы придворного и международного этикета.

5. Дневники и мемуары дипломатов, государственных деятелей.

Общение в быту, в неофициальных и полуофициальных условиях

1. Речевой этикет на разнообразных уровнях, в разных средах.

2. Дружеские и семейные беседы на разнообразные темы — на отдыхе, в театре во время антракта, на прогулках и т. п.

3. Споры, перебранки, конфликты, скандалы и пр.

4. Обсуждения: от семейных дел до международных отношений.

5. Рассказы, воспоминания, планы на будущее и пр.

6. Переписка, ведение дневников, написание воспоминаний и пр.

7. Информация, телефонные разговоры, телеграммы и пр.

8. Литературное творчество.

9. Внутренние диалоги с самим собой, самоанализ до мук совести.

75. Виды речей по их целям

1. По назначению: речь для всех (например, в рекламе); речь лишь для избранных, компетентных, доверенных лиц; речь только для одного-единственного (возможно, только для себя).

2. Информационная цель — сообщение, обучение, просвещение и пр.

3. Цель — поиск истины, согласия, примирения, снятия противоречий. Например, спор, дискуссия, полемика, обсуждение, работа согласительной комиссии и пр.

4. Ритуальная речь, связанная с традициями, обрядами, религиозными актами и пр.

5. Цель — установление контакта, добрых отношений, расположения сторон к пониманию друг друга или, наоборот, установление субординационных отношений, перевод общения на официальный тон и т. п.

6. Цель речи — заинтересовать собеседников, создать условия для восприятия дальнейшего общения. Интригующая речь.

7. Регулятивная, планирующая цель, например инструктаж.

8. Речь — воодушевление людей, упавших духом; это речь, обращенная к духовному миру людей, оказавшихся в затруднительном положении.

9. Речь убеждающая (проповедь). Уговоры, склонение людей к определенной позиции, к вере чему-то, во что-то.

10. Речь — призыв к действию, преодолению опасности, возможно, к жертвам.

11. Речь — приказ, императивная речь («язык власти»).

12. Речь провокационная: склонение человека (обычно не без обмана) к предательству, разглашению тайны, поступкам, которые противоречат общепринятым понятиям и убеждениям, или — проще — интересам самого собеседника.

13. Речь эгоистическая (даже эгоцентрическая), ее цель — блеснуть своим остроумием, эрудицией, иногда унижить другого.

14. Эстетическая цель: театр, вокальная музыка и пр.

Мотивы речи бывают очень сложными, они пересекаются, однако говорящий должен осознавать свои побуждения, а слушающий должен (точнее, заинтересован) разбираться в мотивах говорящего, конструировать их: ведь такое умение всегда должно быть доминантой понимания всей речи. Это поможет слушателю подготовиться к реагированию.

76. Стили языка и речи

Функциональные стили языка

По В. В. Виноградову:

Функции языка: общение, сообщение и воздействие.

Стили: обиходно-бытовой, обиходно-деловой, официально-документальный и научный — функция общения, сообщения; публицистический и художественно-беллетристический стили — функция воздействия.

Стили речи — это стили жанров художественной и иной литературы, а также индивидуальные стили.

Стиль художественной литературы рассматривается особо.

(Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963).

По Б. Н. Головину и Ф. М. Березину:

Типы социальной деятельности: производственно-трудовая, научная, художественная, управленчески-деловая, политико-публицистическая, повседневно-бытовая.

Соответственно — функциональные стили языка: производственно-технический, научный, художественный, деловой, общественно-публицистический, разговорно-бытовой.

(Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. — М., 1979).

По Д. Э. Розенталю:

Устно-разговорные (в рамках литературной нормы):

а) литературно-разговорный;

б) разговорно-бытовой (просторечие, арготизмы — вне нормы).

Письменно-книжные стили: официально-деловой, публицистический и научные.

Особо стоит беллетристический (художественная проза). (Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. — М., 1967).

Стили речи, их разновидности менее упорядочены, чем стили языка.

По А. Н. Гвоздеву:

Стили публичной речи; стили бытовой, разговорной речи; торжественный (риторический), официальный (холодный), интимно-ласковый, юмористический, шуточный стиль, нейтральный стиль.

(Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. — М., 1955).

По Н. М. Шанскому

Языковые стили	Подстили
Научный	собственно-научный, научно-учебный, научно-популярный
Публицистический	газетно-публицистический, радиотележурналистский, ораторский
Официально-деловой	собственно законодательный, дипломатический, канцелярский

(Стилистика русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. — М., 1982).

По различным источникам второй половины XX в.:

Народно-поэтические стили: былинный, сказочный, песенный, стиль частушки, пословиц и пр.

Стили жанров и литературных школ: очерковый, басенный, торжественный (ода), классический, стиль проповеди, поучительный, романтический и пр.; прокурорский, библейский, эпистолярный.

Индивидуальные стили (в подражаниях): *он пишет в стиле Есенина*; стиль Достоевского, футуристов, Марины Цветаевой и пр.

В конце XX в. появились: стиль озвученной письменной речи, стиль детской речи; научный стиль делится на подстили по отраслям знаний — математический, химический; диссертационный стиль, лаконичный стиль, телеграфный стиль.

Примечание: просторечия, жаргоны, профессиональные языки, диалекты к числу стилей не относят.

77. Качества хорошей речи

Они выбраны из разных источников.

1. Несомненно, общепризнанной оценкой качества речи служит ее культура, как это изложено в главе 6 «Риторика и культура речи».

Но небесполезно обратить внимание и на некоторые оценки, дополняющие признаки, критерии, а иногда и противоречащие общепринятым.

2. Многие не любят слишком приглаженной, закругленной, безупречной речи, речи «без грамматической ошибки» (А. С. Пушкин), даже не прочь покрасоваться грубыми, нелитературными выражениями.

Что это: дурной вкус, дань обстановке, ситуации или извращенность?

Подобные мнения могли бы быть объяснены плохим воспитанием и необразованностью. Но нет! Это встречается даже среди мастеров слова!

3. В наше время нередко отрицательное отношение слушающих вызывает неумеренное употребление усложненных образов, тропов, мифологических символов, цитат и труднопереводимых англицизмов.

Такое оценочное восприятие совсем не означает, что слушатели малообразованны и не способны понять речь оратора.

Есть и такие сверхсовременные носители и «творцы» русского языка, которые искренне убеждены, что на рубеже веков уже создан совершенно новый русский язык и всякие ориентиры прошлого, по меньшей мере, устарели.

4. Современное восприятие речи предпочитает краткость. Это пока не относится к точно регламентированным речевым актам, например к вузовской лекции, длительность которой от 45 до 80 минут (напомним, что сохранять устойчивое внимание студенты способны не более 30 минут).

Как известно, краткость — сестра таланта. И хотя многое зависит от ситуации, забывать этот афоризм не следует.

5. Невозмутимость, приписываемая англичанам, обычно вызывает уважение окружающих. Но бывает и так, что эффективность общения достигается взрывом эмоций, даже резкостью, особенно в сложных ситуациях.

Риторика никогда не призвала к аффектам, тем более что они обычно произвольны и неуправляемы. Аффекты чаще разрушают намечающийся контакт, чем укрепляют его. Но и эта тема наводит на размышления...

6. Наконец, культура речевого общения предполагает толерантность (с обеих сторон, разумеется), примиримость, снисходительность к горячности собеседника, особенно в споре.

Снобизм, высокомерие в общении неуместны, недопустимы. Спокойно следует относиться и к употреблению диалектных слов и выражений, особенно в речи молодых людей, не стоит осуждать и умеренного употребления профессионализмов в общекультурном общении.

Никогда не следует забывать, что подлинная культура взаимоотношений — это зеркало личности, что-то вроде визитной карточки незнакомца.

78. Невербальные средства общения (паралингвистика)

Психологи подсчитали, что они в среднем повышают эффективность общения на 35 %; добавим к этому, что в отдельных случаях слова — ничто по сравнению с тем, что говорят глаза, а бывает, что молчание нам понятней всяких слов:

Нет, у него не лживый взгляд,
Его глаза не лгут.
Они правдиво говорят,
Что их владелец — плут.

(Р. Бернс)

Фонационные средства

Изменения громкости речи (усиление или ослабление голоса). Темп речи: убыстрение или замедление передает эмоциональное состояние говорящего, иногда коннотации. Средняя скорость нейтральной русской речи — 120 слов в минуту (70-е годы XX в.), речь учителя — 75 слов в минуту (80-е годы).

Тип голоса: мужской, женский, детский, старческий и пр. Все это несет подчас важную информацию. Например, усталость, возбужденность и пр.

Тембр голоса: передает эмоциональные состояния говорящих. Разновидности тембров: робкий, дрожащий голос — страх или растерянность; жесткий, напористый, командный голос; проникновенный, суггестивный и пр. Имитация тембра: подражание гортанному голосу, женскому голосу и пр. Креативный тембр: устрашающий голос как продукт специальной тренировки.

Интонации смысловые, отражающие синтаксические отношения: завершенность повествовательного предложения, интонация прерванной речи и пр., вопросительная интонация. Логическое ударение — интонационное выделение важных слов. Интонации выделительные, перечислительные. Интонационное разграничение темы и ремы в предложении. Интонационное различие в тексте при различии голосов персонажей.

Интонации психологические, эмоциональные (нередко передают дополнительный смысл): грустная — радостная, интонация скуки или возбуждения, мажорная — минорная, патетическая — ироническая, восторженная или интонация обиды, передающая грубость или ласку, нежность; интонация поучительная, покровительственная; интонация удовлетворения или неудовольствия, беспечности или озабоченности; смеха или слез и др. В русском языке насчитывается более 50 подобных пар.

Если смысловые интонации легко могут быть определены и поставлены, то психологические спонтанны, их трудно сдержать

и еще труднее имитировать: кому не приходилось наблюдать и ложную радость, и фальшивую патетику!

Здесь не обойтись без мастерства актерской игры.

Паузы; нулевая фонация:

смысловые паузы связаны с некоторыми интонациями, например в конце предложения;

психологические паузы передают растерянность или гнев говорящего, а иногда привлекают внимание слушающего к тому, что будет сказано;

паузы, передающие речевые затруднения, например поиск нужного слова.

Заполнители вынужденных, а иногда и умышленных пауз:

а) обычно — произвольные: *a-a-a-aa*, *мммм*, *нууу*, слов-паразиты *так сказать*, *знаете ли* и пр. Они не несут информации и оцениваются резко отрицательно;

б) произвольные, паузы-ожидания, бывает угрожающие, подкрепляемые взглядом или телодвижениями: покачиванием ноги, перебором четок, листанием книги, невнятным бормотанием и пр.; многозначительные паузы.

Кинетические средства (язык телодвижений)

Жесты, позы. Движения рук, имеющие постоянное значение: взмах рукой в знак приветствия; поднимание руки при голосовании; рукопожатие друзей; показ сжатой в кулак руки — угроза; покачивание головой в знак отрицания и др. Позы: вставание при встрече, поклоны торжественные или униженные, принятие позы римского оратора, изображение бегущего человека, объятия, аплодисменты и многое другое.

В современном мире (да и ранее) внимательно изучаются так называемые «языки телодвижений» (body language): движения человека, поправляющего галстук, прическу, манжет; человека, не знающего, куда деть руки.

Приводим примеры из «словаря» телодвижений, которые трудно прочитать:

а) поза и движения человека, который готовится к активным действиям;

б) человек указывает на что-то отдаленное;

в) напряженное, нетерпеливое ожидание;

г) удивление и радость;

д) удивление и разочарование;

е) сильное удивление, недоумение;

ж) испуг, попытка овладеть собой;

з) задумчивое ожидание, перерастающее в нетерпеливое ожидание, волнение и, наконец, в раздражение;

и) ожидание реакции собеседника на услышанное;

к) предостережение друзей об опасности.

Мимика, выражение глаз. Это множество видов улыбок, усмешек, ухмылок, нахмуривания; мрачное выражение; плач и смех. Глаза выражают любовь и ненависть, любопытство и безразличие, ликование и отчаяние; тысячи оттенков душевного состояния.

Графические средства в письменной речи

У европейских народов принято буквенное письмо, но даже при этом в общении используется немало идеографических и иных знаков: иллюстраций, чертежей, схем, географических карт, систем цифровых знаков и пр. Все они участвуют в передаче логической и эмоциональной информации, воздействуют на общающихся. К ним прибавилась электронная запись, лишь частично использующая графику. С точки зрения семиотики, знаками, несущими информацию, служат манера поведения, одежда, предметы быта, украшения, многие бытовые предметы и др. Так, золотое кольцо (обручальное) свидетельствует о том, что женщина замужем; бронзовый загар весной говорит о том, что человек побывал в южных странах, и т.д.

Паралингвистические средства компенсируют случайные и умышленные пропуски, недостатки вербального общения.

87. Самостоятельно потренируйтесь в воспроизведении интонаций, перечисленных выше. Постарайтесь войти в роль, вжиться в ситуацию. Если не получается, отметьте недостатки своего исполнения.

Примеры: дрожащий, срывающийся голос (сильное волнение); звенящий, восторженный голос (тоже сильное волнение); голос сочувствующий, соболезнующий; поставленный (креативный) тон приказа, команды.

Составьте фреймы (сценарии) для каждого варианта.

88. Опишите подробно состояние и позу, телодвижения человека в следующих ситуациях.

Радостная встреча; сдержанное поведение при встрече; разговор по телефону (составьте текст — реплики одной стороны); юбилей, застолье, поздравление — краткая застольная, поздравительная речь; в театре после спектакля, в гардеробе.

79. Речевой этикет. Его ситуации

Этикетные речи имеют много общего с фразеологией: их нельзя понимать буквально, они устойчивы в пределах определенного времени, стилистически окрашены, имеют социальные сферы использования.

Некоторые речи настолько специфичны для той или иной социальной группы, что служат почти паролем: так, этикет при-

ветствия, принятый в молодежной компании, непригоден в кругу, скажем, преподавателей вуза.

Встреча — приветствие

Ситуации: встреча двух друзей на стадионе; учитель входит в класс — предстоит урок; стюардесса в салоне лайнера; малознакомые мужчины говорят по телефону; дипломатическая встреча; ранним утром на берегу озера собираются рыбаки и сотни других ситуаций.

Прощание — расставание

Дружеское прощание молодых мужчин; тоже — немолодых людей; официальное прощание; прощание в неофициальной переписке; пожелания при прощании — в письме и устно.

Знакомство, представление

Меня представляет другое лицо в официальных условиях; я представляюсь сам в тех же условиях; контакт на равных: у молодых мужчин, женщин, немолодых интеллигентов и пр.

Благодарность

У верующих христиан; в шутливой фамильярной обстановке; в разноречивой среде (например, русские и французы).

Извинения

В толпе незнакомых; в школе — ученик перед учителем (и наоборот); шутовское в кругу молодежи.

Просьба

В официальном заявлении; в письме к незнакомому и к знакомому; эмоциональная или нейтральная; штамп, используемый всеми (и нежелательный).

Поздравления

С праздниками; знаменательными событиями; юбилеем и пр.; с личной удачей; свадьбой; успехами; Новым годом.

Приглашения

На научную конференцию; свадьбу дочери; повестка в суд (в качестве свидетеля); на гражданскую панихиду; на похороны.

Соболезнование, утешение

В связи с кончиной близкого человека; с болезнью — ободрение, моральная поддержка.

Совет, предложение, приказание

Дружеский совет, предложение; от руководящего, власти имеющего лица.

Обращение

В письме — к близкому; малознакомому; официальному лицу.

Оценка

Восторженная оценка концерта, балета и пр.

89. Составьте этикетные словари-справочники по рубрикам, приведенным в данной части. К каждой группе придумайте по одному этикетному диалогу.

90. Попытайтесь объяснить различия между: а) этикетным речением (повторяемым миллионы раз); б) языковым стандартом; в) языковым штампом (последнее слово имеет неодобрительный оттенок).

80. Самообразование и красноречие

Человек всего добивается сам. Мотивы, побуждения, целеполагание, четкий план, по ступеням, по срокам — знания и умения — результат. Таковая риторика поступка, риторика действия.

Принципы работы над собой

1. Индивидуальность, добровольность, личная заинтересованность.
2. Непрерывность, систематичность, плановость.
3. Полный отказ от узости: подлинное владение речью возможно только на прочном общекультурном фундаменте.
4. Гармоничное сочетание теории и практики.
5. Постоянные самоанализ и самооценка.

Уровни работы над собой

Это уровни: мотивационный, ориентационный, операционный, оценочный.

Эти уровни применимы и глобально, и локально.

1. Уровень имитационный, подражательный и репродуктивный.
2. Уровень моделирования, реферирования, сообщения; адаптационный уровень.
3. Поисковый, эвристический уровень: собственное конструирование, оригинальные решения вплоть до микрооткрытий.
4. Творческий уровень (возможно, субъективно-творческий вначале).
5. Уровень все более полного контакта с аудиторией.

Уровни овладения культурой речи

1. Уровень овладения нормами литературного языка (близко к 100 %).
2. Уровень овладения культурой речи в объеме риторики (содержание, логика, композиция, жанры, механизмы речи).

3. Уровень овладения формами выразительности речи, подлинным мастерством.

Конкретные умения и навыки как личностные качества

Общительность — коммуникабельность; организованность — точность, пунктуальность; раскованность, артистизм (у каждого — в своих пределах); абсолютно свободное владение языком и речевыми механизмами, безотказная память; креативность, стремление к творчеству.

Глава 17. ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

81. Диалоги, их виды. Дискуссионная речь

Диалогическая речь состоит в обмене репликами, высказываниями; это первичная, естественная форма языкового общения. Ее виды: свободный диалог — дружеское общение двоих; вопросно-ответный диалог, где участники неравноправны: на экзамене, между начальником и подчиненным; спор, полемика — дискуссионная речь; диалог как литературный жанр, например диалоги Платона «Федр», «Горгий»; пьесы — драматические произведения; внутренний диалог с самим собой или с воображаемым собеседником; говорят также о диалоге культур, диалоге поколений...

Диалогом называли также разговор многих, перекрестное общение группы лиц со сложным переплетением адресантов и адресатов; в наши дни появился термин *полилог*.

Наиболее тщательно изучаются формы и правила дискуссионной речи как средства поиска если не истины, то хотя бы взаимопонимания, консенсуса, примирения сторон. Именно к дискуссионной речи античные риторики и философы применяли термин *диалектика*. И в ораторской, и в научной речи дискуссии, полемика, споры, опровержения и доказательства, диспуты всегда занимали значительное место.

Термин *дискуссия* применяется в науке, политике, дипломатии, судебном процессе, т.е. в среде профессионалов, по строгим правилам, в устной или печатной формах. Примеры: широкое обсуждение русской орфографии в предвидении ее реформы (журналы, газеты); телепередачи «Глас народа»: одна из тем — о патриотизме (устно, импровизация); дискуссия в процедуре защиты диссертации на соискание ученой степени доктора наук; дискуссия, или прения, в Государственной Думе по вопросу о доверии правительству, парламентские дебаты и пр.

Полемика — это процесс спора, обсуждения, дискуссии, диспута (обычно — в университетах); искусство полемики заслуживает углубленного изучения.

Многие дискуссии вошли в историю, приведя к трагическим результатам. Известно, что и Сократ, и Демосфен предпочли смерть отказу от своих убеждений — научных, нравственных, политических.

Не менее трагична судьба христианских проповедников (1—2 вв. н. э., Рим), позже — судьба Яна Гуса, Галилея, Джордано Бруно, в России — протопопа Аввакума, идеолога старообрядчества (его сожгли никонианцы).

Примером высочайшего полемического мастерства служит переписку царя Иоанна Грозного и князя Андрея Курбского.

На протяжении нескольких столетий в России идет дискуссия между сторонниками западной и самобытной ориентаций в развитии России, принявшая в XIX в. наиболее четкие формы в позициях западников и славянофилов.

История культуры знает пример 40-летних споров между двумя великими учеными — Нильсом Бором и Альбертом Эйнштейном. Эта дискуссия, переходя подчас в запальчивую полемику, то ожесточенную, то ироническую и даже шутивную, была прервана кончиной Эйнштейна в 1955 г.

Образцы научных споров студенты могут найти в «Павловских средах» И. П. Павлова — физиолога, первого русского лауреата Нобелевской премии, в повести Д. Гранина «Зубр» (о генетике) и других его книгах, письмах И. Е. Репина, сочинениях П. С. Пороховщикова.

Ситуации дискуссионной речи: научные, мировоззренческие (например, Вольтер, Дидро), хозяйственные (например, в кабинете главного инженера металлургического завода), литературно-критические (в оценке достоинств нового романа В. Пелевина), политические и пр.

Возможная проблематика дискуссий: И. А. Гончаров, «Обыкновенная история»; мнения о романе «Доктор Живаго» Л. Б. Пастернака; риторика: наука о мудром слове или о красивом пустословии?; «что день грядущий нам готовит?»; экономика: национализация или приватизация?; что есть истина?

91. Составьте сценарии дискуссионных ситуаций по вашему выбору. Войдите в роль спорящих. Сформулируйте позицию каждого.

Составьте модель дискуссии: ситуация, проблематика, спорящие лица, их позиции, основное противоречие, доводы каждого, наиболее сильные аргументы.

92. Письменно составьте конспект (или тезисы) своего выступления по проблемам «Запад — Восток», или «Традиции — новаторство», или «Кем быть — каким быть», или «Альтруизм — эгоизм» и пр.

93. В любом произведении литературы найдите спор, полемику между персонажами на тему, которая вас трогает. Проанализируйте эти сцены по такой схеме: а) произведение, автор, эпоха; б) ситуация, вызвавшая

полемику; в) обсуждаемая проблема; г) участники спора. В чем острота позиции каждого?; д) степень накала страстей; е) на чьей стороне вы?; ж) самые сильные аргументы: 1) логические, 2) мастерство языка и риторики; з) ваша оценка корректности спорящих; и) общая оценка дискуссионной ситуации.

82. Полемические средства

Они представлены здесь в виде перечня в алфавитном порядке; каждое средство сопровождается комментарием.

Аксио́ма — отправное, исходное положение, которое не требует доказательства; в полемике может служить надежной опорой.

Аллего́рия (см. главу 15 «Тропы») — иносказание: в споре включает эмоциональный фактор, а также может разрядить излишнее напряжение.

Альтернатива́ — выбор из двух противоположных позиций: спорящие выбирают позицию и твердо придерживаются ее. Ситуация может быть альтернативной, она требует решения: либо то, либо другое.

Альфа и оме́га — первая и последняя буквы греческого алфавита, в речи обозначает нечто очень важное, то, с чего начинают и чем заканчивают; *от альфы до омеги* — «от начала до конца».

Анало́гия — подобие, сходство предметов, явлений в чем-то, в каких-то свойствах. Широко используется как аргумент в споре.

Аргуме́нты — доводы, в основном, логические. А. могут служить факты, традиции, мнения авторитетов, аналогии из жизни, математические и прочие научные обоснования, аксиоматические постулаты, примеры от противного (контрарные), статистические данные и др.

Вероятно́сть — степень возможности возникновения какого-то явления, события. Вероятностное прогнозирование — умение предвидеть возможное поведение оппонента в споре, ход дискуссии и, естественно, реагировать соответственно этому.

Гипо́теза — предположение, в котором говорящий (автор) почти уверен, но стопроцентных доказательств пока не имеет. В полемике нередко обсуждаются как раз гипотезы, а не окончательные истины. Умение отстоять свою гипотезу, позицию — это и есть победа в споре. Но не следует забывать, что в доказательстве гипотез обычно не хватает эксперимента, фактов.

Двусмы́сленность — логически некорректное суждение, его следует избегать. Возникает из многозначности слов, ошибок в цепи рассуждения. Иногда используется умышленно как софизм, но это путь недостойный и рискованный.

Доказа́тельство — одно из основных логических действий, цель полемики. В основе доказательства — аргументация, аксиоматика, «от определения», прямые и косвенные аргументы, ссылка на

ранее доказанные утверждения и пр. Слово *доказательство* имеет второе значение — «то же, что *аргумент*»: *У вас нет доказательств.*

Заблуждение — неумышленная ошибка, подчас уводящая очень далеко от истины. Непростительно в полемике: компрометирует спорщика.

Интуиция — способность находить решение задачи, минуя обычный логический путь; знание, источник которого человек не осознает, внутреннее озарение. Приходит на основе огромного опыта познания.

Уловка логическая — сознательное нарушение законов логики, софизм; ее цель — ввести оппонента в заблуждение: объективно — ложь.

Мышление — процесс познания в логических формах понятий, суждений, умозаключений, рассуждений, доказательств; основа формирования высказываний (внутренняя речь). Интеллектуальная деятельность, залог успеха во всех областях когнитивной и речевой деятельности.

Память, ее готовность — способность субъекта сохранять информацию, единицы языка, тексты, образы и воспроизводить все это с огромной скоростью. Натренированная память обеспечивает быстроту реакций в полемике, речи, находчивость, сообразительность, остроумие.

Парадокс — неожиданный поворот мысли говорящего, который, не прибегая к обману, может смутить оппонента, лишить его инициативы. Обладает огромной эффективностью в споре.

Рассуждение — логическая цепь умозаключений, приводящая (при отсутствии ошибок или колебаний) к несомненной победе в споре.

Сравнение — один из самых убедительных, наглядных аргументов в споре.

Тезис — краткое, почти афористичное выражение основной мысли, центральной идеи говорящего, а также утверждение, истинности которого следует доказать.

Факт — действительно имевшее место событие, сильнейший аргумент в споре, если, разумеется, он подтвержден. Грубая ошибка — называть фактом молву, непроверенные слухи и т. п. Факт — прямая вещь.

Софизм — уловка, умышленная ошибка; опирается на подмену понятия, на разные значения слова; скрытый обман; в полемике запрещен.

Язык — знаковая система, код внешней и внутренней речи, позволяющий не только выражать мысль для других, но и скрывать ее по желанию субъекта.

Главным же залогом успеха в споре является богатство знаний, хорошее владение языком и механизмами речи, быстрота и точ-

ность реакций в споре. Спор, полемика — не забава, но нельзя не видеть в нем соревновательного элемента, он сродни спорту.

Этот спорт требует волевого усилия, крепких нервов и спокойного знания: твой противник не постесняется воспользоваться любой твоей оплошностью.

Надо не только *знать* теорию диалога, особенно дискуссионного, но и *владеть* ею на 99 %. Величайшая ошибка — недооценивать противника! Но нужно верить и в самого себя, свою способность, свой успех: «Не могу молчать, не могу быть в стороне!» Сила духа помогает всегда. И не ради красного словца идет борьба мнений.

Опытный оратор не рвется вперед, он не спеша изучает противников, запоминает их ошибки, но не спешит ими воспользоваться. Небольшими репликами он входит в дискуссию, завоевывая внимание аудитории, и приберегает главное для решающей части спора. Всегда надо иметь резерв; самые сильные аргументы, возможно, так и останутся в запасе. Ведь спорим не в последний раз...

83. Как завоевать слушателей?

Советы выступающему

Ораторское выступление и даже бытовое высказывание часто протекают в условиях далеко не идеальных. Призыв: «Граждане, послушайте меня!» порождает только равнодушие, безразличие (а бывает и хуже):

Только граждане не хотят слушать,
Гражданам бы выпить и покушать...

(Е. Евтушенко)

Оратору приходится бороться не только за одобрение, но даже за элементарное внимание к его речи. Он покоряет слушателей и обаянием своей личности, и мастерством построения, силой слова, и актуальностью призыва, и артистическими приемами... Не гнушайтесь советами, даже взятыми из книги Остера «Вредные советы», — современная аудитория ценит юмор.

Изучайте свою аудиторию, если возможно — заблаговременно: образовательный уровень, возрастной состав, прошлый опыт, убеждения, психологическое состояние в момент общения — возможно, они устали и им не до высоких материй. Привлеките внимание метким заголовком, шуткой, постановкой острого вопроса.

Не спешите выложить перед покупателем самый ценный свой товар: пусть ваша главная идея засияет не сразу, к ней вы подведете слушателей поэтапно, по логическим ступеням. Интерес к вашей речи должен нарастать постепенно, чтобы о вас не сказали: начал он неплохо, но скоро выдохся. Держать аудиторию в напряженном ожидании нелегко, но хуже не замечать падения

внимания. Вводите яркое, необычное, способное возбудить интерес, восстановить внимание аудитории.

Люди ценят краткость и силу слова, но если выступление не может быть кратким (например, лекция), предусмотрите каждые 15—20 минут паузы — занимательные примеры, показ картин, шутки, краткие диалоги, даже анекдоты по близкой теме. Однажды в Риме на соревновании ораторов возник спор, кто выразит свою мысль предельно кратко. «Ео гус», — сказал один («я еду в деревню»). — «I», — ответил другой («поезжай»).

Научитесь чувствовать время, в случае необходимости на ходу сокращать объем выступления; плохо, если вы скомкаете заключительную часть, но еще хуже, если будете требовать дополнительного времени.

Всегда учитывайте мотивацию слушателя, она имеет шкалу, так как обычно слушают: по принуждению → по обязанности, служебному долгу → по собственному волевому усилию → по интересу, который зарождается, → по интересу, который захватывает, → по увлечению, с радостью.

Советы слушающему

Общение — двусторонний процесс: возможно, что слушающий даже больше заинтересован в нем, чем говорящий. Результат высказывания может иметь следующие формы:

- а) ответ или новое высказывание;
- б) поступок, действие слушающего, вызванное воспринятым высказыванием;
- в) обогащение знаний, интеллекта, памяти слушающего.

Иными словами, слушающий — тоже активная личность и важная сторона общения.

1. Есть такое понятие «речевое ожидание», особый настрой слушающего: направленность внимания → одна из форм интереса → прогнозирование, как и на каком языке будет произнесено высказывание → прогнозирование содержания речи. Если речь внезапна, речевое ожидание не успело сработать, акт общения может не состояться.

2. Слушающий на основе речевого ожидания формирует свою позицию к теме, содержанию того, что он слышит. Воспринятая речь либо гармонирует с ожиданием, либо корректирует его вплоть до противоположного.

3. Прежде чем обнаружить свою реакцию, слушающий выверяет возможные варианты смысла услышанного (второй план значения, возможно скрытый).

4. Есть понятие «благодарный слушатель». Он не перебивает говорящего, вежлив, внимателен, не затягивает ответа, не искажает сказанного, проявляет интерес. Но это не означает, что он так

же легко и быстро подчинится позиции говорящего, что выяснится позднее.

5. Слушатель в диалоге меняет свою роль: становится говорящим. Мена не должна быть слишком поспешна; в то же время ценится быстрота реакций.

6. Не исключена и такая реакция слушателей на прослушанную речь: все встают и уходят. Это тоже результат произнесенной речи, «обратная связь».

84. Риторический анализ текста

Один из главных методов изучения языка — языковой анализ, впервые разработанный Ф. И. Буслаевым. Его разновидности: грамматический анализ, словообразовательный, фонетический, орфографический, анализ художественного текста и пр. Риторический анализ отличается своей многогранностью, так как охватывает целое произведение, устное или письменное, от анализа дискурса (потока жизни, ситуации, породившей данное высказывание) до выбора слов. Примерный план анализа следующий.

1. Общая характеристика текста: устный или письменный, вид красноречия — политическое, судебное, деловой документ, поэтическое произведение.

2. Жанр и предметное воплощение: письмо, лекция, надпись на стене, речь на митинге, телеграмма, спектакль, монолог в спектакле и т. п.

3. Характеристика содержания: жизнеописание, текст закона, разговор друзей, рассказ о событиях, картина ландшафта (описание) и пр.

4. Анализ дискурса: ситуация жизни, события до и, возможно, после, кто говорит, кому, с какой целью, при каких обстоятельствах и пр.

5. Что известно об авторе, уровень его интеллекта, духовного склада?

6. Кто предполагаемый адресат, на какой уровень восприятия и понимания ориентировано высказывание и т. п.?

7. В каком стилистическом ключе построен текст (стиль, его разновидность), какими средствами выражена стилистическая принадлежность?

8. Композиция, построение речевого произведения, сюжетные линии и пр.

9. Характеристика риторических средств: фигуры, тропы, фразеология, афоризмы, монологи и диалоги, архаизмы, диалектизмы и пр.

10. Соблюдение нормы культуры речи, требований литературного языка. Особенности авторского стиля речи.

11. Если возможно — сведения о восприятии текста, степени его воздействия на читателей и слушателей, разночтениях, оценках, влиянии произведения на развитие науки, искусств, культуры (театральные и кинематографические интерпретации, создание произведений живописи, использование сюжета или образов другими авторами и пр.).

12. Ответ на три вопроса: что хотел сказать автор; что сказал; что сказал ненамеренно? (Н. А. Ипполитова). (См. также с. 22 данной книги.)

94. Подберите десять разных текстов. Устно потренируйтесь в их риторическом анализе. Затем выберите один из текстов и выполните его полный анализ в письменном виде: получится связное сочинение типа анализа, или аннотации, или рецензии. Возможно, вам удастся озаглавить его, отработать внутренние связи, ввести выразительные средства.

95. Представьте себя журналистом, оратором, адвокатом, премьер-министром, театральным критиком, клоуном в цирке... Войдите в роль, постарайтесь выполнить свои функции, как в ролевой игре. Повторяйте это упражнение как можно чаще, сначала без свидетелей.

85. Самоконтроль и самооценка

Напомним, что любое сознательное действие начинается с мотивации, целеполагания и завершается контролем и оценкой.

Самоконтроль осуществляется самим автором по этапам подготовки — от выбора темы до обратной связи. Особенно важно найти истоки неудач, понять, на какой ступени допущена ошибка, каковы причины, пути исправления.

Что же касается оценки, то сам автор — самый строгий судья. Оценка дается сперва общая, синтетическая, — оценивается результат целого выступления, его эффективность. Бывает и так, что оратор недоволен собой, а слушатели заинтересовались, значит эффективность высокая; хотя обольщаться все равно не следует. Позже, на досуге, проводится анализ и автор оценивает свою речь в деталях. Ниже даются схемы того и другого.

Синтетическая оценка

1. Речь удалась, не удалась.
2. Контакт с аудиторией был, контакт был слабый, контакта не было.
3. Оратора поняли, с ним согласились, его не поняли, с ним не согласились.
4. Как оратор держался во время речи? В каком эмоциональном состоянии он уходит с этой встречи, после этого выступления?

Аналитическая оценка

1. Как аудитория встретила оратора? — Доброжелательно, равнодушно, безразлично, недоверчиво, неприязненно, с открытой враждебностью.

2. Как началась речь? Робел ли оратор или держался уверенно? Вызвала ли вводная часть интерес, оживление, настороженность, безразличие, неприятие?

3. Шел ли доклад по плану, укладывался ли оратор во времени? Приходилось ли сокращать выступление, менять последовательность? Если да, то почему?

4. Как можно охарактеризовать настроение аудитории на всем протяжении речи: были ли признаки заинтересованности, какие именно и усиливались ли они по ходу слушания? Когда появились признаки усталости слушателей или потери интереса и какие? Каковы были признаки непонимания или, наоборот, интереса и увлечения?

5. Если аудитория реагировала отрицательно, как в целом, так и по частям, то чем это могло быть вызвано?

6. Были ли у оратора ошибки, повторы, неудачные обороты речи?

7. Как он сам оценивает выбор темы, ее раскрытие, свою позицию, построение (композицию) выступления, его начало, конец, логику, выводы? Чем объяснить неудовлетворенность слушателей?

8. Как сам оратор оценивает работу механизмов речи, дыхание, интонации, не было ли излишнего напряжения, вялости, упрощения, фамильярности, свободен ли он держался, не злоупотреблял ли жестами и мимикой?

Полезно послушать, что говорят слушатели — люди прямые, которые не станут золотить пилюлю.

96. Составьте для себя личную программу самообразования и самовоспитания, куда органически войдут риторика, культура речи, социальная активность и пр. В программе должны быть определены: цель как осознанный мотив, содержательная часть — теория, практика, общекультурный компонент. Минимальный срок действия программы — один год.

Глава 18. РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ, ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Их виды:

произносительные ошибки — орфоэпические, нарушения ударений, произносительных норм: интонационные, голосовые, акцентные; они оказались самыми частотными в СМИ последних лет;

лексические ошибки изучены, но и их типология далеко не полна; не всегда ясны их причины, например причины неточного выбора слов;

словообразовательные ошибки фиксируются в самых простейших случаях, некоторые словообразовательные сферы, например аббревиация, вообще не упорядочены, поэтому эта группа ошибок представлена лишь примерами;

грамматические ошибки, т.е. нарушения соответствующих норм, имеют хорошо разработанную теоретическую основу, имеются и типологии морфологических и синтаксических неправильностей, но и в этой, относительно благополучной, области имеется огромное количество переходных явлений;

стилистические ошибки мало изучены, здесь представлены лишь примеры.

Ошибки логические, композиционные и пр. в этой главе не рассматриваются.

86. Произносительные ошибки

Орфоэпия. Ударения

Орфоэпическая норма опирается на фонетические законы, традицию и собственные правила, которые изложены в «Словаре трудностей русского произношения» М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной (М., 1997). Расхожее мнение, будто орфоэпия не имеет правил, ошибочно. Но нельзя не признать, что орфоэпия трудна и дает огромное количество ошибок; приводятся примеры:

Норма	Ошибки
докум'ент	докум э нт
кон'н'ик	конн'ик
д'еф'ект	дэф'ект
подпочеч'ный	подпочешный
куз'н'ечик	кузн'ечик
перес'н'ять	пересн'ть
экспр'ес	экспресс (долгий с).
кур'жер	куржер.

В упомянутом справочнике дано 15 тысяч трудных случаев произношения: самые трудные связаны с мягкостью согласных (знак мягкости [']).

К орфоэпическим ошибкам близки неправильные ударения; в справочниках даются перечни слов, «опасных» в смысле ударений; приводим примеры:

Алфавит и производные	баловаться, но балóванный
верблúды	гнáл, гнáла, гнáли
грéбень, грéбни, грéбня	гúсеница, гúсеничный

задал, задалá, задали, задано	зажил, зажилá, зажило (о травме)
заперта́ дверь	запыхáлся
звонíт, звоня́т, звони́шь	изредка
и́скра, и́скрой, но искри́стый (двойное ударение)	

Примеры фонетических законов:

- а) долгие согласные на конце слова теряют свою долготу;
- б) в сочетании *стс* не произносится звук [т]: не [шестьсот], а [шессот] и пр.

Примеры орфоэпических правил:

- а) на стыке суффиксов *-ист-* и *-ск-* на месте букв *-стск-* могут произноситься *-сск-* и *-ск-*: альпини[сс]кий или альпини[с]кий;
- б) в сочетании *-стл-* в большинстве случаев не произносится звук *-т-*: [счаслívый], [жа́лосливый], но [костлívый].

Произносительные недочеты возникают по следующим причинам:

- а) плохо развито речевое дыхание: говорящему хватает одного набора воздуха лишь на 5—6 слов, он делает частые паузы; это нарушает ритм речи, интонации, рисунок фразы. Необходима тренировка: надо приучить себя одним выдохом произносить 10 слов, затем 12 и так до 20—25.

- б) нарушается необходимая громкость: один ее превышает — кричит, другого никак не расслышишь;

- в) нередко общению мешают патологические явления, например заикание, или привычки: шепелявость, грассирование. Все это противоречит культуре речи. Впрочем, есть оригиналы, умышленно искажающие нормы языка;

- г) нельзя умолчать и о плохой дикции, нечетком артикулировании звуков.

Нарушения интонационных конструкций ИК-1 — ИК-7 редко встречаются в родном языке, но чаще имеют место в речи иностранцев.

87. Лексические ошибки

По мнению исследователей, они занимают второе место после произносительных. Но не всегда бывает ясно, что считать ошибкой: так, в предложении *Сегодня оттепель: восемь градусов мороза* ошибка очевидна, следовало сказать *потепление*, а не *оттепель*. Но общая претензия к говорящему и пишущему — бедность словаря, и это самое плохое качество речи; однако конкретной ошибки указать невозможно. Невозможно конкретизировать ошибку и в ситуации «неудачный выбор слова»: писатель, бывает, до десяти раз заменяет слово, такой поиск наилучшего слова мучителен. Кстати, изучение лаборатории поэта бывает очень поучительно.

Назовем некоторые типичные ошибки:

- а) неудачный выбор слова по его значению;
 - б) употребленное слово не соответствует стилю, например разговорное слово в официальном тексте;
 - в) употребление диалектных, просторечных слов в строго литературной речи;
 - г) неоправданный повтор одного и того же слова;
 - д) искажение слова, обычно малознакомого;
 - е) неуместное употребление иноязычного слова, особенно такого, которое непонятно слушателям;
 - ж) анахронизм: например историзм применен к современным событиям;
 - з) смешение паронимов;
 - и) канцелярит;
 - к) выбор слова приводит к двусмысленности: *машинист* и *машинистка* по аналогии с парой *радист* и *радистка*;
 - л) искажение фразеологизма: «кричит на всю демьяновскую».
- Ошибкой считается и образование окказионализмов (это разрешается лишь поэтам — вспомним И. Северянина, В. Хлебникова и многих других).

Но и любому носителю языка приходится иногда вводить в свою речь новообразованные слова. Они образуются: с помощью аффиксов — приставок, суффиксов, сложением основ, усечением основ, сокращением двух или нескольких слов (аббревиация), введением новых значений старых слов. Лексический фонд обогащается за счет введения слов другого языка. Следовательно, не исключены ошибки и в образовании слов.

88. Словообразовательные ошибки

Наиболее вероятны ошибки в тех ситуациях, которые в словообразовании плохо упорядочены — нет единых и четких правил. Это:

- а) аббревиатуры: их образуют все. Например *УНИ* — *Управление налоговой инспекции*. Таких слов десятки тысяч, созданы и употребляются в рамках ведомств, но они и в прессе, и на вывесках, и даже в устном общении, и это порождает множество недоразумений;
- б) образования, связанные с географическими названиями: имена прилагательные типа *средиземноморский*; можно ли сказать по аналогии *баренцевоморский*, *желтоморский*? В речи возникают и такие образования, по-видимому, ошибки;
- в) ошибки в образовании названий жителей городов, других населенных пунктов, территорий. Житель и жительница Якутска, как правильно: *якутчанка*, *якутянка*? Как назвать жителей села Михайловка, городов Улан-Удэ, Полотняный завод?;

г) ошибки в полуслитных (дефисных) образованиях типа *экономико-статистический*.

Усечение слов происходит из-за трудности произношения: «трудящие».

Увлечение абстракциями, отвлеченными именами существительными с суффиксами *-ение*, *-ание*, *-ость*: *протоколоведение*; *не хватает терпеливости*, *высокоинтеллектуальность* и т. п.

Ошибки, связанные со словообразованием, не исследованы: их частотность, типы, причины да и сам факт ошибки трудно установить.

89. Ошибки в синтаксических конструкциях

Наиболее частые ошибки (по Н. Н. Алгазиной):

- а) нарушения согласования, главным образом в числе: *Свежий воздух и спорт полезен для здоровья* (нужно — *полезны*);
- б) нарушения глагольного управления, предложного и беспредложного: «любоваться на закат» (надо: *любоваться закатом*), «беспокоиться за отца» (надо: *об отце*) и др.;
- в) нарушения связи местоимений с теми словами, на которые они указывают: *Недалеко от пруда стоял шалаш, мы купались в нем*.
- г) местоименное удвоение подлежащего: *Коля — он был высокий, широкоплечий* (влияние разговорного стиля, на грани просторечия);
- д) неправильное употребление личных местоимений в косвенной речи: *Лесник рассказал, как я (т.е. он) только что встретил огромного лося*;
- е) неоправданный пропуск членов предложения: *Решили пересечь речку вброд, кучер вел лошадь, держа под уздцы; Выбрались на противоположный берег сухие — только кучер промок*;
- ж) нарушение видовременной соотнесенности глаголов в предложении или компоненте текста: *Мальчики лежали вокруг костра, тихо переговариваясь Павлуша начинает свой рассказ* (лучше было бы *начал*);
- з) нарушения единства формы в ряду однородных членов предложения: *Герасим был крепостным крестьянином, трудолюбивый*;
- и) синтаксический монотон (Н. И. Жинкин), т.е. однообразие предложений, структурные повторы обычно не усложненных предложений;
- к) неудачный порядок слов, затемняющий понимание смысла предложения: *Узкая полоска только с берегом связывает этот остров, превращая его в полуостров*;
- л) причастный оборот отделяется какими-то словами от определяемого слова: *Эта пятерка меня страшно обрадовала, полученная впервые в жизни*;

м) включение определяемого слова внутрь причастного оборота: *Солнечный луч освещал падающие листья с ветвей липы*;

н) неоправданное нарушение прямого порядка слов в предложении, или неоправданная инверсия;

о) смешение подчинительных и сочинительных союзов в сложном предложении: *Но так как Герасим не мог говорить, и он назвал любимую собаку Муму*;

п) неудачное использование союзов и союзных слов в сложном предложении: не тот союз, лишние союзы, повторы союзов, их искажение;

р) смешение, неразграничение прямой и косвенной речи в тексте, а в письменной речи — ее неправильное или неполное оформление;

с) не выражена связь между предложениями, входящими в компонент текста, или нарушения связности текста и др.

Богатая типология ошибок этой группы объясняется высоким уровнем разработанности синтаксиса.

90. Нарушения морфологической системы

К их числу относятся:

а) смешение признаков одушевленных и неодушевленных имен существительных: *Я заметил под деревом красавца боровика*;

б) колебания в роде: *Однажды кот поймал мыша* (встречается в говорах);

в) применение мужского рода к женщине: *Анна мечтала стать летчиком* (мужской род применяется в особых случаях: *Анна Ахматова — великий поэт*);

г) неуместное употребление устаревших форм: *в темном лесе* (современная форма *в лесу*, но в народной песне — *в темном лесе*); в сущности, это стилистическая ошибка; к этому же типу относится употребление и других устаревших слов в нейтральном тексте: *Отче* — форма звательного падежа, *смеючись* — формы деепричастия и пр.;

д) многочисленные, массовые ошибки в склонении имен числительных, особенно собирательных типа *четверо*, сложных типа *семьсот*, составных типа *восемьсот девяносто семь* и дробных типа *двадцать один* и *семьдесят пять сотых*;

е) полная форма имен прилагательных в роли именной части составного именного сказуемого: *Лес красив(ый) в любое время года*;

ж) неуместное употребление краткой формы прилагательного в роли определения: *Мой сын очень способен, у него большие способности*;

з) неправильное образование форм степеней сравнения имен прилагательных: *Он богаче всех* (надо: *он богаче*); *Он был веселейший* и т. п.;

и) неправильные модели притяжательных прилагательных: *Я отдыхал в сестриновом саду* (надо: *в сестрином*) и пр.;

к) неправильное образование некоторых форм склонения местоимений: *Я был в гостях у ее* (надо: *у нее*); ошибки в склонении местоимений *сам, самый, чей, какой-либо* и некоторых других;

л) смешение видов глагола, главным образом при соотношении инфинитива и форм настоящего/будущего времени: *бежать — он бежит* (надо: *он бежит*); *бегать — он бежит* (надо: *он бегают*);

м) смешение классов глагола, вследствие этого — ошибки в образовании форм спряжения: *Я «искаю», ты «искаешь»...*; *Я «сознаваю»...*; *для этой работы «потребуется» много дней*;

н) ошибки в чередовании согласных при образовании форм спряжения некоторых глаголов: *берегу — «берегешь»* (надо: *бережешь*), *увлечусь — «увлекаешься»* (надо: *увлечешься*);

о) образование причастий от основы инфинитива: «вытеревший» — надо *вытерший*; с суффиксом *-т*: «убратый» — вместо *убранный* и т. п.;

п) неправильный выбор суффикса при образовании деепричастий: «увидя» — нужно *увидев* или *увидевши* и др.

Изучение ошибок — дело полезное для их предупреждения; но основой хорошей речи ошибки быть не могут: эту функцию выполняют образцовые тексты: правильная, высококультурная языковая среда, устная и письменная.

97. Подберите текст для правки: рекламный листок, биографию кандидата, инструкцию, которая приложена к товару, газету, студенческую курсовую работу и пр. Выявите не менее пяти недочетов, ошибок, выпишите их из текста, чтобы было понятнее. Каждый недочет поясните. (Приводится пример из авторитетной газеты.)

Например: *За последние десять лет состав правительства в России изменялся 98 раз. В Белом доме перестали даже делать ремонт к приходу очередного министра*

1. Изменения в правительстве бывали, как правило, не во всем его составе, слово же *изменялся* предполагает полную замену. Ошибка лексическая, неточный выбор слова.

2. Не слишком ли разухабистый тон текста, сообщающего о важных событиях. Недочет стилистический: неадекватный выбор языковых средств. Ирония должна быть строже.

Подобренные вами примеры должны быть обсуждены на семинаре.

91. Редактирование текста

Редактор — профессионал, его место в издательствах, редакциях газет, государственных департаментах. Но и каждый человек нуждается в элементарных умениях в области редактирования.

Из третьей речи «Против Филиппа, Царя Македонии»

...Впрочем, чего еще недостает до крайней его надменности? Не предписывает ли он Фессалийцам, каким образом должны они управляться? Не посылает ли он войска — одни в Портмос, чтобы изгнать Эретрийских демократов, другие в Ореос, чтобы поставить тирана Филистида? Но тем не менее Эллина, видя это, терпят и, мне кажется, смотрят таким же образом на него, как смотрят на град, — всякий молится, чтобы этого не было, но никто не старается этому препятствовать. И не только никто не отражает то, благодаря чему вся Эллада им посрамляется, но не отражает и то, вследствие чего каждая греческая народность в отдельности от него терпит оскорбление. Дальше этого уже идти некуда! Не дошел ли до Амбраки и Левкады — колоний коринфских? Не оклялся ли передать ахейский город Навпакт Этолийцам? Не отнял ли он Эхин у Фиванцев? И теперь не идет ли он на Византийцев, его союзников? Не присвоил ли он — не от нас, я умалчиваю о прочем, — но от Херсонеса — его главный город Кардию? И вот, терпя это, все мы медлим, нежیمся, смотрим на соседей, не доверяем друг другу, а не ему, который наносит нам оскорбление. Так, если он сейчас нагло обращается со всеми, как, думаете вы, он поступит, когда станет господином над каждым из нас в отдельности.

Что же за причина настоящего положения? Ведь не без основания и не без причины тот факт, что тогда Эллина так рвались к свободе, и теперь так расположены к рабству. Было тогда, было, Афиняне, нечто такое в образе мыслей большинства, чего теперь нет, что и одержало верх над богатством Персов и вело к свободе Элладу, которая не уступала никому ни в морском, ни в пешем сражении. Теперь же все потеряно, все расстроилось и во всех делах низ стал верхом.

(Демосфен, ок. 384 — 322 г. до н.э.)

2. Панегирик. Речь прочтена на Олимпийском празднике.

Часто удивлялся я на организаторов всенародных праздничных собраний, что они выдающиеся физические качества таких больших наград удостоивали, а тем, которые индивидуально потрудились для общего блага и все стремления направили к тому, чтобы и всем другим быть в состоянии оказать пользу, этим людям никакого почета не воздавали; об этих последних людях им естественнее было бы больше проявить заботы; ведь что касается атлетов,

Сначала — о принципах редактирования:

а) оно всегда предполагает жесткий критический анализ своего или чужого труда, текста; собственный должен «отлежаться», чтобы воспринимался как бы заново;

б) редактирование имеет несколько этапов, уровней; это нужно и для неоднократного перечитывания с интервалами, и для смены задач: во-первых, понять автора и усвоить содержание редактируемого текста, целой книги; во-вторых, достичь ясности, точности, доступности изложения глазами придирчивого читателя; в-третьих, выверить логику: выделение главного, выверка обоснованности, аргументов, доказательств; в-четвертых, и это самое главное, — язык: выбор слов, сочетаний, правильность и разнообразие конструкций, ясность образов, точность цитирования, грамматика, даже орфография;

в) третий принцип — редактирование нацелено на адресата, его восприятие. Кто будет читателем? Человек с высшим образованием или школьник, специалист, прекрасно владеющий языковыми средствами своей профессии, или новичок в данном деле? Фактор адресата руководит не только автором, но и редактором.

г) редактирование подчинено определенным стандартам: юридическим и коммерческим, политическим и издательским, школьно-учебным и книжно-журнальным. Эти стандарты определяют, например, стиль — научный, официально-деловой и пр.; средства этикета; наличие иллюстраций, чертежей, карт, приложений, вплоть до расположения всего этого на страницах. В учебнике текст разделяется на части, которые определяют «дозу» материала, насыщенность его новыми понятиями и терминами, важнейшие правила выделяются шрифтом или помещаются в рамочку и пр.

Работа редактора в издательстве имеет этапы: без автора, без его влияния; редактор постепенно осваивает рукопись, он должен знать ее лучше, чем автор. Затем — совместная работа с автором, выяснение трудных мест. Наконец, снова без автора: редактор готовит текст к набору: например, размечает шрифты, расположение материала на полосе и пр.

Опыт редактирования дает автору такие навыки, как перевоплощение в читателя и слушателя своего произведения; навык чтения не текста вообще, а каждой буквы, прочитывание и взвешивание каждого слова.

98. Систематически, не менее одного часа в неделю, тренируйтесь в редактировании собственного текста. После написания пропустите 2—4 недели. Такая тренировка не должна быть разовой, эпизодической. Ваши поправки, дополнения тоже должны полежать, чтобы через пару недель вы их воспринимали, будто чужие.

Не ограничивайтесь письменными текстами; записывайте устную импровизацию на пленку, прослушивайте ее и научитесь редактировать не только письменный, но и устный текст.

то, если бы даже они получили двое больше силы, ничего не прибавилось бы всем прочим, а от умно мыслящего даже одного человека все извлекли бы пользу, желающие приобщаться его образу мыслей. Однако я не пал духом и не предпочел безразличное отношение, но, признав достаточной наградой для себя будущую славу благодаря этой речи, выступаю с советом и относительно войны против варваров, и относительно согласия среди нас самих: причем мне небезызвестно, что многие из выдававших себя мудрецами уже набросились на эту тему; но я надеюсь превзойти прочих, благодаря чему всем другим покажется, что ничего никогда не было сказано об этих вещах, а вместе с тем я признал, что самые лучшие из речей — те, которые трактуют о важнейших вопросах, речи, которые и ораторов больше других на вид выдвигают, и слушателям больше других пользу приносят; одна из таких речей и эта. Да и удобный момент еще не миновал, когда было бы уже напрасно и напоминать об этом; ведь тогда следует прекращать речь, тогда или данные события не будут иметь места и больше не явятся необходимости обсуждать их, или если речь покажется такой совершенной, что не оставит возможностей другим ораторам что-нибудь прибавить. А пока события находятся в прежнем состоянии, сказанное же по этому поводу слабо, как после этого глубоко не обдумать эту мою речь, которая, если будет иметь успех, и от междоусобной войны, и от настоящего тревожного положения, и от величайших бед нас избавит? Кроме того, если никоим образом иначе нельзя было бы освещать одни и те же события, как только в одной форме, то могло бы прийти кому-нибудь в голову, что излишне, говоря в той же форме, в какой говорили другие, снова надоедать слушателям; но так как природа речей такова, что является возможность об одних и тех же предметах трактовать на разные лады, важные вещи делать маловажными, незначительным придавать значение, старое представлять по-новому, а о недавно происшедшем сказать по-старому, в таком случае больше нельзя избегать говорить о том, о чем раньше сказали другие, но лучше их следует попытаться сказать.

(Исократ, 436—338 гг. до н.э.)

99. Сравните синтаксический строй речей Демосфена и Исократ. Попробуйте дать оценку речи Исократ с точки зрения слушателей. Скажите свое мнение по существу обсуждаемого вопроса в речи Исократ.

3. Лаконичность, афористичность.

Красноречие в Спарте

Спарта издевалась над состязаниями афинских ораторов. Здесь были свои ценностные ориентации. Так, согласно легенде, мать, провожая сына на войну, сказала: «Вернись со щитом или на щите».

Вот пример изречения Ликурга, государственного деятеля: «Надежнее, когда город окружен не кирпичами, а людьми (воинами)».

4. Аллегория

Ворон и лисица

Удалось Ворону раздобыть кусок сыру, взлетел он на дерево, уселся там и попался на глаза Лисице. Задумала она перехитрить Ворона и говорит: «Что за статный молодец ты, Ворон! И цвет-то твоих перьев самый царственный! Будь только у тебя голос — быть тебе владыкой всех пернатых». Так говорила плутовка. Попался Ворон на удочку. Решился он доказать, что у него есть голос, каркнул во все воронье горло и выронил сыр. Подняла Лисица свою добычу и говорит: «Голос, Ворон, у тебя есть, а ума и не бывало».

Не верь врагам — проку не выйдет.

(Эзоп, VI в. до н.э.)

5. Диалог как жанр.

Из диалога «Федр»

Сократ. Любезный Федр, куда и откуда?

Федр. От Лисия, Сократ, сын Кефала. Иду прогуляться за город. Много времени просидел у него, с утра. По совету твоему и приятеля моего Акумена. Он говорит, что прогулки по дорогам не так утомляют, как прогулки в дромах (места для бега).

Сократ. И правильно, приятель, он говорит. Но Лисий-то был, по-видимому, в городе?

Федр. Да. У Эпикрата, недалеко от храма Олимпийца.

Сократ. Чем вы занимались? Очевидно, Лисий угощал вас своими речами?

Федр. Узнаешь, коли тебе досуг идти со мной и слушать.

Сократ. Почему бы нет? Разве, по-твоему, для меня, как говорит Пиндар, было бы «выше занятий» послушать твою беседу с Лисием?

Федр. А и в самом деле, Сократ, послушать тебе об этом вполне пристало: ведь та речь, о которой мы вели беседу, не знаю уж, каким образом, но касалась любви. Вот что забавно: Лисий утверждает, что следует угождать нелюбящему более, чем любящему.

Сократ. Как великодушно! Вот если бы он написал, что должно угождать больше бедному, чем богатому, старшему больше, чем младшему, и тому подобное, что подходит ко мне и к большинству из нас, тогда действительно, его речи были бы остроум-

ны и для народа полезны. Я, во всяком случае, горю таким желанием слушать, что ни за что не отстану от тебя, даже если бы ты пошел гулять пешком в Мегары и, по примеру Геродика, подойдя к городской стене, повернул оттуда обратно.

Федр. Что ты говоришь, милейший Сократ! Неужели ты думаешь, что я, обыкновенный человек, могу достойным Лисия образом припомнить то, что сочинял в течение долгого времени, на досуге, он, Лисий, самый сильный мастер из всех теперешних писателей? Куда мне! Правда, я это предпочел бы обилию золота.

Сократ. Ах, Федр! Если я Федра не узнаю, значит, и себя я забыл. Но <...> ни то, ни другое. Я уверен, что Федр, слушая речь Лисия, не просто один раз ее прослушал: нет, он много раз просил ее повторять, а Лисий охотно соглашался на это. Но Федру и этого было мало. В конце концов он взял с собой свиток, пересмотрел все то, что его привлекало всего более, просидел за этим делом с утра и только тогда, клянусь собакой, оставил свиток в покое и пошел, я думаю, гулять, когда выучил речь наизусть!

Платон, ок. 427 — ок. 347 гг. до н.э.

100. Составьте свой диалог на любую тему, но, разумеется, в современной манере. Сравните свой диалог с диалогом Платона. В диалоге Платона отметьте особенности стиля, средства оживления речи.

6. Самая короткая речь Цицерона с комментарием Н.А. Безменовой.

Цицерон, давно уже не державший речей в Сенате, берет слово, чтобы поблагодарить Цезаря за прощение оклеветанного и впавшего в немилость Марцеллия. Оратор прекрасно осведомлен о крайнем недоумении, царившем среди сенаторов из-за его длительного молчания. Даем в переводе чрезвычайно лаконичную речь Цицерона и попытаемся ее проанализировать.

«Долго я хранил молчание. Но не из-за страха». «Мешала боль за друга». «Пока существует сострадание, нет места клевете». «Истина всегда торжествует».

(Марк Туллий Цицерон I, 106—4 гг. до н.э.)

Текст, вызвавший овацию римских сенаторов, оказывается почти непонятым читателем, если не восстановить ту систему внутреннего диалога, который оратор ведет со слушателями:

«Долго я хранил молчание». Эта почти избыточная фраза (на первый взгляд) оказывается уместной не только как элемент вступления, но и как вызов на диалог для объяснения своего молчания, которое приписано опасению оказаться неугодным Цезарю. Итак, аудитория вызвана на диалог, и ее первым молчаливым вопросом должен быть: «Почему?» В самом деле, почему оратор хранил столь долгое молчание?

Ответ Цицерона скор и лаконичен «Но не из-за страха». Это *no* симптоматично: со всей силой отвергает оратор оскорбительное предположение публики о его боязни высочайшего гнева. Лаконичность ответа, поддерживающая напряженность момента, вызывает новый, уточняющий вопрос аудитории: «Почему же тогда?» Ответ на этот мысленный вопрос должен быть точен, чтобы не вызвать крайнее раздражение у аудитории, не выдерживающей драматической ситуации.

«Мешала боль за друга». Здесь Цицерон почти бросает вызов Цезарю, личным врагом которого был Марцеллий. Однозначность внутреннего диалога в этом месте нарушается, и далее можно предположить только вариант. По-видимому, аудитория должна отреагировать так: «Почему же сегодня заговорил?»

«Пока существует сострадание, нет места клевете». На афоризм, как известно, ответа нет, хотя и здесь публика вправе спросить, о чем сострадания идет речь: Цезаря, которого за амнистию Марцеллия призвал публично поблагодарить Цицерон, или самого Цицерона, страдавшего вместе с другом. Однако сильное слово *клевета*, брошенное как почти обвинение Цезарю, гонителю невиновных, снимает этот вопрос: сострадание жертве собственного злодеяния не может быть заслугой тирана. На какой же вопрос аудитории ответит следующая, финальная фраза Цицерона? По-видимому, вопрос этот должен быть таким: «Кто же, если не Цезарь, способствовал твоей радости и реабилитировал Марцеллия?»

Цицерон отвечает утверждением, звучащим не банально в этой ситуации:

«Истина всегда торжествует». Таким образом, не Сенат, не Цезарь, а высшая справедливость — вот подлинный судья человеческих поступков.

Не правда ли, удивительное похвальное слово Цезарю?

(Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. — М., 1991. — С. 19—21.)

7. Обличительная речь. Риторические фигуры. Полемика.

Из первой речи против Катилины в храме Юпитера Статора

До каких пор, скажи мне, Катилина, будешь злоупотреблять ты нашим терпением? Сколько может продолжаться эта опасная игра с человеком, потерявшим рассудок? Будет ли когда-нибудь предел разнузданной твоей заносчивости? Тебе ничто, как видно, и ночная охрана Палатина, и сторожевые посты, — где? в городе! — и опасенья народа, и озабоченность всех добрых граждан, и то, что заседание Сената на этот раз проходит в укрепленном месте, — наконец, эти лица, эти глаза? Или ты не чувству-

ешь, что замыслы твои раскрыты, не видишь, что все здесь знают о твоём заговоре, и ты тем связан по рукам и ногам? Что прошлой, что позапрошлой ночью ты делал? Где ты был, кого собирал, какое принял решение, — думаешь, хоть кому-нибудь из нас неизвестно?

Таковы времена! Таковы наши нравы! Все понимает Сенат, все видит консул, а этот человек еще живет и здравствует! Живет? Да если бы только это! Нет, он является в Сенат, становится участником общегосударственных советов и при этом глазами своими намечает, назначает каждого к закланию. А что же мы? Что делаем мы, опора государства? Неужели свой долг перед республикой мы видим в том, чтобы вовремя уклониться от его бешеных выпадов? Нет, Катилина, на смерть уже давно следует отправить тебя консульским приказом, против тебя одного обратись ты пагубу, что до сих пор ты готовил всем нам.

В самом деле, достойнейший Публий Сципион, великий понтифик, убил ведь Тиберия Гракха, лишь слегка поколебавшего устои республики, а меж тем Сципион был тогда всего лишь частным лицом. Тут же Катилина весь круг земель жаждет разорить резней и пожарами, а мы, располагая консульской властью, должны смиренно его переносить! <...> Да, было когда-то в этой республике мужество...

(Марк Туллий Цицерон, 63 г. до н.э.)

8. Раннее христианство: проповедь.

Послание к римлянам, глава 15

1. Мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать.

2. Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию.

3. Ибо и Христос не Себе угождал, но как написано: «злословия злословящих Тебя пали и на Меня».

4. А все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и наставлением из Писаний сохранили надежду.

5. Бог же терпения и утешения да дарует нам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса.

6. Дабы мы единодушно, едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа.

7. Посему принимайте друг друга, как и Христос принял вас во славу Божию.

(Святой апостол Павел, I в. н.э.)

9. Стиль и традиции древнерусского красноречия.

Из «Слова о Законе и Благодати» (произнесено при дворе Великого князя Ярослава Мудрого)

Похвалим же и мы по силе нашей малыми похвалами великое и чудное сотворившего — нашего учителя и наставника, великого властителя земли нашей Володимира, внука древнего Игоря, сына славного Святослава, которые в годы своего владычества мудростью и храбростью прославились во многих странах: победы и сила их вспоминаются и прославляются и сейчас. Ведь не в бедной и безвестной стране были они владыками, а в Русской, о которой знают и слышат во всех четырех концах земли <...>

Встань, о честная глава, из гроба своего! Встань, страхни сон! Ты не умер, но спишь до общего для всех вставания! Встань, ты не умер! Не подобает умереть тебе, веровавшему во Христа, в жизнь вечную всему миру! Страхни сон, подними очи, смотри, какой чести удостоил тебя Господь там и на земле с помощью твоего сына не оставил в забвении! Встань, посмотри на чадо свое, на Георгия! Посмотри на утробу свою, на того, кого Господь вывел из чресл твоих, посмотри на украшающего престол твоей земли и возрадуйся и возвеселись! Посмотри и на благоверную сноху твою Ирину! Посмотри на внуков твоих и правнуков, как живут, хранимые Господом, как по завещанию твоему хранят благоверие, как посещают святые церкви, как славят Христа, как поклоняются имени Его! Посмотри же и на город, сияющий величием, посмотри на цветущие церкви, посмотри на множась христианство, посмотри на город, иконами святых освещаемый, блистающий, фимиамом благоухающий, хвалами и песнями святых оглашаемый! И все это увидев, возрадуйся и возвеселись и восхвали благого Бога, устроителя всего этого.

(Митрополит Иларион, XI в.)

10. Патетический стиль. Поучительная речь, политическая проблематика.

Из «Слова о полку Игореве»

Тогда великий Святослав изронил златое слово, со слезами смешанное, и молвил: «О сыны мои, Игорь и Всеволод! Рано вы стали Половецкую землю мечами терзать, а себе славы искать, но не с честью вы побились, не с честью кровь поганую пролили! Ваши храбрые сердца из крепкого булата выкованы, а в смелости закалены. То ли сотворили моей серебряной седины? А уже не вижу руководства могучего и богатого, и многоратного брата моего Ярослава с черниговскими вельможами, с воеводами, со старейшинами, с боярами-шельбирами, с воинами-топчаками, с богатырями, со смельчаками, — они ведь без щитов, с ножами засапожными, кликом могут полки побеждать, звеня праделовой

славой. Но вы сказали: "Одни подоблещуем, будущей славой одни завладеем, а прежнюю сами поделим!" А диво ли, братья, старому молодеть? Когда сокол перелиняет, высоко птиц загоняет, не даст гнезда своего в обиду. Но вот зло: нежеланье князей пособить мне — на худое времена обернулись!»

(Неизвестный автор, конец XII в., ок. 1187 г.)

II. Поучение.

Из «Поучения чадам»

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его. Если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устранийтесь от них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что Ты нам дал, не наше, но Твое...

(Владимир Мономах, 1053—1125 гг.)

12. Переписка, полемика. Мастерство стиля. Позиции полемистов.

Из «Послания князя Андрея Курбского, написанного царю и великому князю Московскому из-за прелютого его гонения», 1564 г.

Царю пресветлому, в православии Богом православенному, ныне же из-за грехов наших против Бога и православия обратившемуся.

Умный поймет, что совесть у него прокаженная и что такого не сыщешь и среди безбожных народов. Не позволяй я себе говорить об этом; из-за изгнания горького из земли твоей и из-за многих горестей теперь постараюсь кратко сказать тебе.

За что, о царь, сильных во Израиле побил и воевод, Богом данных тебе, различным смертям предал? За что победоносную и святую кровь в церквах Божиих, во владыческих торжествах пролил и их мученической кровью обогрил церковные пороги? И на доброжелателей твоих, душу за тебя полагающих, неслыханные мучения, и гонения, и смерть замыслил и, обвинив без вины православных в измене, чародействе и в ином неподобающем, тщет-

но пытался белое за черное и сладкое за горькое выдать! В чем провинились перед тобою, о царь, чем прогневали тебя, христианский заступник? Не могущественные ли царства разорили и мучественных и храбрых, тех, у кого предки наши в рабстве были, во всем тебе подвластными сделали? Не их ли усилиями неприступные немецкие города были даны тебе Богом?

Из «Царева государева послания во все его Российское царство об измене клятвопреступников — князя Андрея Курбского с товарищами», 1564 г.

Зачем же ты, о князь, отверг свою едиnorodную душу, если ты мнишь себя благочестивым? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть все равно похитит тебя... <...>

Ты же ради тела погубил душу, презрел вечную славу ради мимотекущей и, на человека разъярившись, на Бога восстал. Пойми, бедный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом! Сбылись на тебе слова: «Кто думает, что он имеет, всего лишится». Это ли твое благочестие, что погубил себя не во имя Бога, а из-за себялюбия? Могут и там понять твое злодейство те, кто поумнее: ты бежал не от смерти, а желая мимотекущей славы и богатства. Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестен, зачем ты убоился мученической смерти, которая не есть смерть, но приобретение? В конце концов все равно умрешь.

(Иоанн Грозный, 1530—1584 гг.; Андрей Курбский, 1528—1583 гг.)

13. Житие (жанр). Здесь и далее — без перевода.

Из «Жития протопопа Аввакума» (1672—1682 гг.)

По благословиению отца моего старца Епифания писано моею рукою грешною протопопа Аввакума, а аще что речено просто, и вы, Господа ради, чтущии и слышашии, не позазрити просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет. И Павел пишет: «Аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам, — ничто же есмь». Вот что много разсуждать, ни латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры Господь, но любви с прочими добродетельми хочет; того ради и я не бегу о красноречии и не уничижаю своего языка русского, простите же меня грешного, и вас всех, рабов Христовых, Бог простит и благословит. Аминь.

(Протопоп Аввакум, 1621—1682 гг.)

Из «Краткого руководства к красноречию» (1747 г.)

1. Красноречие есть искусство о всякой данной материи говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово.

2. К приобретению оного требуется пять следующих средств: первое — природное дарования, второе — наука, третье — подражание авторов, четвертое — упражнение в сочинении, пятое — знание других наук.

3. Природные дарования разделяются на душевные и телесные. Душевные дарования, а особливо остроумие и память, к получению сего искусства столь необходимо нужны, как добрая земля к посеванию чистого семени, ибо как семя на неплодной земли, так и учение в худой голове тщетно есть и бесполезно...

4. Наука состоит в познании нужных правил, которые показывают подлинный путь к красноречию. Они должны быть, первое, кратки, чтобы не отяготить памяти многим изусту учением, а особливо тем, чему легче можно с примеров научиться, нежели по правилам.

5. Изучению правил следует подражание авторов, в красноречии славных, которые учащимся едва не более нужны, чем самые лучшие правила.

6. Подражание требует, чтобы часто упражняться в сочинении. От беспрестанного упражнения возросло красноречие древних великих ораторов.

(М. В. Ломоносов, 1711—1765 гг.)

15. Посвящение, введение, придворный этикет.

Из «Истории Государства Российского» (1818 г.)

Всемилоливейший Государь!

С благоговением представляю Вашему Императорскому Величеству плод усердных, двенадцатилетних трудов. Не хвалюсь ревностью и постоянством: ободренный Вами, мог ли я не иметь их?

В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я Вам, Государь, некоторые главы сей Истории — об ужасах Батыева нашествия, о подвиге Героя, Дмитрия Донского — в то время, когда густая туча бедствий висела над Европою, угрожая нашему любезному Отечеству. Вы слушали с восхитительным для меня вниманием, сравнивали давно минувшее с настоящим и не завидовали славным опасностям Дмитрия, ибо предвидели для себя еще славнейшие. Великодушное предчувствие исполнилось: туча грянула над Россиею — но мы спасены, православлены, враг

истреблен. Европа свободна, и глава Александрова сияет в лучезарном венце бессмертия. <...>

...Представив читателю расселение народов Славянских от моря Балтийского до Адриатического, от Эльбы до Мореи и Азии, скажем, что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою, но, слабые от развлечения сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, изумляет ныне мир величием. Другие, сохранив бытие свое в Германии, в древней Иллирии, в Мизии, повинуются властителям чужеземным; а некоторые забыли и самый язык отечественный.

(Н. М. Карамзин, 1766—1826 гг.)

16. Парадоксальное суждение.

Из «Путешествия из Москвы в Петербург»

Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете профессор поэзии и элоквенции не что иное, как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий. Однообразные и стеснительные формы, в кои отливал он свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславенская, полулатинская, сделалась было необходимою: к счастью, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова. В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты, отсутствие всякой народности и оригинальности — вот следы, оставленные Ломоносовым. Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах на высокаторжественный день тезоименитства и проч.

(А. С. Пушкин, 1799—1837 гг.)

17. Период. Композиция. Образы.

Из «Панорамы Москвы» (1833—1834 гг.)

Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случалось окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу с конца в конец, кто ни разу не любовался этою величе-

ственной, почти необозримой панорамой, тот не имеет понятия о Москве, ибо Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысячи; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметричном порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый ее камень хранит надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувствами, начертанную временем и роком... Как у океана, у нее есть свой язык, сильный, звучный, святой, молитвенный!.. Едва проснется день, как уже со всех ее златоглавых церквей раздается согласный гимн колоколов, подобно чудной, фантастической увертюре Бетховена, в которой густой рев контрабаса, треск литавр с пением скрипки и флейты образуют одно великое целое; и мнится, что бестелесные звуки принимают видимую форму, что духи неба и ада свиваются под облаками в один разнообразный, неизмеримый, быстро вертящийся хорвод!

(М. Ю. Лермонтов, 1814—1841 гг.)

18. Письмо, переписка мыслящих людей.

Письмо Л. Н. Толстому (Буживаль, 1882 г.)

Милый Лев Николаевич,

Я получил Ваше письмо и благодарю за обещание прислать статью («Исповедь». — М. Л.). Буду ждать приезда г-жи Олсуфьевой, с которой, впрочем, я уже, кажется, знаком... А что я прочту Вашу статью именно так, как Вы желаете, — об этом и речи быть не может. Я знаю, что ее писал человек очень умный, очень талантливый и очень искренний; я могу с ним не соглашаться, — но прежде всего я постараюсь понять его, стать вполне на его место. Это будет для меня и поучительней, и интересней, чем примеривать его на свой аршин или отыскивать, в чем состоят его разногласия со мною. Сердиться же — совсем немисливо; сердятся только молодые люди, которые воображают, что только и света, что в их окошко... а мне на днях минет 64 года. Долгая жизнь научает — не сомневаться во всем (потому что сомневаться во всем, значит: в себя верить), а сомневаться в самом себе — то есть верить в другое — даже нуждаться в нем. Вот в каком духе я буду читать Вас.

Очень рад, что Вы свили себе гнездо в Москве и что Вам и всем Вашим там хорошо. Но когда я Вас там увижу — Бог весть!..

Кланяюсь дружески всем Вашим и крепко жму Вашу руку.

Искренне Ваш любящий Ив. Тургенев.

(И. С. Тургенев, 1818—1883 гг.)

19. Диалог князя Николая Болконского, суворовского генерала, и его сына, уезжающего на войну. Язык слов и язык умолчаний.

Из «Войны и мира»

Он говорил такую скороговоркой, что не доканчивал половины слов, но сын привык понимать его. Он подвел сына к бюро, открыл крышку, выдвинул ящик и вынул исписанную его крупным, длинным и сжатым почерком тетрадь.

— Должно быть, мне прежде тебя умереть. Знай, тут мои записки, их государю передать после моей смерти. Теперь здесь вот ломбардный билет и письмо: это премия тому, кто напишет историю суворовских войн. Переслать в академию. Здесь мои ремарки, после меня читай для себя, найдешь пользу.

Андрей не сказал отцу, что, верно, он проживет еще долго. Он понимал, что этого говорить не нужно.

— Все исполню, батюшка, — сказал он.

— Ну, теперь прощай! — Он дал поцеловать сыну свою руку и обнял его. — Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне, старику, больно будет... — Он неожиданно замолчал и вдруг крикливо голосом продолжал: — А коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно! — взвизгнул он.

— Этого вы могли бы не говорить мне, батюшка, — улыбаясь, сказал сын.

Старик замолчал.

— Еще я хотел просить вас, — продолжал князь Андрей, — ежели меня убьют и ежели у меня будет сын, не отпускайте его от себя, как я вам вчера говорил, чтоб он вырос у вас... пожалуйста.

— Жене не отдавать? — сказал старик и засмеялся.

Они молча стояли друг против друга. Быстрые глаза старика были устремлены в глаза сына. Что-то дрогнуло в нижней части лица старого князя.

— Простились... ступай! — вдруг сказал он. — Ступай! — закричал он сердитым и громким голосом.

(Л. Н. Толстой, 1828—1910 гг.)

20. Личный дневник: общение с самим собой. Внутренний мир личности.

Дневник, 29 января 1905 г., Ясная Поляна

Пропустил больше недели... Бывают разные состояния: то известно, грустно, досадно, умиленно, а нынче состояние: все неважно, неинтересно, не стоит.

Записать надо все-таки многое:

1. Слушал политические рассуждения, споры, осуждения и вышел в другую комнату, где с гитарой пели и смеялись. И ясно почувствовал святого веселья. Веселье, радость — одно из исполнений воли Бога.

2. В последнее время я почувствовал, как я духовно опустился после той духовной, нравственной высоты, на которую меня подняло мое пребывание в общении с теми лучшими мудрейшими людьми, которых я читал и в мысли которых вдумывался для своего «Круга чтения». Несомненно можно духовно поднимать и опускать себя тем обществом присутствующих или отсутствующих людей, с которыми общаешься.

3. Мы так привыкли к болтовне об общем благе, что уже не удивляемся на то, как человек, не делая никакого дела, прямого труда для общего блага, не высказывая никакой новой мысли, говорит о том, что, по его мнению, нужно делать, чтобы всем было хорошо. В сущности, ведь ни один человек не может знать хорошенько, что ему самому нужно для его блага, а он с уверенностью говорит о том, что нужно для всех. Это — особенная черта только нашего времени. Платон, Солон, Конфуций, Сен-Симон, Фурье, Овен высказывают новые идеалы и новые законы; рядовые люди работают для себя, для своей семьи, своей общины, предлагая свои мнения о ближайших интересах; но что такое, какое значение всех этих разговоров и статей о всем известном и надоевшем.

Нынче 1 февраля 1905 года. Все пишу свое «Единое на потребу». Или плохо идет, или вовсе не идет, и продолжаю быть в состоянии «не стоить». Все яснее тщета и глупость политических интересов.

С Сережей было неприятно. Я был недобр. И страдаю за это...

(Л. Н. Толстой)

21. Речь директора Царскосельской гимназии. Позиция.

Из речи «Художественный идеализм Гоголя» (21 февраля 1902 г.)

Сегодня день смерти Гоголя... Говорить о значении Гоголя значит говорить о Достоевском, Гончарове, Тургеневе, Островском, Писемском, Салтыкове, говорить о Гаршине, Чехове, Горьком и знать, что живые русские поэты прядут нити, которые свяжут с гоголевским творчеством и будущую русскую литературу; но этого мало — это значит говорить и о русском актере, и о живописце, и о постоянно возрастающих запросах русского читателя, самосознание которого ярко отмечено впервые сыгранным «Ревизором», впервые прочтенными «Мертвыми душами».

Я ограничусь более скромной попыткой — выяснить моей аудитории одну из главных причин непрестанного и вечно живого обаяния гоголевского творчества — его идеализма.

Нас окружают и, вероятно, составляют два мира: мир вещей и мир идей. Эти миры бесконечно далеки один от другого, и в творении один только человек является их высоко-юмористическим (в философском смысле) и логически-непримиримым соединением.

В силу стремления, вложенного в нас Создателем, мы вечно ищем сближать в себе мир вещей с миром духовным, очищая, просветляя и возвышая свою бренную телесную жизнь Божественным прикосновением к нему мира идеального, и в этом заключается вся красота и весь смысл нашего существования: стремимся ли мы к совершенствованию или жертвуем собою для блага других — это творится веяние идей, это значит, что в нас созвучно затрепетала наша душа, атом бессмертного духа. Чувствуем ли мы радостный трепет, угадав иную вечную красоту в творческом подборе звуков или красок, значит нам удалось на миг освободиться от ига вещей и созерцать вечное, или, как говорил Лермонтов, «видеть Бога».

Та область жизни, где вещи наиболее покорны идеям и где идеальный мир захватывает нас всего полнее, благодаря тому, что он заключен лишь в обманчивую, символическую оболочку вещественности (она может быть хоть каменной: это все равно), называется искусством. Всего целостней, ясней, совершеннее и разумнее мир идей передается искусством слова или поэзией: ибо здесь самый материал — язык — есть, в свою очередь, искусство. Из всех искусств поэзия является самым образовательным, и она тесней всех связана с умственной и нравственной жизнью человека...

(И. Ф. Анненский, 1855—1909 гг.)

22. Судебное красноречие. Психологический анализ.

Из речи «Федор Михайлович Достоевский»

Я просил нашего председателя разрешить мне выйти из пределов программы заседания Юридического общества, чтобы сказать несколько слов в память человека, перед гробом которого было пролито в эти последние дни столько искренних слез...

Три вопроса возникают перед человеком, который, познаваясь в теории с уголовным правом, впервые касается на практике обширной и темной области, действий, называемых преступлением. Прежде всего является вопрос о живом содержании и преступления, — не как отвлеченного понятия о нарушении норм, а как конкретного, осязательного действия. Теория дает общие положения, указывает руководящие начала, определяет состав каждого преступления, — но его сокровенное содержание не вмещается в ее рамки. Совокупность влияний, порождающих преступление, и та внутренняя борьба, которая должна проходить в человеке между волею и страстью, между совестью и влечением, прежде чем он решится на роковой шаг, — ускользают от теории. Она может наметить лишь стадии развития преступления... И вопрос о внутреннем содержании преступления, о том, каким образом порочная склонность, ложная идея победили и страх наказания,

и привычку подчиняться условиям общественного быта, — остается открытым перед юристом, в помощь которому является одна теория права. Она указывает ему на преступление как на проявление вражды против общественного порядка и по большей части оставляет его с неизбежным жизненным вопросом о том, как дошел враг до того, чтобы сделаться таковым...

Судьба благоволила к нашему развитию в этом отношении. Она нашла человека, который сумел дать именно такой ответ, она дала нам Федора Михайловича Достоевского.

(А. Ф. Кони, 1844—1927 гг.)

23. Юбилейная речь. Новизна взгляда. Тонкость анализа.

Из речи «Жребий Пушкина» (1937 г.)

Природный облик Пушкина отмечен не только исключительной одаренностью, но и таковым же личным благородством, духовным аристократизмом. Он родился баловнем судьбы, ибо уже по рождению принадлежал к высшему культурному слою старинного русского дворянства, что он сам в себе знал и так высоко ценил. Конечно, он наследовал и всю распушенность русского барства, которая еще усиливалась его личным «африканским» темпераментом. При желании в нем легко и естественно различается психология «класса» или сословия, как и обращенность к французской культуре, с ее утонченностью, но и с ее отравой. Величайший русский поэт говорил и мыслил по-французски столь же легко, как и по-русски, хотя творил он только на русском языке. Даром и без труда дана была эта приобщенность к Европе, как и лучшая по тому времени школа, столь трогательно любимый им Лицей. Сразу же после школы он вступил на стезю жизни большого света, с ее пустотой и распушенностью, и спасла его от духовной гибели или онегинского разложения его светлая муза. Пушкину от природы, может быть, как печать его гения, дано было исключительное личное благородство. Прежде всего и больше всего оно выражается в его способности к верной и бескорыстной дружбе: он был окружен друзьями в юности и до смерти, причем и сам он сохранил верность дружбе через всю жизнь.

(С. Н. Булгаков, 1871—1944 гг.)

24. Письмо жене и другу. «Мыслителя невозможно лишить свободы».

Письмо В. М. Лосевой (22 января 1932 г.)

(А. Ф. Лосев и В. М. Лосева были арестованы в 1930 г., он был осужден на 10 лет, она — на 5; он — в Свирлаге, она — в Сиблаге.)

Ясочка, радость моя, не могу оторваться от тебя мыслью. Все время хочется писать тебе, а писать и негде, и некогда, и нечем. Да

и как сядешь писать, — хочется сказать так много, мысли и чувства так глубоки и полны, что не знаешь, с чего и начать; и, вероятно, выходит что-нибудь вялое и глупое. Не хватает ни слов, ни звуков, чтобы выразить всю бездонную жизнь духа, где тихо колыхнется, на неизмеримой глубине, море любви и ласки, царство светлой тишины и мира в союзе наших душ. Начнешь писать — и как бы замолкают уста. Думается, что тишиной и безмолвием больше бы выразилось, если бы Бог благословил хотя бы оказаться на одно мгновение вместе. Очень хочется рассказать тебе, что я придумал в области диалектики теории функций комплексного переменного. Помнишь, когда-то, лет 7—8 назад, когда ты занималась теорией аналитических функций, ты обратила мое (и свое) внимание на ряд чрезвычайно загадочных и глубоких в философском отношении учений в этой области. Теперь многие из этих учений (интегрирование по контуру, теоремы Моавра, Грина, Спекса и мн. др.) я продумал философски и привел их в стройную диалектическую систему. Надо обязательно дать тебе их на проверку...

(А. Ф. Лосев, 1893—1988 гг.)

25. Размышления, заметки, записи. Диалог с самим собой. Поиск истины.

Из Карачаровских записей

Никогда не думай о себе, о своих несчастьях. Как бы ни были велики эти несчастья, — всегда помни: кто-то несчастнее тебя! И никогда не любуйся собственными несчастьями. В этом и есть твердость духа...

Истинное горе должно быть молчаливо.

В чем смысл постигающих нас несчастий? Большим несчастьем испытывается человек... Постигшее несчастье или возвышает, или убивает...

Страшная судьба Гоголя: не мог видеть в людях добра, сам не был добрым. Хороши, трогательны у Гоголя только старосветские помещики. Все остальные — хари...

Толстой любил людей больше Достоевского. Умел жалеть, знал свои слабости...

Убить одного человека — преступление, карается законом. Убивать на войне, расстреливать, мучить, истреблять тысячи, миллионы жизней — подвиг, поощряется наградой. Но вот война-то и развратила всех, все соскочило с зарубок... «Убить человека что трубку выкурить». И как, чем остановишь? Новой войной? Новыми преступлениями?

Ложь, ложь, ложь... Ложь во всех позах, в смраде дыхания. Задышаемся от смрада лжи... О, Господи!

(1962 г.)

А вот Чехов — светлая душа, и как любил, жалел людей, хотя и был «колючий». И ни капельки самообожания, лукавого мудрствования...

Слабый может быть очень жестоким. Жестокость и есть признак слабости. Уверенному в своей силе зачем быть жестоким? Он милостив, доброжелателен, добродушен и добр.

Зло делать проще, потому так распространено зло...

(И. С. Соколов-Микитов, 1892—1975 гг.)

26. Политическая программная речь (регулятивная функция).

Из речи «О четырех свободах»

В будущем, которое мы стремимся освободить от тревог и опасений, перед нами открывается мир, построенный на основе четырех неотъемлемых свобод человека.

Первая из них — свобода слова где бы то ни было на свете.

Вторая — свобода религиозных культов везде и всюду на свете.

Третья — свобода от нужды, которая, согласно принятым во всем мире понятиям, означает взаимопонимание в сфере экономических отношений, обеспечивающее для каждого государства мирную зажиточную жизнь его граждан всюду на свете.

Четвертая свобода — это свобода от страха, которая, говоря теми же словами, означает сокращение во всем мире вооружений в такой степени, в такой полной мере, что ни одно государство не будет в состоянии совершить акт агрессии против любого своего соседа нигде на свете.

(Ф. Д. Рузвельт, 1882—1945 гг.)

101. 1. Все тексты, данные выше в качестве примеров, проанализируйте по схеме риторического анализа.

2. Произвольно выберите два текста и составьте свой текст по принципу подражания образцу, при этом так, чтобы в подражании был личностный элемент.

3. Выберите пять текстов разных стилей и тщательно охарактеризуйте стилистические особенности каждого текста-примера.

4. Выберите один текст, наиболее близкий вам по его ценностным характеристикам: нравственным, поэтическим, по научной глубине, оригинальности, необычности и т. п. Сформулируйте свою позицию, выбор.

5. Выберите и такой текст, который, по вашему мнению, не заслуживает права быть образцом для обучения мастерству и культуре речи. Если вы не против, то дайте обоснование своего мнения.

6. Постройте сравнительный или даже контрастный анализ двух вами выбранных текстов.

7. Выберите один текст для устного прочтения. Подготовьтесь и прочитайте его сначала только для себя, затем публично.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

Античные риторика: (Вводная статья А. Ф. Лосева) / Под ред. А. А. Тахо-Годи. — М., 1978.

Демосфен. Речи: В 3 т. — М., 1994.

Гумбольдт В. Язык и философия. — М., 1985.

Квинтилиан М. Ф. 12 книг риторических наставлений. Воспитание оратора. — СПб., 1903.

Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. — М., 1991.

Ораторы Греции. — М., 1905.

Платон. Собр. соч. — М., 1993.

Секст Эмпирик. Против риториков // Соч.: В 2 т. — М., 1975. — Т. 2.

Суд над Сократом: Сборник свидетельств: Платон, Ксенофонт, Диоген, Лаэций, Плутарх. — СПб., 1997.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. — М., 1995.

Цицерон. Речи: В 2 т. — М., 1993.

Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. — М., 1994.

Ломоносов М. В. Краткое руководство к риторике. — М., 1747; Полн. собр. соч.: В 10 т. — М., 1952. — Т. 7.

Книги и статьи

Абрамов Н. Дар слова. — М., 1901, 1996.

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. — М., 1972.

Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М., 1996.

Акишина А. А. Структура целого текста: В 2 ч. — М., 1979.

Акишина А. А., Формановская Н. Н. Этикет русского письма. — М., 1989.

Актуальные проблемы культуры речи / Под ред. В. А. Ишквича. — М., 1970.

Александров Д. Н. Риторика. — М., 1999.

Алексеев А. Аргументация. Познавание. Общение. — М., 1991.

Алексеев А. А., Громова Л. А. Поймите меня правильно (как найти свой стиль мышления, обрести взаимопонимание с людьми). — СПб., 1993.

Андреев В. И. Деловая риторика: Практический курс. — Казань, 1993.

Аннушкин В. И. История русской риторики: Хрестоматия. — М., 1998.

Асмус В. Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении. — М., 1954.

Баранов А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации. — М., 1991.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979.

Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. — М., 1991.

Бельчиков Ю. А. Говорите ясно и просто. — М., 1980.

Библер В. С. Мышление как творчество: Введение в логику мысленного диалога. — М., 1975.

Богин Г. И. Типология понимания текста. — Калинин, 1986.

Бодалев А. А. Восприятие человека человеком. — М., 1965.

Брунер Дж. Онтогенез речевых актов. Психолингвистика: Пер. с англ. — М., 1984.

Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Культура и искусство речи. — Ростов-н/Д, 1996.

Василенко Ю. С. Постановка речевого голоса. — М., 1990.

Венедиктова В. И. О деловой этике и эстетике. — М., 1994.

Виноградов В. В. Поэтика и риторика: О языке художественной прозы. — М., 1980.

Винокур Г. О. Культура языка. — М., 1929.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. — М., 1994.

Войсунский А. Е. Я говорю, мы говорим...: Очерки о человеческом общении. — М., 1982.

Вомперский В. П. Риторика в России XVIII—XIX вв. — М., 1988.

Вопросы культуры речи. — М., 1958—1966. — Вып. 1—7.

Гаймакова Б. Д. и др. Мастерство эфирного выступления. — М., 1993.

Гетманова А. Д. Логика: Учебник для вузов. — М., 2002.

Головин Б. Н. Основы культуры речи. — М., 1980.

Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. — М., 1981.

Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. — М., 1980.

Граудина Л. К. Русская риторика: Хрестоматия. — М., 1996.

Граудина Л. К., Миськевич Г. И. Теория и практика русского красноречия. — М., 1989.

Далецкий Ч. Практикум по риторике. — М., 1996.

Дзюбенко О. Г., Присяжный Т. В. Культура дискуссии. — Киев, 1990.

Дюбуа Ж. и др. Общая риторика: Пер. с фр. — Благовещенск, 1999.

Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. — М., 1957.

Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество // Избр. труды. — М., 1998.

Зарифьян И. Теория словесности. — М., 1990.

Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. — М., 1999.

Зворыкин Ю. Н. Юмор в публичном выступлении. — М., 1977.

Золотова Т. А. Синтаксис текста. — М., 1979.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику. — М., 1999.

Ивакина Н. Н. Культура судебной речи. — М., 1995.

Иванова С. Ф. Специфика публичной речи. — М., 1978.

Иванова С. Ф. Путь к современной риторике: В 2 ч. — М., 1990.

Иванова М. Н. Воспитание культуры речи у школьников. — М., 1964.

Ипполитова Н. А. Текст в системе изучения русского языка в школе. — М., 1992.

Ипполитова Н. А. Педагогическая риторика. — М., 2002.

Истрина Е. С. Нормы русского литературного языка и культуры речи. — М.; Л., 1948.

Капинос В. И. Культура речи: Методика развития речи на уроках русского языка. — М., 1980.

Караулов Ю. Н. Язык и личность. — М., 1989.

Карнеги Д. Как выработать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично: Пер. с англ. — М., 1994.

Клюев Е. В. Риторика. — М., 2001.

Козаржевский А. Ч. Искусство полемики. — М., 1972.

Кожина Н. М. Стилистика русского языка. — М., 1983.

Козлятникова О. С. Произношение и дикция. — М., 1977.

Кохтев Н. Н. Ораторская речь: стиль и композиция. — М., 1992.

Культура парламентской речи. — М., 1994.

Костомаров В. Г. Культура речи и стиль. — М., 1960.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. — М., 1997.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. — М., 1997.

Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. — М., 1990.

Литературная норма и вариативность / Под ред. Л. И. Скворцова. — М., 1981.

Литературная норма и просторечие. — М., 1977.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. — М., 1994.

Лотман Ю. М. Проблемы цельности и связности текста. — М., 1982.

Львов М. Р. Основы теории речи. — М., 2000.

Мастера красноречия: Очерки. — М., 1991.

Минеева С. А. Полемика — диспут — дискуссия. — М., 1990.

Михальская А. К. Основы риторики: мысль и слово: X—XI кл. — М., 1996.

Михальская А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. — М., 1996.

Мурзин Л. П., Штерн А. С. Текст и его восприятие. — Свердловск, 1991.

Неориторика: генезис, проблемы, перспективы. — М., 1987.

Николаев Т. М. Жест и мимика в публичной речи. — М., 1972.

Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. — М., 1986. — Вып. 8.

Об ораторском искусстве / Сост. А. В. Толмачев. — М., 1978.

Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. — М., 1974.

Основы культуры речи: Хрестоматия / Сост. Л. И. Скворцов. — М., 1984.

Одинцов В. В. Структура публичной лекции. — М., 1976.

Павлова Л. Г. Спор, дискуссия, полемика. — М., 1991.

Панов М. В. Риторика от античности до наших дней: Антология. — М., 1997.

Педагогическое речеведение: Словарь-справочник / Под ред. Т. А. Ладыженской и др. — М., 1998.

Петрова А. Н. Сценическая речь. — М., 1981.

Пиз А. Язык телодвижений. — Новгород, 1992.

Пешков И. В. Введение в ретиорику поступка. — М., 1998.
 Порубов Н. И. Этика в ораторском творчестве. — Минск, 1974.
 Поварнин С. А. Спор: О теории и практике спора // Вопросы философии. — 1990. — № 3.
 Потенция А. А. Мысль и язык. — Харьков, 1892; Благовещенск, 1999.
 Психологические проблемы массовой коммуникации. — М., 1974.
 Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. — М., 1976.
 Радченко В. И. Изучение ораторского искусства в США. — М., 1991.
 Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. — М., 1973.
 Ребник С. Б. Деловое общение: Психологические аспекты. — М., 1990.
 Речевое общение: проблемы и перспективы: Сб. научно-аналитических обзоров. — М., 1983.
 Риторика и перспективы ее изучения: Сб. материалов: Риторическая стратегия, функция сильной позиции, ирония и пр. — Ростов-н/Д, 1990.
 Риторика и синтаксические структуры: Сб. материалов: Риторический вопрос, фигуры, интенция, логика, структура и длина предложений, тропы, олицетворение, метафора. — Красноярск, 1988.
 Риторика и стиль / Под ред. Ю. В. Рождественского. — М., 1984.
 Рождественский Ю. В. Теория риторики. — М., 1997.
 Романов А. А. Грамматика деловых бесед. — Тверь, 1995.
 Розенталь Д. Э. Культура речи. — М., 1964.
 Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. — М., 1978.
 Русская разговорная речь. — М., 1983.
 Русская разговорная речь / Под ред. Е. А. Земской. — М., 1973.
 Русский язык в его функционировании. — М., 1993.
 Савкова З. В. Техника звучащего слова. — М., 1988.
 Седов А. Ф. Структура устного дискурса и становление языковой личности. — Саратов, 1998.
 Секреты хороших манер и поведения. — Харьков, 1995.
 Сикорский Н. И. Теория и практика редактирования. — М., 1971.
 Скворцов Л. И. Норма. Литературный язык. Культура речи. — М., 1979.
 Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. — М., 1980.
 Смелкова З. С. Азбука общения. — Самара, 1994.
 Сопер Поль Л. Основы искусства речи: Пер. с англ. — М., 1992.
 Сорокин Ю. А. и др. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. — М., 1978.
 Станиславский К. С. Работа актера над собой // Соч.: В 8 т. — М., 1956. — Т. 3.
 Стернин И. А. Практическая риторика. — М., 1993.
 Судебное красноречие русских юристов прошлого. — М., 1992.
 Сычев О. А. Обучение риторике в эпоху компьютеров: Введение в опыт США. — М., 1991.
 Теория метафоры: Сб. статей. — М., 1990.
 Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. — М., 1995.
 Уёмов А. М. Логические ошибки. — М., 1958.

Успенский Л. В. Культура речи. — М., 1976.
 Ушакова Т. Н. и др. Речь человека в общении. — М., 1989.
 Уайтсайд Р. О чем говорят лица: Пер. с англ. — СПб., 1997.
 Формановская Н. Н. Речевой этикет и культура общения. — М., 1989.
 Фрейд З. Психология бессознательного: Пер. с нем. — М., 1990.
 Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика. — Ростов-н/Д, 1994.
 Харченко В. К. Функции метафоры. — Воронеж, 1992.
 Хоккет Ч. Ф. Грамматика для слушающего: Пер. с англ. // Новое в лингвистике. — М., 1965. — Вып. 4.
 Хомский Н. Язык и мышление: Пер. с англ. — Благовещенск, 1999.
 Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. — М., 1997.
 Цеplitис Л. К. Анализ речевой интонации. — Рига, 1974.
 Чихачев В. П. Лекторское красноречие русских ученых XIX в. — М., 1987.
 Чуковский К. И. Живой как жизнь // Соч.: В 6 т. — М., 1966. — Т. 6.
 Школьная риторика: 5—11 кл.: Учебно-методический комплект / Под ред. Т. А. Ладыженской. — М., 2004.
 Щербина А. А. Сущность и искусство словесной остроты. — Киев, 1958.
 Юнина Е. А. Современная риторика в философско-культурологическом измерении. — Пермь, 1988.
 Ягер Дж. Деловой этикет: Пер. с англ. — М., 1994.
 Язовицкий Е. В. Говорите правильно. — Л., 1969.
 Язык и моделирование социальных взаимоотношений: Сб. статей. — М., 1987.
 Якобсон Р. О. Работы по поэтике. — М., 1987.

Словари и справочники

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. — 8-е изд. — М., 1995.
 Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966.
 Ашукин И. С., Ашукина М. Т. Крылатые слова. — М., 1987.
 Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь. — М., 1994.
 Большой толковый словарь иностранных слов: В 3 т. / Сост. М. А. Червинская, П. П. Червинский. — Ростов-н/Д, 1995.
 Государственные языки в Российской Федерации / Гл. ред. В. П. Нерознак. — М., 1995.
 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. (1-е изд. — СПб., 1863—1866). — М., 1994.
 Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы, ударения. — М., 1999.
 Ефимова Т. Ф., Костомаров В. Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. — М., 1986.
 Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. — 4-е изд. — М., 1991.
 Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Словарь трудностей русского произношения. — М., 1997.

Краткий словарь иностранных слов / Сост. Т. Г. Музурукова, И. В. Нечаева. — М., 1995.

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л. А. Новикова. — 7-е изд. — М., 2001.

Михельсон М. И. Русская речь и мысль. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: В 2 т. — СПб., 1902—1903; М., 1994.

Новичков Н. И. Словарь современных русских сокращений и аббревиатур. — Париж; Москва, 1995.

Новый словарь сокращений русского языка. — М., 1995.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1993.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. — 22-е изд. — М., 1990.

Орфографический словарь русского языка / Под ред. В. В. Лопатина. — М., 2002.

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. — М., 1983.

Пчелов Е. В., Чумаков В. Т. Два века русской буквы ё: История и словарь. — М., 2000.

Рахманова Л. И. (ред.), Вакуров В. Н. и др. Трудности русского языка: Словарь-справочник. — Ч. 1. — М., 1993; Ч. 2. — М., 1994.

Рогожникова Р. П., Карская Т. С. Школьный словарь устаревших слов русского языка: (По произведениям русских писателей XVIII—XX вв.). — М., 1996.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. — 6-е изд. — М., 1987.

Русский язык: Энциклопедия. — 2-е изд. — М., 1998.

Скворцов Л. И. Культура русской речи: Словарь-справочник. — М., 1995.

Словарь-минимум по риторике. — Уфа, 1995.

Словарь названий жителей СССР. — М., 1975.

Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. — 3-е изд. — М., 1998.

Современный словарь иностранных слов. — М., 2003.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. — 2-е изд. — М., 1990.

Фразеологический словарь русского литературного языка / Под ред. А. И. Федорова. — М., 1995.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — М., 1994.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Автор, авторская позиция 4

Агитационная речь 47... 212, 214

Академическое красноречие 5, 11, 17, 40, 49, 210

Адресат и адресант 4, 11, 14, 20, 117, 147

Акт речи, теория речевых актов 113...

Активность (субъекта) в речи 5, 10, 73

Активный словарь личности 82

Актуальность речи, высказываний 70

Аллегория (фигура) 15, 104, 204, 225, 241

Алогизм (неумышленный — ошибка) 105, 197

Аллюзия 104, 202

Амплификация 103, 187

Анаграмма 208

Аналогия 225

Анафора 89, 209

Антитеза (фигура) 21, 187

Антифразис 189

Антиципация 132

Античный риторический идеал 4, 27

Античная риторика 4, 16, 18

Антонимия, антонимы 187—188

Апофеоз (а) 97

Аргумент, аргументация 9, 163, 225

Аудирование, восприятие речи 5, 6

Аудитория (слушатели) 50

Артистизм 3, 50

Аура, обаяние, одухотворенность 28, 99

Ассоциации словесные 103, 120

Афоризм, афористичность речи 15, 141..., 209

Билингвизм, билингв 49, 63, 79, 139

Бессознательное 60

Бытовое общение, бытовая речь 45, 61, 214

Варианты выражения мысли, варианты понимания воспринятой речи 128

Вербальное и невербальное общение 64, 99

Византийские традиции (в риторике и в литературе) 28

Вития, витийство 36

Владение механизмами речи 73

Внешняя и внутренняя речь 33, 59, 119, 122..., 135

Внутренний диалог 44, 59, 135

Военное красноречие (военная риторика) 17, 50, 212

Воздействие на слушателей 13

Воображение 128

Воодушевляющая речь 44—45

Восприятие речи (механизмы восприятия) 127..., 130

Вставные конструкции (в тексте) 98

Второе «я» 60, 68
Выбор слов, других средств языка 61, 63, 118, 124, 172...
Выразительность речи, ее средства 11, 61, 65
Высокий — средний — низкий стили 9, 10

Гармония 194
Герменевтика 41, 128
Гипербола и литота 206
Гипотеза 121, 225
Глубина подчинительных связей в тексте 180
Говорение как вид речи 5, 6
Говорящий — слушающий 42, 55, 226—228
Голос речевой, постановка голоса, модуляция голоса 52, 63, 74
Гомилетика 14, 15, 211
Графические знаковые системы 34
Грамматические умения (и ошибки) 29, 121, 177...
Громкость голоса 74, 218
Гротеск 99, 105
Гуманистическая риторика 19

Дар слова, дар речи 42
Дедукция, дедуктивные методы 163
Деловая речь 5, 10, 11, 54, 213
Демагогия 99
Дефекты речи 232, 233
Диалекты 61, 67, 76, 217
Диалог — монолог 6, 11, 223
Диалог культур и поколений 20, 223
Динамическое чтение 137
Дикция, артикуляция звуков 22, 74
Дипломатическое красноречие 17, 48, 213
Дискурс, анализ дискурса 4, 6, 61, 229
Диссертация 17
Диспозиция 9, 158
Дифирамб 198
Доказательство, его приемы 9, 225
Доминанта 97
Дневнерусские традиции красноречия 30
Духовно-нравственная речь 18, 31, 51, 52
Духовный мир личности, его богатство 15, 58, 59
Дыхание речевое 73

Жанры речи, жанры в литературе 20, 21, 61, 160..., 241
Жесты, язык жестов, телодвижений 75, 219

Законы логики 70, 72...
Заполнители вынужденных пауз 219
Звуковая инструментровка речи 193, 194
Знаки, знаковые системы 17

Игра в речевой деятельности 199
Идеал риторический 23
Изобразительность речи 3
Императивная речь 215
Импровизация 4, 5, 10, 45, 117
Имитация 208

Инвенция 9, 37, 70, 148...
Индукция в речи
Индивидуальный стиль речи 67, 216
Интеллект, интеллектуальная деятельность 108
Интерес слушателей, читателей 156...
Интенция речевая 58, 117...
Интимное общение 11, 28, 67
Интимно-ласковый стиль речи 216
Интонации: смысловые, эмоциональные 13, 22, 74, 82, 218
Информация, информативность речи 34, 45, 46
Информационная речь 90, 214
Ирония 67, 105, 205
Истина 3, 9, 16, 24, 29, 54

Каламбур 107, 193
Канцелярский (под)стиль, канцеляризмы 90
Классическая риторика 4
Клевета, сплетня, молва 25, 64
Ключевые слова 158...
Когнитивная функция языка (речи) 13, 58
Коды речи, кодовые переходы 75, 122
Коллизия 158
Коммуникация, коммуникативная функция языка (речи),
коммуникабельность 5, 41, 42, 110
Коммуникатор 83
Контакт (в общении) 69, 78, 147, 214
Компетенция коммуникативная 83
Компиляция 158
Композиция речевого произведения 9, 160...
Коммуникативная цель 109
Компонент текста 232
Контраст 187
Конструирование текста 232
Крылатые слова 21, 108
Культура речи и мысли 4, 62, 70, 80, 139, 216
Кульминация 162

Лаконичная речь 13, 15, 83, 240
Лексикография, словари 84...
Лексическая норма 82
Лексические умения (и ошибки) 82, 233
Лекция, лектор 13
Литература, литературоведение 6, 14, 20, 66
Литературно-разговорный стиль речи 61
Литературно-художественный стиль 76, 77
Личность оратора (говорящего) 12
Логика как наука (законы, категории) 4, 70
Логика речи, ее логичность 64, 70, 99
Логос 11
Лозунг, призыв 43
Ложь 23, 29

Масс-медиа, медиа 94, 110
Медитативная речь 97
Маркирование 121, 122

Массовая коммуникация, информация 110
 Материал, его накопление 71, 152...
 Мемориа, запоминание 33
 Метафора, метафоричность 3, 107, 203
 Метонимия 201
 Механизмы речи 6, 42, 73
 Моделирование речевых процессов 4, 114
 Моделирование в риторике 6, 127, 163
 Микротемы, микротемный анализ 149, 160
 Мимика в общении 220
 Монолог, монологическая речь 6, 11
 Мотивы высказываний, мотивация речи 6, 50, 117, 149
 Мысленная (внутренняя) речь 11, 44
 Мышление и речь (мысль и слово) 11, 14, 19

 Навыки речи, общения 74
 Науки, изучающие речь 108
 Научные стили речи 17
 Невербальные средства общения 61
 Недочеты речи 235
 Неподготовленная речь 235
 Неориторика 41, 59, 108...
 Ницшеанство и риторика 27
 Нормы литературного языка (нормы культуры речи) 61, 77
 Нотации, поучения в быту 61

 Обобщение как логическая операция 100
 Образ (в искусстве, мышлении) 58
 Образное или конкретно-образное мышление 94
 Образцы положительные и отрицательные 232
 Общение и коммуникация 4, 5, 137, 147...
 Общая риторика (и частная) 38
 Ожидание в речи (ожидание слушающего) 28, 69
 Оксюморон 188
 Олицетворение 205
 Описание как функциональный тип речи 161
 Определение понятия 101, 145
 Опровержение 232
 Оратор, ораторство, ораторская речь 3, 4, 12, 14, 34
 Отзыв как речевой жанр 234
 Отрывистая речь 96
 Оценка, самооценка 14
 Оценка личности говорящего 134

 Память, ее свойства 70
 Памфлет
 Память речевая: долговременная и оперативная 226
 Панегирик 61, 239
 Паралингвистика 4, 61, 218
 Парадокс 60, 191, 226
 Парламентские дебаты 18
 Пародия, пародирование 209
 Паронимы 57, 192
 Пассивный словарь личности 82
 Патетика (стиль патетический) 61, 245

Пауза, виды пауз 10, 219
 Пафос 3, 11
 Педагогическое общение 44, 50, 113, 213
 Период 38, 96, 184...
 Перифраз(а) 199
 Перцепиент 127, 130
 Письменно-книжные стили языка и речи 122, 168
 Письмо, письменная речь, ее механизмы 122, 162
 Плагиат
 Побудительная речь (тип речи) 164
 Повествование как функциональный тип речи 161
 Повторы как фигуры 189
 Покаяние, исповедь 44, 54
 Подражание, имитация 208
 Подстилы 92
 Полемика 18
 Полилог 44, 61, 133
 Политические речи 9, 18, 43, 212, 239
 План высказывания, виды планов 72, 118, 153...
 Понимание, его варианты 20, 127...
 Поиск языковых средств 61, 63
 Порядок слов в предложении, тексте 121, 180
 Порождение речи 113
 Поступок (речь как поступок) 11, 117, 135
 Потребность общения и речи 117
 Поучение как жанр 246
 Правильность речи 11, 75
 Прагматика (в жизни) 3, 12, 25
 Прагматика языка 4, 6, 12
 Практическая стилистика 215
 Произносительные умения (и ошибки) 79, 232
 Проповеди, проповедники 15, 23
 Просодия 30, 79, 81
 Процесс речи, ее порождения, восприятия, понимания 128
 Психоанализ 26
 Психоллингвистика 6, 109
 Психология речи 4, 111
 Публицистика 215
 Публицистический стиль языка 166, 215

 Развитие мышления и речи 40
 Развивающее обучение 44, 64
 Разговорная речь (разговорные стили) 61, 62
 Ранговые (дистантные) позиции слов в предложении, тексте 180—181
 Рассуждение как функциональный стиль речи 9, 161, 226
 Реакции речевые 61
 Редактирование текста 237...
 Редактор 238
 Ренессанс риторики 41
 Регулятивная функция языка в речи 59, 214
 Реплика 223
 Рефрен 191
 Рецензирование 233
 Речевая активность 41
 Речевая деятельность 42, 113

Речевая ситуация 115
 Речевая среда 137
 Речевое ожидание 127
 Речевой акт (теория Р. а.) 6, 42, 113...
 Речевые ошибки 68, 231...
 Речевые влияния 137
 Речь как процесс, как деятельность 4, 5, 62
 Речь как результат — текст 6, 61
 Речь как ораторский жанр 8, 62
 Ритм (закон ритма) 10, 13, 96
 Риторика классическая 8
 Риторика и реклама 23, 25
 Риторические школы 20
 Риторический идеал 3, 15, 22, 23
 Ритуальная речь (литургическая, культовая) 34, 211—212, 214
 Ролевые игры 61
 Русская риторика 30

 Самоанализ, самооценка 7, 230
 Самовыражение личности 59
 Семиотика 4, 17, 41
 Силлогизм 102
 Симметрия, симметрические конструкции 96, 187
 Синонимические средства языка 84, 173
 Синтез речи (речевой синтез) 180, 230
 Ситуации жизни 20, 115, 220
 Система языка 8, 10, 100
 Ситуативная речь 61
 Скепсис 99
 «Слово» как жанр 235
 Словообразовательные умения (и ошибки) 85, 86, 234
 Содержание речи 68
 Смысл высказывания 128
 Совещательная речь 10, 11
 Сообщение 68
 Сочинение 59
 Софизмы, софистическая риторика 9, 23, 24, 226
 Стилизация 209
 Стилистика языка и речи 37, 166, 169, 215
 Стилль индивидуальный 3
 Стилистическая норма 40, 66, 77, 89
 Стремление к власти (Ницше)
 Страсть, страстная речь 45, 57
 Структура текста 75, 119
 Суггестивность голоса, суггестопедия 106, 194
 Судебная риторика 5, 10, 40, 211
 Схоластическая риторика 19
 Сценическая речь 70, 80
 Сюжет 162

 Такт, ритмика 196
 Тактильное общение 61, 218
 Тезис, развитие тезиса 43
 Текст 20, 229
 Тема, ее выбор 22, 148...

Темп речи 10, 24, 218
 Типы речи (текста) 14, 22, 43, 164
 Тонус общения 82
 Традиции речевые 76
 Тропы 10, 197...
 Трудности русского языка 67, 177

Убеждение как цель риторики 9, 13, 45, 214
 «Украшенная» речь 13
 Умения речевые 229
 Упреждение, упреждающий синтез 88
 Условия результативности речи 229, 230
 Устная речь 65, 123
 Установка, теория установки 22—24
 Утверждение, отрицание 101

Фамильярность 99, 220
 Фигуры речи (стилистические, риторические) 3, 10, 13, 21, 93, 99, 184...
 Физиологические механизмы речи 75
 Филиппики 8, 29
 Филология 128
 Форма и содержание 17, 22
 Фразеология 64

«Хорошая» речь (культура речи) 70, 80—216...
 Хрия 40
 Художественная речь 10, 20, 34, 92

Цели риторики 11, 14, 20
 Центробежные и центростремительные тенденции 66, 77

Частные риторики 38, 210
 Чистота речи 139, 216
 Чутье языка (интуиция) 59

Эвристика 50
 Энантисемия 189
 Эллипсис 195, 196
 Элокуция 9, 19, 68, 166
 Элоквенция 94
 Эмоции и речь 12, 61
 Эристика 25, 53
 Этикет речевой 17, 22, 67, 99, 220

Юмор, юмореска 27, 61
 Юридический фактор в риторике 22... 211

Язык власти 9, 24, 46, 215
 Языки телодвижений (жесты, мимика, позы) 53, 75, 219
 Языковая интуиция 75, 139...
 Языковая политика 138
 Языковая личность 5, 112
 Языковой барьер 63, 79
 Языковые средства 14, 226
 Ясность 64

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
----------------	---

Раздел I. ТЕОРИЯ

Глава 1. Очерк истории риторики	8
1. Истоки	8
2. «Риторика» Аристотеля	10
3. Риторика в Риме: Цицерон, Квинтилиан	12
Глава 2. История риторики: Новая эра	14
4. Раннее христианство. Гомилетика	14
5. Европейские страны (на примере Франции)	16
6. Литература и риторика	20
Глава 3. Риторический идеал	22
7. Его сущность и корни	22
8. Софистическая риторика	25
9. Античный риторический идеал	27
10. Древнерусские традиции	30
11. Речевая культура цивилизаций Востока	32
Глава 4. Риторика в России	34
12. Древняя Русь	34
13. Риторика как учебный предмет	36
14. Кризис риторики	39
Глава 5. Виды красноречия	43
15. Типология	43
16. Политическое красноречие	45
17. Речь дипломата	48
18. Академическое красноречие	49
19. Военное красноречие	50
20. Духовно-нравственное слово	51
21. Деловая речь	54
22. Судебные дискуссии	56
23. Мысленные монологи и диалоги	58
24. Бытовое общение	60
Глава 6. Риторика и культура речи	62
25. Общее понятие о речи и ее культуре	62
26. Из истории культуры речи (Россия)	65
27. Культура речи сквозь призму риторики	68
28. Культура мысли. Логика речи	70
29. Автоматизм механизмов речи	73

Глава 7. Языковой аспект культуры речи	76
30. Литературный язык	76
31. Произношение. Орфоэпия. Просодия	79
32. Лексическая норма. Точность выбора	82
33. Грамматическая норма	86
34. О стилистической норме	89

Глава 8. Стилистические фигуры	93
35. Единое пространство смежных наук	93
36. Собственно риторические средства	95
37. «Фигуры мысли»	99
38. Средства поэтики	103

Глава 9. Неориторика	108
39. Новые науки о речи	108
40. Общее понятие о речевом акте	113
41. Речевая интенция	117
42. Языковое (внутреннее) структурирование	119
43. Кодовые переходы на внешнюю речь — устную и письменную	122
44. Моделирование процесса восприятия и понимания речи	127
45. Посткоммуникативный этап: обратная связь	134
46. Перспективы теории риторики	136

Раздел II. ПРАКТИКА

Глава 10. Общая часть	141
47. Афоризмы: мастерство речи	141
48. Понятия — термины — определения	145
49. Участники речевых контактов, структура общения	147

Глава 11. Материалы к разделу «Инвенция»	148
50. Тема и ее выбор	148
51. Источники материала и его накопление	152
52. Топика. «Общие места»	154
53. Возбуждение интереса слушателей (Практические советы) ...	156

Глава 12. Материалы к разделу «Диспозиция»	158
54. Планы и их виды	158
55. Композиция и жанры речевых произведений	160
56. Образцы моделей и схем	163

Глава 13. Материалы к разделу «Элокуция». Культура речи	166
57. Стилистика	166
58. Стилистика художественного текста	169
59. Выбор слова	172
60. Работа над грамматическими трудностями	177

Глава 14. Элокуция (продолжение). Стилистические (риторические) фигуры	184
61. Период	184
62. Риторические обращения, вопросы, восклицания	186

63. Антитеза и другие противопоставления	187
64. Повторы, их виды	189
65. Парадокс	191
66. Звуковая инструментровка	193
67. Инверсия. Эллипсис. Умолчание. Другие приемы	195
Глава 15. Элокуция (продолжение). Тропы	197
68. Общие признаки	197
69. Сравнение, перифраз(а), метонимия	199
70. Аллюзия	202
71. Метафора	203
72. Другие виды тропов, близкие к метафоре	204
73. Прочие средства выразительности речи	207
Глава 16. Перечни наименований, используемых в риторике	210
74. Жанры частных риторик, или видов красноречия	210
75. Виды речей по их целям	214
76. Стили языка и речи	215
77. Качества хорошей речи	216
78. Невербальные средства общения (паралингвистика)	218
79. Речевой этикет. Его ситуации	220
80. Самообразование и красноречие	222
Глава 17. Практические советы	223
81. Диалоги, их виды. Дискуссионная речь	223
82. Полемические средства	225
83. Как завоевать слушателей?	227
84. Риторический анализ текста	229
85. Самоконтроль и самооценка	230
Глава 18. Речевые ошибки, их предупреждение	231
86. Произносительные ошибки	232
87. Лексические ошибки	233
88. Словообразовательные ошибки	234
89. Ошибки в синтаксических конструкциях	235
90. Нарушения морфологической системы	236
91. Редактирование текста	237
Тексты-образцы	239
Литература	257
Алфавитный указатель	263